

ЭЛЬВИРА САПФИРОВА

КРИК ШЕПОТОМ

— ПОВЕСТЬ —

16+

Эльвира Ивановна Сапфирова

Крик шепотом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64910037

SelfPub; 2021

Аннотация

Через неприятностей и пьяные нравоучения отца доводят Лену до нервного срыва, болезни, во время которой она, размышляя и анализируя события, понимает, что Иван не может быть ее отцом. Жить с ним невозможно. Девочка решает найти родного отца и уйти к нему.

Содержание

Часть 1. Камнепад неприятностей в школе и дома.	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	32
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	55
Глава 13 .	70
Глава 14	75
Глава 15	79
Глава 16	82
Часть 2. Колесовы и Ежовы. Тайна раскрыта.	89
Глава 1	89
Глава 2	92
Глава 3	100
Глава 4	102
Глава 5	106
Глава 6	112
Глава 7	119

Глава 8	127
Глава 9	129
Глава 10	135
Глава 11	139
Глава 12	143
Глава 13	150
Глава 14	157
Глава 15	166
Глава 16	173
Глава 17	175
Глава 18	178
Глава 19	184
Глава 20	187
Глава 21	190
Глава 22	194
Часть 3. Семья родного отца.	199
Глава 1	199
Глава 2	204
Глава 4	216
Глава 5	221
Глава 6	225
Глава 7	228
Глава 8	231
Глава 9	234
Глава 10	237
Глава 11	241

Эльвира Сапфирова

Крик шепотом

Часть 1. Камнепад неприятностей в школе и дома.

Глава 1

Лена мечтала об отце. О настоящем отце. Защитнике и друге. Вообще-то, у нее был папа, но какой-то слишком обыкновенный, как у всех в станице: работал от зари до зари, пил водку, буянил и курил зловонный «Беломорканал». Однажды, когда он пришел пьяный, и оскорбления с матом обрушились на девочку снежной лавиной, раздавили, выдавили дыхание, она мысленно увидела его, настоящего. Сначала лишь ощутила теплоту его присутствия, а потом увидела, как он, большой и сильный, подошел к ней, поднял, улыбнулся и ласково сказал: «Спокойно! Учись держать удар!» Сказал и исчез, а она поняла: этого, живущего рядом, пьяного, можно слушать и не слышать, и не стоит плакать.

Жили они в станице, что раскинулась вдоль правого берега Подкумка. Предгорье Кавказа – волшебное место, ле-

чебное, окутанное мифами и легендами. Обычно оно весело купается в лучах февральского солнца, а сейчас затянулось снеговыми тучами, и равнина реки стала серой, погрузилась в морозную дымку, Полуденная слякоть превратилась в каток. Просто невозможно идти!

Матерясь и качаясь, то ли от ветра, то ли от хмеля, Иван, отец Лены, поднимался с земли уже который раз и снова падал, теряя и находя шапку из кроличьего меха, кутаясь в легкое демисезонное пальто. Чуть-чуть перебрал: заказчик попался шибко щедрый, да и ребята постарались. Ремонт дома сделали быстро и хорошо. Повеселились. Иван хохотнул, вспомнив анекдот про тещу, поскользнулся и опять растянулся, больно ударившись локтем. Упал, колени поджал, будто спрятался от стылого, пронизывающего ветра. Холодно, но вставать не хотелось так же, как и тогда, в сорок первом. Он закрыл глаза и увидел себя.

Ему одиннадцать. Идет война. Мать пластом лежит который день, встать не может из-за обострившегося ревматизма, младшие сестренки с братом, укутавшись, рядом плачут, есть просят. Вот и пошел он, в декабре, в стужу, к деду на хутор, за зерном и салом. Один! Тридцать километров пешком в степи по морозу! Когда он, еле передвигая ногами, уже под вечер упал на крыльце, как куль, завернутый в материнскую шаль, и лежал не в силах постучать в дверь, его спас дед. Он вышел случайно за дровами, увидел припорошенного снегом ребенка, втащил в дом, раздел и давай растирать всего само-

гоном. Тер, ворчал, ворочал его, как бесчувственное бревно. А Ваня и вправду так замерз, что двигались только глаза. А потом дед заставил сделать несколько глотков самогона. По телу, будто жар разлился, наполняя жизнью каждую клеточку. Ощущение тепла, блаженства охватило Ивана и осталось навсегда в сознании, подкрепляясь опять и опять.

Иван сладко чмокнул полными губами, будто проглотил спасительный напиток, но тепла не ощутил. Открыл глаза. Холодно. Надо встать и идти домой. Встал.

Третий десяток мирной жизни идет. Давно отгремела война, но ничто с земли не исчезает без крепкой связи с тем, что появится вслед.

Выросло новое здоровое поколение, не знающее голода и бомбежек, целеустремленное и сильное духом, как и отцы. Но следы войны грязными пятнами и кровавыми шрамами напоминают о себе. Пороки войны не исчезли, они возникали, проявлялись, управляли людьми и направляли их. Поколение сирот, выросшее вопреки разрушению, смерти, восстанавливало страну, растило своих детей, как могло, как научила улица.

Иван похлопал себя руками по бокам, проверил, на месте ли кулек с конфетами, и, держась за забор и с трудом переставляя ноги, неуверенно двинулся вперед.

Стыло. Хмаро. С Кавказского хребта незаметно опускался морозный февральский вечер. Далекая цепь величественных вершин от Эльбруса до Казбека всегда готова обрушиться

на людей снеговые облака, град, ливень. Горы высокие, мощные, молодые. Их мертвого, тяжелого дыхания боится все живое на огромном пространстве. Только восемь лакколитов, восемь древнейших невысоких гор во главе с Бештау и Машуком, будто взявшись за руки, оберегали от ледяного дыхания Кавказа станицы и курортные городки, раскинувшиеся на берегу Подкумка.

В предгорье погода меняется быстро только что в полдень светило солнышко, а вечером и дому холодно, не только людям. В такие долгие неуютные вечера соседи-станичники приходили друг к другу в гости время коротать. Шумно с шутками -прибаутками играли в лото, а устав от смеха, ставили на стол вазочки с вареньем, наливали в чашки кипятку и пили, так называемый, чай.

Генриетта, жена Ивана, статная, красивая казачка, вернула в газету горячие пирожки с картошкой, сунула их в карман телогрейки.

– Люда, одевайся быстрее, нас уже заждались, – торопила она младшую дочку, смуглую, худенькую девочку с васильковыми глазами, большими яркими лентами, заплетенными в жиденькие косицы, – и не забудь копеечки, а то опять нечем будет накрывать цифры.

Юркая первоклассница, запихнув за уши непослушный бант, завязала платок и ловко высыпала из блюда в руку картонные кружочки:

–Я готова! Пошли, -радостно сообщила она, взяв мать за

руку.

Женщина кивнула и весело крикнула старшей дочери, сидящей около печки с книгой:

– Лена! Мы ушли к тете Нюре. Закрой двери!

Сидевшая на скамеечке около печной дверцы тринадцатилетняя девочка, не отрывая взгляда от страницы, лишь кивнула в ответ, но не встала: еще неизвестно, сколько времени они будут собираться в гости. То одно забудут, то другое.

Гера еще раз оглянулась, открывая дверь в коридор. У нее хороший дом. Каждая занавесочка, каждая салфеточка выбита или вышита с любовью. Хваткая, работающая, Гера сумела создать в доме уют и комфорт. Это ее дом, и она постоянно его обустроивает. Вот недавно увидела, как муж, прораб, проводит заказчику водяное отопление, сразу загорелась идеей сделать теплее и свое жилье. Одной печке мало, а если поставить батареи, то в зале можно и зимой спать. Еле уговорила мужа строителя сделать что-то для себя.

И вдруг комнату наполняет нежная, таинственная мелодия, льющаяся из динамика: «Опустела без тебя Земля, как мне несколько часов прожить...». Гера прислонилась к косяку и, забыв обо всем, слушала, не обращая внимания на Люду, нетерпеливо теребившую ее за рукав. Какая добрая, сладкая музыка! Гера достала валенки, села обуваться и не выдержала – запела! Негромко, осторожно. С оркестром! И получилось! Последний раз она пела еще девчонкой, до того, как умерла мама. С тех пор ей казалось, что если она запоет,

случиться опять что-нибудь страшное.

– Мам, да хватит тебе! Обувайся же скорее!

Слова дочери донеслись издалека, как помеха, их не хотелось слышать, хотелось петь. Все-таки как похожи их тембры, только вот судьбы...

Гера вздохнула, будто вернулась в реальность, повернулась к старшей дочери, Лене, и опять предложила:

– Может, все-таки пойдешь с нами, поиграем, посмеемся?

Ну. Нельзя же читать все вечера напролет!

Девочка встала, положив книгу на кухонный стол, и с улыбкой сказала:

– Да, идите вы уже. Тетя Нюра там точно рвет и мечет, ждет не дождется, чтобы вас обыграть, – и добавила, подмигнув, спустившейся с крыльца матери, – смотрите, больше пятидесяти копеек не проигрывайте!

– Мы рубль выиграем! – закричала в ответ сестренка и топнула ногой. – Правда, мам?

– Да, да, побежали, – торопливо сказала Гера, поднимая воротник и отворачиваясь от жгучего, пронизывающего ветра, – а то холодно.

Глава 2

Замкнув дверь, Лена опять села около печной дверцы и раскрыла книгу.

Приключения Саньки Григорьева настолько захватывали воображение, что казалось, это она, а не герой бросает дерзкие слова Николаю Антоновичу, обвиняя его в подлости и предательстве. Да, за это люди должны быть наказаны! Он же сознавал, что делал. Значит, враг. Предатель! Слабак! Она с особым вниманием читала сцены, где Саня Григорьев воспитывал силу воли. Но резать себе руку – детство! Зачем себе причинять боль?! Есть множество других способов. Настоящий, сильный человек всегда красивый, умный и добрый. Это уж точно.

Размышляя, она смотрела на оранжевые блики..и слушала, как гудит ветер в трубе. Мысли прервал глухой удар по железным воротам. Лена насторожилась. Внутри все сжалось от страха. Кто это? Ветер. Может, что-нибудь оторвалось и стучит.

Лязгнула металлическая калитка. Лена осторожно подошла к окну. Тяжелые неровные шаги то приближались к дому, то замирали. Эти шаги ни с чем не спутаешь! Отец. Девочка нервно вздохнула. «Значит, опять пьяный!» – подумала она, снимая крючок и поспешно убегая в комнату.

–Герка!– заорал Иван отчаянно с порога дома, открывая

ногой дверь, – жрать давай!

Он замерз, пальто и шапка измазаны грязью со снегом. Пока добрался, и в снегу належался, и лужи примерзшие вспахал. Где шел, качаясь, где полз на четвереньках – но пришел! А его не встречают! Негнущимися пальцами Иван пытался расстегнуть пальто. Не получилось. Сбросил на пол шапку и, оставляя грязные следы на половике, шагнул к столу.

– А, это ты, – пьяно, разочарованно протянул он, увидев Лену, плюхнулся на табурет, уронил голову на стол и пробурчал что-то себе под нос.

Лена поставила перед ним тарелку с борщом и хотела уйти, но отец, казавшийся спящим, взмахом руки приказал сесть напротив. У девочки все сжалось внутри. Глаза погрузнели, в них мелькнул страх и исчез, руки сами собой сомкнулись на груди.

– Значит, будет учить жизни. Хоть бы мама быстрее пришла! – с тоской подумала она, и, молча, уткнула взгляд в свои сцепленные руки. – Главное, не смотреть ему в глаза, чтобы не догадался, о чем она думает.

Раньше, девочка никогда не задумывалась, хороший у нее отец или плохой. Это был отец; то родное, что принимается, как данность, неотъемлемая часть. Но чем старше она становилась, чем реже отец приходил с работы трезвым, чем грубее и жестче он обращался с ней, тем неизбежнее таяло родственное чувство, рвались тонкие нити детской любви и

уважения.

Степень опьянения она определяла по способу поглощения им пищи. Если хлебал ложкой, с хрюканьем втягивая борщ, значит, не совсем напился, соображает, и деньги еще остались в кармане. Если ест руками, а потом выпивает содержимое тарелки через край, значит, пришел вдрызг пьяный и пустой.

Сегодня он хлебал громко, давясь не то едой, не то соплями, а девочка отворачивалась, чтобы скрыть свое отвращение.

– Дура! – вдруг заорал он, перемежая слово матом, будто подслушав ее мысли.– Дура! И мать твоя дура! Плевал я на вас!

И опять грязно и смачно выругался, стягивая с шеи шерстяной шарф.

– Я вам не ишак карабахский тащить.... . воз.... Надоели!

Упреки, мат, оскорбления сыпались на ребенка, хлестали, как прутья, обжигали. Она сидела бледная, глотая слезы, не плакала: будет хуже.

– Жизнь... она... Ты должна быть Че-ло-ве-ком! Ясно!

Он наклонился к сидевшей девочке,дохнул перегаром и больно ткнул пальцем в плечо.

– Ч. а не Г. Поняла? Учись!– закричал он, пытаясь в раздражении встать со стула, но смог лишь поднять к потолку руку со стремящимся вверх пальцем и бессильно плюхнулся на место, – налей еще борща.

Вторая порция подогретого борща почти остыла, когда он, стряхнув навалившуюся дремоту, уверенно подвинул к себе тарелку, опорожнил ее, не торопясь, наслаждаясь вкусным блюдом, и решил продолжить воспитание, исподлобья посмотрев на бледную сиротливо сидящую в спальне девочку. Нет, не стоит ее жалеть. Жизнь суровее, чем он, пусть привыкает. Он должен ее воспитать, выучить, пусть в институт поступает, не то, что он, до шестнадцати лет быкам хвосты крутил в пастухах. Иван прерывисто вздохнул, будто всплакнул, и стукнул кулаком по столу так, что ложка зазвенела, забилась о края тарелки, и закричал:

–Куда! Куда ушла? Сиди и слушай! Дура.

Он замолчал, опустив голову на руки, лежащие на столе, подождал несколько минут и устало сказал:

–Время...не теряй. гульки брось... книжки надо читать! Книжки – это...это...это. Ну, ты сама понимаешь...

Он замолчал, опять собирая мысли, запустил короткопалую пятерню в густые темно-русые завитушки и продолжил:

–Профессия должна быть. Не надейся!. Ни на кого... и на мужа тоже. Ты должна быть сама Че-ло-век, а не Г.

Он опять уронил голову на стол и казался спящим, но девочка сидела, молча, не пытаясь уйти. Иван согревался, постепенно трезвел, а главное, добрел от собственной значимости.

–Я пять классов закончил, а в школу десятников попал! Как? А я сказал, что закончил семь. Ну, учителя, конечно,

сразу все поняли, но не выгнали. Ночами занимался, и математичка, худенькая такая, как девчонка, все со мной возилась, – он цокнул пьяно языком, закатил глаза и замолчал, уставившись мимо девочки на висевший над столом посудный шкаф. Тишину нарушал тикающий будильник. – вот... все равно сдал экзамены, профессию получил. А когда мне учиться! Четверо на моей шее в одиннадцать лет. Отец на фронте, мать больная лежит, не ходит! И мешки таскал, и соль воровал...

Брови девочки вопросительно поднялись вверх.

– Да, разгружал вагоны с солью. Тащишь мешок, надрываешься, а в награду горсточка соли в сапог, тайком. Не дай Бог, кто увидит – тюрьма! Дома вытряхну сапоги, стаканчик наберется, мать на базаре обменяет на молоко и годовалую Верку покормит, чтобы не орала, чтобы не умерла... Иногда к деду на хутор ходил, за зерном. Ветер, снег в глаза... Бр-бр-бр... пробирало до костей. Приду, ни рук, ни ног не чувствую. Дед сразу чарку самогоночки – и есть не так хочется, и согреешься... Потом разотрет всего, завернет в тулуп... Тепло!

Иван задумался: «Самогоночка! Это она спасала и от голода и от холода, и от страшной действительности не только взрослых, но и детей». А вслух сказал:

– Ты вот думаешь, почему я маленький такой! Мой дед и отец под два метра, а я...

Лена внимательно посмотрела на отца. Она и не думала,

что он страдает из-за этого. Рядом с мамой, которая выше, стройнее, он всегда держался не просто уверенно, а вызывающе поглядывая вокруг.

– Голод! Понимаешь, голод... Ты вот ешь. пьешь, живешь на всем готовом..

Лена вскочила, глаза опять наполнились слезами, руки сжались в кулаки и, не сдерживаясь, закричала:

– Хватит! Хватит упрекать куском хлеба! Сколько можно ругаться!

Он посмотрел ословелыми глазами и как-то спокойно сказал:

– Сядь и не ори. Подумаешь, обидел! Ничего такого не сказал! Хватит дуться! Я с двенадцати лет работаю, а ты в тринадцать готовое лопаешь! Так учись, чтоб одни пятерки были.

Девочка шмыгнула носом, но с интересом посмотрела на отца. Она тоже так думала и старалась учиться изо всех сил. Но Ивана это не интересовало. Ему важен был сам процесс воспитания, в котором он играл главную роль.

Мужчина явно устал. Голова то и дело падала на грудь, тяжелые веки смыкались, но он опять и опять с силой размыкал их, будто кто-то внутри не давал ему покоя и заставлял буянить, натягивая на маску пьяницы и дебошира. Поднявшись в очередной раз, он, как по волшебству, вернулся в прежнее состояние полного опьянения, стукнул кулаком по столу и заорал:

– Все! Дуры! Учись, дрянь такая!

Потом сел, положил безвольную курчавую голову на руки, распластанные на столе, и беззлобно пробурчал, засыпая:

–Плевать я на вас хотел.

Дитя войны. Сильный. напористый, грубый, он научился главному – ответственности, но при этом постиг науку искусно меняться и притворяться для достижения своих целей, Прошло более двадцати лет, как отгремели победные залпы. Выросли новые сады и станицы, но никуда не исчезло чувство утраты, горечь сиротства и уродливые привычки, приобретенные в страшные годы. Ушедшее лихое время наследило в душах, изуродовало жизни.

Конечно, Лена не все понимала и в поведении, и в рассказах отца. То хорошее, что в них было, перечеркивалось напрасными упреками, пьяной площадной руганью. Глубокой болью и обидой ложились на сердце подростка пьяные сцены, вызывая отчуждение, а иногда и ненависть.

Девочка лежала на кровати, укрывшись с головой одеялом, отгородившись от всего мира, и тихо плакала, глотая слезы обиды и стараясь не шмыгать носом. Плакала и злилась: сделать она ничего не могла. Уйти из дома? Глупо. Паспорт будет только через три года. Спорить и доказывать что-то пьяному – только злить его еще больше, а к трезвому не подойдешь: насупится и молчит. Как жить дальше? Как вести себя, чтобы меньше плакать? В горьких раздумьях Лена и думать забыла о предстоящем празднике, о дне Советской

Армии . Какой уж тут наряд?! Ни белого фартука не погладила, ни нарядного воротничка не пришила.

Скрип входной двери заставил только съежиться и бесшумно вытереть нос. Вошла Гера и, увидев спящего за столом мужа, испуганно взглянула на Люду, приложив палец к губам. Тихо и осторожно, на цыпочках, чтоб не дай Бог его не разбудить, прошли в спальню. Она погладила притворившуюся спящей Лену, поправила одеяло и шепотом приказала младшей:

– Ложись! Тихо.

Сама она опять не могла уснуть. Почему Иван приходит работы пьяный, она пока не понимала, но твердо решила, что в день полочки все выяснит. На объекте в этот день собираются все рабочие, будет сабантуй. При ней трезвые строители сначала сдерживаются в выражениях. Говорят, не торопись, с паузами, будто спотыкаются о вертящиеся на языке нецензурные слова, пить стараются интеллигентно, глоточками, но все равно быстро пьянеют. Тогда шумят, подшучивают друг над другом. Их уже восхищает величавость движений жены прораба, а не стесняет, и каждый старается оказать уважение красивой, элегантной женщине, обратить на себя озорной взгляд ее дымчатых зеленых глаз. и раскрывается настежь душа каждого, а закрытую отмыкают сообщая шутками. И раскрываются перед Герой все тайны и помыслы каждого, а особенно мужа.

Иван, довольный, только ухмыляется, не перебивает, сидя

во главе рабочей артели, зорко следит за ходом пирушки и рюмку поднимает изредка.

–Надо немного подождать, потерпеть, и станет ясно, чего Иван добивается, что задумал, – уже засыпая, прошептала Гера.

Глава 3

Утро было морозным, пасмурным. Окна залиты серым светом, но в комнате уже тепло. Гудит растопленная Герой печь. В полной тишине тикают ходики. Лена открыла глаза, но вставать не хотелось. Перед глазами мелькали картинки из вчерашнего вечера. Она и жалела мать, и негодовала. Ну как можно так жить! Ну, никакой гордости нет у человека! Отца она уже давно не любила, а теперь и уважать перестала. Разве это мужчина!? Приползает домой на четвереньках и начинает вести себя, как царек: принеси, подай, сядь рядом. Издевается. Раньше она защищала маму, как могла: огрызалась, перечила, и тогда вся злость пьяного разгула обрушивалась на девочку.

Не выдержав, белая от волнения, она убежала к себе в комнату, плакала, и, жалея себя, мечтала о том, как было бы здорово, если бы ее отец не пил и не ругался, а был ей другом и защитником.

Странно, но она не помнила ни одного эпизода из их жизни, где отец вызывал бы у нее чувство любви. Даже в раннем детстве ей никогда не хотелось подойти к нему, сесть на колени, обнять. Она мысленно перебирала все фотографии, и ни на одной из них отец не держал ее на руках. Вот дядя Вова, младший брат отца, поднимает годовалую толстушку над головой, вот тетя Таня, его сестра, прислонила к себе худо-

щавую трехлетнюю девочку. «Может, я уже тогда чувствовала эту неприязнь к себе!— подумала Лена. — А разве может родной отец так не любить своего ребенка! За что он меня так ненавидит? Странно... А маму жаль. Отцу что! Не впервой! Умоется, вытрется — и как новенький! Во сколько бы ни лег, а ровно в пять подъем на первый автобус, потом на первую электричку. "Начальство приходит раньше всех!" — мысленно передразнила отца Лена.— Тоже мне, начальство! Прораб! Перегаром всех подчиненных передушит." Неужели такого можно любить?! Пьет, бьет, обзывает разными словами, материт, а утром как ни в чем не бывало, разговаривают, даже целуются. Разве это любовь?! Любовь — это крылья за спиной, когда поешь даже во сне! А у них все по-другому. Может, они любят по-земному, а у нее — по-книжному?! Выходит, и любовь у каждого своя. Ни за что не стала бы жить с таким человеком, как отец».

Вот так размышляя о любви, Лена машинально оделась, в зеркало взглянула мельком, лишь для того чтобы хвост на затылке завязать, и вперед. В школу бежала, спасаясь от мороз, хотя тяжелое ватное пальто было теплым. Какое-то хмурое, серое выдалось утро, и Эльбруса, конечно, не видно.

Новую школу в станице построили год назад. Трехэтажная, из белого кирпича, она возвышалась над домами станичников, как царица, на высоком берегу горной речки, грозной и коварной во время ливней.

Открыв дверь, Лена сразу же увидела огромную, раскра-

шенную цифру 23. Стены фойе украшены поздравительными стенгазетами, разноцветными шарами, огромными бумажными цветами. Праздник! Лена даже подпрыгнула от радости: после вчерашних отцовских воспитательных мер она о празднике совсем забыла. «Ну, и ладно. Так тоже неплохо!» – решила девочка, поправив резинку в русых волнистых волосах и одернув черный фартук.

На перемене забежала к своим октябрятам, выстроила будущих защитников государства, похвалила за хорошую учебу, потому что главное качество мальчика – ум, а его надо развивать, поздравила вместе с девочками с праздником. Потом, конечно, с жаром отстаивала свой образ настоящего мужчины на классном часе, который так и назывался "Настоящий мальчик – настоящим мужчиной". Сначала все молчали, Не нравилась название классного часа. Какая разница девочка ты или мальчик?

Лене стало жалко растерявшуюся учительницу, она подняла руку и сказала, что не важен пол, важно быть мужественным, смелым, но только на деле. Сделай, что считаешь нужным, даже вопреки установленным правилам, прояви смелость, уважение к другим людям. Это мужество. А у них в седьмом «б»классе девчонки по привычке относятся к мальчишкам свысока, могут и ударить, смеясь, и высмеять просто так, в шутку: ребята, ниже ростом, да и учатся пока хуже девчат. Но они тоже люди, и им тоже больно, просто мальчишки не плачут и не бегают жаловаться в учительскую.

Настоящими должны быть все, а не только мальчишки. Конечно, настоящий мужчина уж точно не должен быть похож на ее отца, но об этом Лена только подумала.

Уроки пролетели, как одно мгновение, и вот она – Свобода! На первом этаже проигрыватель из личных запасов директора гремел "Марш славянки". Нарядные, увешанные наградами ветераны Великой Отечественной войны, станичники, группами стояли в фойе. Довольные, радостные, они переговаривались, чинно кланялись, жали друг другу руки, а потом эти руки смущенно искали привычные карманы фуфайки, и, не найдя пристанища, натруженные, красные с въевшимся навсегда мазутом и машинным маслом, стыдливо сжимали друг друга за спиной.

Уроки закончились, и она, размахивая портфелем и разглядывая гостей, спускалась по лестнице,

– Колесова! Подойди сюда! – услышала Лена голос учителя пения, Василия Павловича, высокого, статного холеного мужчину, стоявшего у входа в актовый зал. Черный костюм, кипенно-белая рубашка и блестящий галстук-бабочка выделял его из толпы.

–Иду! – крикнула Лена с лестницы, проходя сквозь толпу гостей.

–Надо выступить. Через полчаса будем чествовать ветеранов. Будешь петь? – спросил он у подошедшей девочки.

Смешной вопрос! Она могла бы петь все двадцать четыре часа! Счастливая улыбка озарила лицо ученицы, но Василий

Павлович, оглядывая ее наряд, покачал головой и протянул:

– Да-а-а! Черный фартук не годится. Ну-ка, сними его!

Без фартука было еще хуже. Широкое шерстяное платье висело бесформенным мешком. Учитель брезгливо фыркнул:

– Не могла прийти в парадной одежде! Знаешь ведь, что праздник!

Она, конечно, знала. Лена опустила глаза, чтобы учитель не увидел, как их застилает слеза. Разве могла она вчера думать о каком-то фартуке?!

Девочку обидел презрительный взгляд учителя, но ведь он же не знал, каким был у нее вечер.

– Ну, ладно, ладно, – примирительно бросил Василий Павлович, увидев наконец-то бледное лицо девочки, огромные синяки под глазами и вызывающий, обиженный взгляд. – Беги домой, переоденься и быстро сюда. "Коробейники" будем петь.

Он посмотрел на часы, висевшие над гардеробом, и добавил то ли себе, то ли ей:

– Должна успеть.

Лена стремглав помчалась домой. Петь «Коробейники» в белом фартуке? Нет! Нужно найти что-нибудь подходящее для сцены.

Бросив портфель в кухне на стул, Лена быстро вывернула содержимое комода, перемерила и мамины, и свои кофты, но ни в одной из них не понравилась себе. В зеркале на Ле-

ну смотрела упитанная среднего роста женщина с детским взглядом и курносым в веснушках носом. В лихорадочных поисках наряда время прошло незаметно. Когда летела назад на концерт, видела среди прохожих ветеранов с букетами цветов, но отгоняла плохие мысли об окончании торжества, а когда, пробежав зал, запыхавшись, выскочила на сцену, Василий Павлович посмотрел на нее и зло сказал, застегивая мех аккордеона:

– Все! Концерт окончен! Можешь идти домой! Правильно мне Людмила Борисовна говорила в учительской, что зазналась ты, ведешь себя вызывающе, и совершенно не учишь ее географию. Я тебя еще защищал, а ты...!

И вдруг закричал, не сдерживаясь, стукнув ладонью по стоящему на коленях инструменту:

– Ты меня подвела, школу подвела. Ты хоть это понимаешь!

Лена стояла, бессильно свесив руки, и растерянновинновато смотрела на учителя. Никогда еще в школе ее так не отчитывали и не кричали на нее... При чем здесь география?! Ей было стыдно и обидно.

– Все, никаких теперь концертов! Слышишь, никаких!

Василий Павлович, бросив на нее сердитый взгляд, молча, собрал ноты, повесил на плечо серебристый аккордеон, под который, по его словам, пела сама Эдита Пьеха в студенческом ансамбле "Дружба", и, не оглядываясь, вышел из пустого зала.

Теперь ей стало страшно. Как же она будет жить без сцены!? Бледная, поникшая, Лена шла по знакомой улице мимо аккуратных и добротных дворов станичников, не замечая ни игривого блеска распутившихся февральских луж, ни ласкающих ее теплых лучей солнца, ни веселых ребят, идущих группами домой после занятий. Взгляд отрешенный и равнодушный. Она хотела лишь одного: скорее добраться до своего маленького аккордеона и играть, играть, пока рука, растягивающая мех, не упадет бессильно на колени.

Музыка помогала забыть обиды. Она завораживала, перехватывала в груди дыхание и выдавливала невыплаканные слезы, обидные слова и укоры. Постепенно боль утихала, музыка обволакивала, а все печали, невзгоды растворялись в звуках.

Очутившись на любимом всячем мосту через Подкумок, который отделял казачью станицу от курортного городка, Лена остановилась на середине, оперлась на трос. Мост качался над суетливым, мутным потоком горной реки, и девочка по инерции, как в детстве, расставила шире ноги, вцепилась в перила. Внизу, клубясь и пенясь, расталкивая булыжники и наскакивая на валуны, с грохотом увлекая за собой гальку, несся бурлящий поток.

Одна. Голова безвольно опустилась. Ее никто не любит на всей Земле! Ни в школе, ни дома. Она смотрела на ледяную воду.

Весь мир рухнул. Сразу и неожиданно. Теперь она точно

никому не нужна. Как он кричал: « Никаких концертов! Никаких выступлений!» Но это же невозможно!

Лена не могла не петь. Это как дышать. На репетиции в классе, поймав восторженные взгляды одноклассников, она старалась петь еще задорнее, еще громче. Здесь она царствовала, здесь ее любили, ею восхищались. Но разве он поймает?!

А как хотелось выйти на сцену красивой! Еще перед разговором с учителем она увидела Юрку. Неразделенная, безнадежная любовь в доме напротив! Когда она проходит мимо, голова сама поворачивается в ту сторону, а непослушные глаза лихорадочно ищут его, Юрку, любимого и недоступного. Лишь бы только взглянуть, полюбоваться античным профилем, завораживающими карими глазами и невероятно красивыми губами. Лена стыдила себя за эту рабскую зависимость, и иногда ей удавалось пройти мимо, гордо держа голову прямо, но глаза... Они все равно косили в сторону и выхватывали именно этот дом, именно это крыльцо и двор, где часто собирались ребята со всей улицы играть в настольный теннис.

Зачем он, кичившийся своей городской школой, развитым интеллектом и отцом, директором совхоза, пришел сегодня к ним, в сельскую школу?! На концерт? К ней или к знакомым мальчишкам? Теперь все равно. Он пришел, а она опоздала. Пропустила свой выход. И здесь – крах!

Глава 4

Монотонный шум реки успокаивал, от воды тянуло сыростью и холодом. Неуютно и одиноко. И школу подвела, и отец стал пить из-за нее, как сказала однажды мама, из-за ее дерзкого характера.

Лена опустила голову, и шерстяной платок сполз на плечи, но девочка не ощущала холода. Мысль о том, что она мешает счастью близких людей, и раньше приходила ей в голову, но вот так явственно и четко она поняла это только теперь. Внутри все заплакало и застонало. Она никому в этом мире не нужна. Ни школе, ни семье.

– Лишняя! – полоснуло молнией, – лишняя. И куда деваться?!

Первый раз в жизни ей не хотелось идти в родной дом. Вечером опять перегар, мат и расплывшееся слюнявый рот будет изрыгать нравоучения.

– Все, хватит! Хватит ныть! – приказывает она себе вслух, – надо уезжать, бежать! Пусть разбираются сами в своей жизни, без меня.

Она поедет в Новочеркасск к Геннадию Ежову, маминному брату. Хоть на недельку, хоть на три дня! Он поможет, он защитит, он самый лучший друг. Решение принято, и исчезла давящая боль, обида.

Дом был открыт, Гера собиралась на ткацкую фабрику.

Вторая смена до полуночи всегда напрягала женщину: она испытывала чувство тревоги за девочек.

Когда Лена вошла, она обрадовалась, что можно еще раз дать наставления и со спокойным сердцем бежать на работу.

Девочка поставила портфель на стул, не торопясь разделась, понуро прошла мимо в зал. Здесь стоял ее стол для занятий и кровать с высокой мягкой подушкой. Она легла, свернувшись клубочком, как котенок, и закрыла глаза. Спать... спать... спать... Какая тяжелая голова... Странно, почему так хочется спать? В полдень!

Гера мельком заметила подавленное настроение дочери, бледность лица, но время... Его всегда не хватает на то, чтобы остановиться, подумать, присмотреться. Надо бежать в цех. Торопливо укладывая еду в банку (обед в перерыв), она строго крикнула дочери:

– Лена, где ходишь! И что это за погром у нас? Собери разбросанные вещи и помой в кухне полы. Я не успела. Слышишь?

Конечно, Лена слышала, но отвечать не было сил. Ехать в Новочеркасск? Кто ее там ждет?! Когда прошлой зимой она упростила маму отпустить ее на каникулы к Ежовым, они всю неделю питались на деньги Ивана, привезенные Леной. Тогда она удирала из дома в надежде остаться у дяди.

Новочеркасск встретил лютым морозом и метелью. Замерзшая, она ввалилась нежданно-негаданно в дом.

–Ну, вот, едешь, едешь, мерзнешь, мерзнешь, а ты даже

не поворачиваешься посмотреть, кто к тебе приехал, – наигранно весело говорила Лена лежащему на кровати Геннадию, стряхивая снег с платка и снимая сапоги.

Сбросив плед, он сел и, как показалось Лене, натянуто улыбнулся.

– Лена?! Ты? Откуда? А где Гера?!

– Да одна я приехала, одна!

Девочка прикусила губу, чтобы не расплакаться. Проглотила ком и продолжила:

– Проведать. На недельку.

Гена удивленно посмотрел на племянницу, на ее авоську, сумку с вещами, красные от слез глаза и вспомнил себя стоящего перед Иваном с чемоданчиком. Как он надеялся, что сестра его спасет от мачехи, от ее постоянного лечения, возьмет жить к себе! Неужели все повторяется?

Глава 5

В шестом классе он сбежал к Гере. А куда еще было бежать?! Надеялся поступить в училище и жить с сестрой. Но Иван не разрешил, хотя уже новый саманный дом построил, пустой, правда, без мебели, но раскладушка-то была!

– Ты должен вернуться, – увещевал его Иван, – и закончить школу. А таблетки не пей, держи за щекой, чтобы мачеха не выдела. Ты же мужик! Поговори наедине с отцом, – и Иван сглотнул комок, подкативший к горлу. – Тебе же повезло, у тебя отец живой после войны, объясни ему, что у тебя ничего не болит.

– Ты не понимаешь! – горячился Гена, – Я говорю, что от таблеток и уколов меня тошнит, а он только ее слушает! Что мачеха скажет, то он и делает.

– Хорошо, это я могу понять. А ты можешь понять, что тебе надо школу закончить, паспорт получить, только тогда ты сможешь устроиться в общежитии! Жить с нами все равно не получится: у меня на шее и так жена и двое детей.

Гена согласно кивнул, но непрошенные слезы закапали на новую рубашку в клеточку. Они лились и лились...

– Не могу я с ними больше жить! Страшно мне! – всхлипывал он, и бабуля не встает.

– Заболела? Сколько же ей лет? – обрадовался Иван перемене разговора.

– Девяносто два уже.

– А врача вызывали?

– Мачеха вызывала. Пришла женщина, врач. Меня выгнали.

– И что потом бабуля сказала? – нетерпеливо спросил Иван.

– Что врач нашла у нее какую-то печень. Теперь сокрушается, что век прожила и слыхом не слыхивала ни о какой печени, а теперь она откуда-то появилась. Так расстроилась, что легла, отвернулась к стене и молчит целыми днями. Понимаешь, страшно мне.

Иван улыбнулся, молча, закурил и посмотрел в окно.

– Да пойми ты, – наконец, рассерженно заговорил он, – не устроишься ты никуда без документов!

– Ты же устроился! – всхлипывал мальчик.

– Я пробивался в разруху, сразу после войны, больше десяти лет назад! А теперь... Время другое!

Докурив папиросу, бросил:

– Все, не хлюпай носом, как девчонка! Думай! Что-нибудь придумаешь. Выкручивайся, приспособливайся, живи! Думай! Всем трудно, ты не один такой.

Так и поехал Геннадий назад со своим чемоданчиком.

Глава 6

Он не стал ни о чем спрашивать племянницу, поднялся, помог снять пальто.

–Ну и хорошо, что приехала, – сказал он заботливо. – А Гера знает, что ты поехала ко мне?

И сдерживаемые слезы вдруг сами полились ручьем. Девочка судорожно всхлипывала и ничего не могла ответить. Геннадий обнял ее и ласково похлопал по плечу:

–Ну, ну, успокойся!

Они были одного роста, и разница в двенадцать лет никак не сказывалась на их дружеских отношениях. Он все понимал. Но чем помочь?! Одно он точно знал: выгнать одинокого, доведенного до отчаяния ребенка он никогда не сможет, но и прокормить ему тоже будет не по силам. Пусть решает сама.

Размазывая слезы по щекам, Лена села на стул, вздохнула, глядя озабоченно на дядю, и улыбнулась.

–Понимаешь, я всем приношу несчастье, всем, – всхлинула опять она, – они все ругаются и ругаются из-за меня.

Гена ласково улыбнулся:

– С чего это ты взяла?

И Лена, шмыгая и плача, рассказала о драках, о постоянных спорах, как надо ее воспитывать. Лилась затаенная боль и обида, страх и презрение.

Всю зиму отец с маниакальной настойчивостью воспитывал в ней, козе высокомерной, как он говорил, человека. Каждый вечер одно и то же: «Учись, ни на кого не надейся! И на мужа тоже! Будь Человеком!»

Она и так старается, но причем здесь муж? Непонятно. Она не собирается замуж. Даже смешно. К ней часто приходят мальчишки и девчонки. Так ведь это же друзья! А после того как вечером пришел Сережка Параскевов за заданием по алгебре, баба Катя, ехидно смеясь, спросила, уж не собирается ли она замуж за грека? Погрозила пальцем: «Бачишь, яка шустра! Не спеши, казаков, слава Богу, хватает.»

После слов бабушки Лена долго стояла перед зеркалом. За последний год она действительно выросла. Фигура, как у мамы, только размер ноги меньше, и верхняя губа не такая красивая, а глаза смотрят слишком по-детски прямодушно и наивно. Вроде и взрослая, и все-таки ребенок. Но отец все пилит и пилит и ее, и Геру.

—Ну, вот скажи, зачем он так!

Геннадий слушал, не перебивая, кивал или опускал голову, будто ему было стыдно перед этим ребенком, а когда поток излиятий иссяк, взял ее дрожащие руки в свои, покрытые крупными конопушками, и тихо сказал:

—Ну, все, поплакала и будет. Что с Ивана возьмешь?!

Лена удивленно посмотрела, будто спрашивая, что это значит.

—Да он матерщинником был, наверное, с пеленок, — засме-

ялся Геннадий, – Ну, да, хулиган. Верховодил в городе шайкой беспризорников после войны. Держал в страхе пацанов всей округи. Герке он сначала не нравился: задиристый, всех женихов у нее поотбивал. Как увидит, что она танцует с парнем, так после танцев накостыляет ему и пригрозит, чтобы и близко не подходил к Гере.

–А потом?

–А потом ей, девчонке, надоело надрываться, мешки на току таскать, куда определила ее мачеха по знакомству, и удрала в Ростов учиться.

Лена недоуменно подняла брови:

– Разве мама училась?

– Месяц или два в школе продавцов. Бросила. Голодала. Ей восемнадцать, а она в кирзовых сапогах и фронтовой фуфайке. Пошла работать.

– А отец?

– А что, Иван... Он ее и там нашел... Правда не сразу.

– Вот и хорошо. Значит, они опять помирятся без меня, и все у них будет отлично. Да?

Геннадий с готовностью кивнул и скривился: острая режущая боль пронзила живот. Он согнулся, обхватив себя руками.

– Геночка, что с тобой? – забеспокоилась Лена, – Опять живот?

Часто дыша, он кивнул головой, Наконец, бледный, он сел и, вздохнув полной грудью, через силу улыбнулся, чтобы не

пугать племянницу.

– Все нормально. Все хорошо.

Лена наконец-то внимательно посмотрела на бледного с впалыми щеками друга и ахнула:

– У тебя же губ... седой!

Геннадий развел руками и виновато улыбнулся.

– Ну, ты даешь! Нервничаешь, что ли? Да? И куда это Нинка смотрит? Тоже мне, жена называется!

Лена входила в роль хозяйки.

– А где она, кстати? Может, покушаем? Так чего-нибудь хочется перекусить.

– Мне тоже, – уныло ответил дядя.

В эти зимние каникулы, проведенные с Геннадием, Лена повзрослела и поняла: специальность – ключ к хорошей жизни и независимости. Мало быть хорошим человеком, надо еще уметь себя обеспечить. И, поддаваясь юношескому максимализму, тут же вынесла другу приговор: слабак. Такой же слабак, как и его отец, деда Тима Ежов. Видно, Геннадий почувствовал эти нотки сдерживаемого презрения, и прощание на вокзале было быстрым и прохладным.

Теперь, вспоминая свое поведение, Лена покраснела от стыда: бить лежачего отвратительно. Она не протянула руку помощи другу, вернее, протянула и тут же осудила, но, вернувшись, уговорила Геру тайно отсылать дяде хоть пять рублей с зарплаты, пообещав носить старые платья и не просить конфет. Должен же Гена когда-нибудь встать на ноги.

А лето она провела дома, не ездила в Новочеркасск в гости, потому что ясно поняла: все заняты своими делами, у всех своя жизнь. Ее встретили, дали угол, еду, а развлекать... это уж сама! Она была свободна, как ветер, но почему-то именно эта свобода обижала больше всего. Правильнее было бы назвать ее равнодушием.

Только с Геной она чувствовала себя нужной и любимой. Правда, после армии он немного изменился и отдалился. То единение, которое было раньше, исчезло. Что-то непонятное Лене встало между ними. Нет, нельзя ставить человека в безвыходное положение: он и отказать не сможет, и помочь не в состоянии. Так что ехать не к кому, да и незачем. «Справляйся сама. Думай!» – шептала про себя девочка, засыпая.

Одинокая слеза выкатилась из-под густых, белесых ресниц. Так жалко себя, так жалко, что Лена еще ближе подтянула коленки к голове. Мелкие и крупные неприятности, которые сыпались на нее, как огнем выжгли, высушили все желания, кроме одного: спать.

Тяжелые веки смыкались, мысли путались. Спать, очень хотелось спать, но спасительный сон лишь на некоторое время отодвинул еще один жестокий удар по неокрепшей детской душе.

Глава 7

В сонную зимнюю ночь врывается оглушительный стук кулаком по столу и матерный ор. Лена просыпается и с испугом открывает глаза. Через дверной проем, завешенный холщовыми выбитыми занавесками, виден свет в кухне, половик и стол, накрытый цветастой клеенкой. За ним сидит отец. Его черты лица искажены опьянением: уголки полных губ опущены, в них пенится слюна, нижняя губа презрительно вывернута и оттопырена; глаза, будто подернутые пеленой, смотрят бессмысленно; на влажный липкий лоб свисают кудри темно-русых волос. Перед его лицом назойливо мелькают худые длинные руки жены. Яростно жестикулируя, она кричит:

– А ты! Ты не виноват! Каждый вечер пьяный!

– Опять... опять выясняют отношения диким способом! – мелькает мысль, и девочка засовывает голову под подушку, плотнее заворачивается в одеяло. Все равно слышно.

« Как это Людка умудряется спать рядом при таком грохоте! » – успела подумать Лена о младшей сестре, как вдруг визгливые, обвиняющие нотки матери оборвались хлопком звонкой пощечины. Минута – и звериный рев с матом взорвал тишину в доме. Лена испуганно вскочила с постели в предчувствии чего-то страшного и бросилась в кухню.

Ни разнять, ни помочь не успевает. Она видит, как мама

с перекошенным от страха и злости лицом падает на теплую печь, как она машет руками в надежде зацепиться за что-нибудь, но хватает пальцами лишь пространство, как, ударившись боком об угол, и, наверное, не ощутив боли, хватает утюг с загнетки и с силой швыряет им через всю комнату в стоящего в бычьей позе отца. Его пьяные глаза расширяются, руки дергаются вверх, он хватается за голову и падает навзничь, сбивая домотканую разноцветную дорожку рядом с девочкой.

– А-а-а! – в ужасе кричит она и смотрит, как у лежащего без движения отца между пальцами течет кровь и капает на тяжелый утюг, лежащий около головы. Ее трясет.

Гера растеряно смотрит, то на распростертого на полу мужа, то на трясущуюся дочь. Крик девочки отрезвляет женщину. Она застонала, качнувшись, потом подбежала к дочери, судорожно обняла, потом отстранила, встряхнула:

– Не бойся, все прошло. Он живой! Такие не умирают быстро. Не бойся! – гладила она дочку по волосам, по спине трясущимися липкими от крови руками. – Сейчас он очнется, вот увидишь! Сейчас! Успокойся!

Подошла к Ивану, перевернула его:

– Жив, слава Богу! – со вздохом облегчения пробормотала она. – Не будем его трогать, пусть лежит до утра.

Опять обняла трясущуюся дочь.

– Не бойся! Да что ж ты такая вся белая – испугалась она. – Пойдем спать, да?

Лежащий на полу Иван что-то буркнул, будто продолжал ругаться, еле ворочая языком, затем перевернулся на бок, застонал, повозился, устраиваясь поудобнее, положил ладони под голову, поджал ноги и как ни в чем не бывало мирно захрапел. Женщина бросила на него осуждающий взгляд и повторила:

– Пойдем спать, дочка.

Но ноги девочку не слушались. Обхватив Лену за талию, Гера повела дочь медленно, как больную. Морщась от боли в боку, уложила рядом с сестрой, села на край постели. Кровь струйкой ползла по ее разбитой щеке. Новая белоснежная ночная рубашка с васильками измазана сажей и кровью.

– Мам, давай уйдем от него, – умоляющим голосом произнесла Лена, – ведь он не любит нас.

Она гладила руку матери и, ободренная ее молчанием продолжила:

– Только пьет, дерется и ругается! Он злой! Злой!

– Тише, тише! – забеспокоилась Гера и посмотрела в сторону кухни. – Он не злой. Я тоже виновата. Он добрый и не жадный. А это очень важно в жизни. Он пьяный, а что с пьяного возьмешь! Не понимает, что творит!

– Да какой же он добрый, если тебя бьет, а меня обзывает постоянно до тех пор, пока я не заплачу! – воскликнула девочка.

Но Гера любила его таким, каким он был и хорошим, и плохим. Очень часто это хорошее исчезало под натиском

необразованности, природной разнузданности, невоспитанности. А откуда взяться хорошим манерам?! Безотцовщина! Воспитывала война и улица. Отсюда желание покутить, с размахом, покуролесить, блеснуть удалью, и поразить всех щедростью, бросая последнюю мелочь на чаевые, чтобы потом всю жизнь помнить эти задушевные моменты неистового богатства.

–Ну, ну! Всякое бывает. Это он куражится,— примирительно сказала Гера и ойкнула, проведя по лбу рукой. Видно, ссадина на лбу была довольно глубокой, но больше всего болела скула и нижняя челюсть.

– Ну, куда нам идти? Опять на вокзал?!

Сказала и вздрогнула, а внутри все сжалось, замерло, будто жизнь остановилась

–Почему опять!– не задумываясь, спросила Лена, не заметив перемену в матери.

–Да, это я так. Идти-то куда?! Строили, строили, столько сил, здоровья вложила, а теперь бросай, да! Нет, это не выход.

Она помолчала и твердо сказала, как о чем-то решенном раз и навсегда:

– Из дома я не уйду. Спи.

–Тебе больно! – спросила девочка и опять хотела погладить мать, но рука почему-то не поднималась. слабость сковывала тело, подташнивало. Но она не стала жаловаться.

–Нет, нет, ничего. Я сейчас умоюсь, и все пройдет, – от-

ветила Гера.

Она потрогала свой лоб и щеку, сморщилась, попыталась вздохнуть, но охнула и схватилась за бок. "Надо бы приложить холод, – подумала она, еще раз погладила волосы дочки, поднялась:

– Спи, все прошло. Завтра рано вставать. Спи!

Ей было больно и стыдно и за себя, и за свою несдержанность, и за пьянство мужа, которое она никак не могла остановить. Знала ведь, что воспитывать его надо трезвым, а не выяснять отношения с пьяным. Вот и получила! Бессилие раздражало.

– Куражится? – переспросила Лена, – Как баба Катя? Да?

Гера улыбнулась, скривившись от боли, вспомнив, как Екатерина Дмитриевна, свекровь, гостившая у них месяцами, избавилась от назойливых цыган, постоянно заглядывавших во двор за милостынею, а заодно наказала непослушную внучку.

Увидев издали ватагу цыган, она подозвала Лену и предложила подразнить попрошаек.

– А как? – спросил девочка, с радостью вступив в игру.

Ребенок сделал так, как научила бабуля: открыла калитку настежь, сняла трусишки и выставила наружу голенькую попку проходившим мимо цыганам. Оскорбленные женщины возмущенно кричали, цыганята возбужденно орали на всю улицу, смеялись и прыгали, как обезьянки, соседи, выглядывая, хохотали, качали головами, а подбежавшая ба-

бушка схватила Лену за руку и легонько отшлепала перед всеми. Слезы обиды брызнули из глаз ребенка, она вырвалась и убежала в сад, где играла в дочки-матери между кустами смородины.

Вечером пришла мама, привела дочку в дом. А за ужином было еще хуже, потому что бабушка рассказывала, как их непослушная невоспитанная дочь дразнила проходивших по улице цыган, сидя на заборе без трусов.

Все смеялись. А ей и сейчас не смешно, а обидно.

Лена, конечно, тогда не поняла, что произошло, но чувство несправедливости запомнилось, и бабушкины распоряжения с тех пор подвергались обязательному молчаливому обсуждению.

Гера провела рукой по гладким волосам дочери и сказала:

—Ну, что теперь об этом вспоминать!? Забудь и живи дальше. А на бабушку не держи зла. Она три войны пережила, горя хлебнула, голодом закусил. Не любит попрошайек и лентяев.

—Но зачем же меня использовать?!

Гера с трудом встала и, ничего не ответив, вышла.

Лена слышала стук дверей в холодный коридор, потом шелест одежды. Погас свет. Но глаза не закрывались. Не спалось. Казалось, все мешало уснуть: и огромная полная луна, назойливо освещающая спящий дом, и удушливый пьяный перегар, и бесстыдный храп на холодном полу, и назойливый запах крови на подушке. Девочка сняла испачканную наво-

лочку и долго терла ею волосы. Устав, уронила ее и забылась.

Глава 8

Геннадий в это время шел по заснеженной улице родного города, где бегал в школу, потом каждое утро спешил в трамвайное депо на работу, а однажды плелся в военкомат. Ну, какой из него солдат?! Весил на половину меньше нормы и в обмороки падал. Иногда. До сих пор непонятно, почему его признали годным к строевой! Годы службы в армии изменили и его, и улицу.

Дома стали ниже, крыши посерели, а крашенный штакетник он может теперь перепрыгнуть без проблем. Он теперь не хилый, беззащитный ребенок, которого шпиговали лекарствами, как кишку мясом, закрывали на ночь в хлев вместе с коровой, чтоб не замерз один, и лишали еды на целый день. Сейчас он может все! Ни мачеха, ни жена ему не указ! И Серый тоже! Как на дело идти, так горы обещал, а после — шиш с маком! Гена со злостью поддал камень, лежащий на дорожке. Сколько можно держать его на привязи?!

Простоял на улице целый час, сторожил и смотрел, как мечутся в окнах люди, как взметнулась чья-то рука, и тень поползла вниз, обрывая занавеску.

Выходили по одному, располневшие, пряча под плащами шубы, отрезы, хрусталь... Серый всегда исчезал неожиданно, и уносил самое легкое и ценное: золото и деньги.

Но Геннадию, онемевшему от сказочных богатств, рассу-

панных на столе, он опять сунул несколько бумажек, застрявших в сверкающей куче драгоценностей. Он по-мальчишески шмыгнул носом и вытерся ладонью. Ничего, Серый еще его оценит!

И вдруг яркий свет ослепил Геннадия, все вокруг вспыхнуло. Он испуганно закрыл лицо руками и сжался. Сквозь тревожный звон в ушах послышался знакомый трамвайный перестук колес. Страх, перехвативший дыхание, отпустил, и мужчина, глядя на неподвижно сидящих людей в проходящем вагоне, со злостью подумал: »Чего им дома не сидится!? Шляются тут по ночам!«

А трамвайчик убежал, разгоняя темноту перезвоном, перестуком и мощными фарами. Чувство злости сменилось тоской, безысходностью, и он подумал: «Дом... А у меня он есть?! С мамой был, даже с Геркой тоже был. С ними связано ощущение тепла, покоя, любви. Иногда эти чувства охватывали его в доме тетки, сестры отца, где он проводил немало времени с двоюродными братьями, но не мог играть так же безмятежно и радостно, как они, инстинктивно чувствуя отсутствие матери, не мог вздохнуть, счастливо смеясь, уплетать вкуснейший борщ за столом. Не мог... Вечером плелся домой к вечно занятому работой отцу. Как хотелось подбежать, обнять его, или помочь спустить сено с чердака, или просто постоять рядом... Но и это не получалось: тут же неожиданно появлялась Томуся, и перед глазами будто черный занавес падал. Отец исчезал...

Конечно, она видела эти зовущие, кричащие глаза мальчишки, но не для того она столько сил и нервов положила на завоевание этого дома и богатого хозяйства, чтобы вот так все отдать. А однажды мальчик случайно услышал, как мачеха сказала своей дочке:

– Кажется, все делаю, чтобы этот гаденыш конопатый сбежал, так нет! Трусливый, как заяц, даже не пытается. Хоть ноги об него вытирай! Вот досада!

Дневал и ночевал у тетки. Отец ревновал, даже приемник купил, страшно дорогая по тем временам игрушка, и пластинки. Гена, действительно, вечера стал проводить дома, пока однажды мачеха, которую он никак не называл, не вбежала разъяренная в комнату и не разбила любимую пластинку, которую они с бабушкой крутили уже в сотый раз. Вот и весь дом. Женился, думал свить свое гнездо. Мечтал...

Он достал из кармана поношенных брюк деньги, переложил их в нагрудный карманчик клетчатой рубашки, погладил шершавой ладонью и пошел быстрым, подпрыгивающим шагом.

Двухэтажный деревянный дом, где он родился и жил с отцом и мачехой, спал, ставни наглухо закрыты, калитка на замке. Перепрыгнув через забор, он прошел вдоль стены и поскреб по стеклу. В их комнате, бывшей еще два года назад верандой и съевшей весь денежный запас молодоженов, зажегся свет, заскрипели половицы, и лязгнул засов. Нинка не спала. «Ждала...» – усмехнулся он. Приятно. Но ко-

гда открылась дверь, даже полумрак коридора не смог от него скрыть ее толстого мясистого носа и маленьких широко расставленных поросячьих глаз-бусинок. Геннадий грубо оттолкнул жену, открывая шире дверь, и поспешно, виновато отвернулся от удивленного взгляда.

– Дай пройти, – буркнул он и, на ходу снимая потертое пальто, сел на разобранную кровать. Пружины натужено заскрипели и обвисли, вбирая в себя тело. На этом узком односпальном ложе прошло его детство и юность, и это все, что осталось у него от мамы. Он погладил железную спинку, зацепив давно не стиранную занавеску.

Нинка вошла на цыпочках и, юркнув под одеяло, обиженно засопела, боясь пошевелиться. Хоть весна и ранняя, а ночи еще холодные, и стылый пол обжигал голые подошвы ног.

– Ужинала? – спросил, смягчившись Гена. Беззащитный вид сжавшегося на постели комочка вызывал чувство вины.

Не дождавшись ответа, вынул деньги и бросил на стол. Нинка подскочила.

– Деньги!?! Вот здорово! – затарахтела она радостно, – у меня – ни копейки! С работы пешком шла: заплатить нечем было. Устала. Прихожу, мать с отцом едят, прохожу мимо, поздоровалась, а они даже не ответили. Сiju , а тебя все нет и нет, а борщом пахнет... Так вкусно, просто жуть! – Геннадий нахмурился, живо представил знакомую до боли картинку. Только он стоит в углу и наблюдает, кажется, вечность за трапезой. Из прошлого вернул вопрос жены. – Где

же ты ходил? Приходил Юрка, говорит, товар привезли. Будешь работать или нет?

Мужчина напрягся, покраснел от гнева и сжал кулаки. Опять Юрка! Как будто чувствует, когда Геннадий на мели. До женитьбы его зарплаты слесаря трамвайного депо как раз хватало на месяц, а теперь она исчезает ровно за две недели. Мачеха с отцом, как дурака, после службы в армии, окружили, уговорили и сосватали деву старую, как девочку, не успел прийти в себя – уже женат. Как же давит это женитьба! Навесили ему проблем лишь бы от него отделиться. Что Юрка, что Нинка. Он передернул плечами, будто хотел сбросить с них что-то и не мог. А услужливая память вместе с именем тут же подсунула надоедливую картинку из армейской жизни.

Знойный полдень. Два солдата безудержно хохоча и возбужденно размахивая руками, стоят на двадцатиметровой вышке перед бассейном с раскаленным дном. Их руки то обнимают друг друга, то взлетают в небо, то указывают на стройные кипарисы и раскидистые пальмы, где стоит он, Гена. Стоит, смотрит и с ужасом понимает, что ничем не может им помочь. Ребята обнимаются, превратившись в сиамских близнецов, и со счастливыми улыбками, прыгают вниз, в бассейн, без воды! Они летят, как птицы, раскинув руки и задыхаясь от восторга, а он лежит в тени и беззвучно заходится от слез и крика.

Ребята погибли. Но он же не виноват, что в этой Богом

забытой Каспийской пустыне дурью развлекались и заключенные, которых он охранял, и солдаты. Кто просил, тому и продавал. Или все-таки виноват?!

Нина не видела бисеринок пота на лбу мужа, не заметила, каким бледным стало конопатое лицо, не поняла, почему он так взбесился. Она любовно разглаживала деньги на столе. Какое ей дело, где он их взял! Главное, что они есть. Она уже видела не просто настоящий борщ с мясом, а свою тайную мечту: пыхтящую кастрюльку с бефстроганами. Дитя войны, она ежеминутно хотела есть. Когда братья уговаривали идти замуж, обещали, что с мужем будет сытно: в богатый дом идет, а оказалось еще хуже. Почему он не хочет заработать?! Отраву хороший человек не купит, а плохого – не жалко, как говорят братья. Пусть себе травится! И Нинка спокойно переспросила:

– Так что передать? Или сам поговоришь?

– Сам.– крикнул Геннадий зло, – не вмешивайся не в свое дело!

Он не хотел смотреть на нее, женщину-ребенка, видеть обиженный взгляд и испуганно трясущиеся губы, поэтому встал, подошел к столу и тут заметил конверт. Почерк сестры. Он торопливо раскрыл его, и, по мере того как читал, разглаживались скорбные морщинки на лбу и светлел взгляд. Прочитав письмо, он аккуратно сложил его и задумался.

Ему восемь. Два года, как закончилась война, и не стало

мамы. После женитьбы отца и бегства из дома Геры в Ростов, ему пришлось совсем туго. Мало того что жил впроголодь, так мачеха еще и болячек кучу нашла. Один лишь раз пожаловался он отцу на боль в животе, и тотчас же был уложен в кровать.

– Тома! Тамуся! – срывающимся от страха голосом кричал мужчина и трясушимися руками гладил сына.

– Что! Что, Тиша? – вбежала красивая женщина, на ходу закалывая шпильками длинные черные косы вокруг головы. – Что случилась? Наточка только уснула, а ты кричишь.

– Вот... говорит живот болит... понимаешь?

Большой, сильный мужчина безвольно развел руки в стороны. Он стоял неподвижно, бледный, испуганный, обессиленный, не способный ни на какие действия. Точно так же ссутулившись, он сидел у гроба мамы, только взгляд был отрешенный, и слезы капали на сцепленные руки. Он не помог, не спас! Нет, сейчас Гена не осуждал отца, но это разрушило их семью, лишило его матери и сестер. Не стало дома.

Это было в сорок четвертом, до конца войны оставалось меньше года. Гена смутно помнит испуганно распахнутую калитку и двери дома, много чужих людей и соседей. На улице сыро, моросит холодный, осенний дождь. Ему, четырехлетнему ребенку, страшно, холодно, он плачет, обхватив колени сестры, но Гера почему-то не обращает на него внимания и тоже плачет.

За стеной надрываются голодные близнецы, и бабушка

никак не может их успокоить. Скоро не станет и сестренки, зато появится мачеха.

– Ну, что ты, Тиша! Он, наверное, хлеба объелся, – ласково затараторила она, – Наточка, дочка, видела, как он тайком пробрался в кухню и выскочил оттуда с огромным куском хлеба, – пояснила ситуацию Тамара Федоровна, жена отца. – Правда, деточка?

Мальчик, нахмурившись, кивнул и отвернулся в сторону, чтобы они не видели его слезы. Его душила неосознанная безысходность, и он плакал, беззвучно и сиротливо, понимая, что теперь мачеха накажет его за кусочек хлеба, но даже представить себе не мог, что это наказание сломает всю его жизнь. С тех пор мачеха водила его по всем врачам, нежно гладила жесткий чуб пасынка и жаловалась, что у него, то боли в животе, то плохая память. Заботливо кормила его таблетками, порошками, травами, а страшнее всего было регулярное сезонное лечение уколами, по три-четыре в день. От весны до осени шишки на попе не успевали рассасываться. Родную дочь так не берегла, как пасынка.

А Гена боялся ее даже во сне, поэтому перебрался в комнату к бабушке, такой же хмурой и нелюдистой, как отец, спрятался. Бабушка никогда ничем не болела, скептически относилась к действиям невестки, в ее дела не вмешивалась и к внуку относилась равнодушно, но прятаться под кроватью не мешала.

Геннадий тяжело вздохнул, сложил письмо, встал и подо-

шел к кровати. Нинка спала, прижавшись к стене.

– Что же делать с Юркой и его товаром? – подумал он. – Этот репей просто так не отстанет. Как вырваться из этого замкнутого круга?! Конечно, спасибо Герке, что помогает, только все равно концы с концами не свести, а две работы не потянуть!

Геннадий вздохнул, машинально потер правую руку. Нет, к снегу. Он уткнулся в подушку. Или спал, или размышлял, но ясно понимал: изменить что-либо был не в силах.

Глава 9

Лена спала, не раздеваясь, не чувствуя ни холода, ни времени. Казалось, жизнь в ее теле замедлила свой бег и перешла на тихий шаг. Она ровно дышала, но проснуться не могла. Нервные потрясения не могли пройти бесследно.

–Лена, вставай! Вставай завтракать!– трясла за плечи Гера спящую дочку.

Девочка понимала, что настало утро, что надо встать, но глаза открыть не было никаких сил. Хотелось только спать, спать и спать и чтобы никого рядом, никаких звуков. Двигаться, отвечать не было сил. Потом опять слышала сердитый крик:

– Да что с тобой! Уже полдень, а ты все в кровати! Сколько можно! Вставай сейчас же

Лена потянулась, зевнула , подумала , что надо действительно уже вставать, но опять зарылась в мягкую пуховую подушку и мгновенно уснула.

Она не слышала, как Гера трясла ее за плечи, надеясь разбудить, как , испугавшись перекошенного лица, закричала, зарыдала, обнимая свое спящее уже сутки дитя, как бросилась в городскую больницу упрашивать врача прийти в выходной в станицу. Лишь поздно вечером она почувствовала, что ее кто-то поворачивает, и открыла глаза. Над ней склонилось незнакомое лицо и протянуло:

–Да-а-а! Завтра же на прием к неврологу! Иначе перекошенный рот так и останется на боку. И не трогайте, пусть спит. Может, и обойдется. Тишина, покой.

На следующий день из кабинета невролога первой вышла Лена, а врач долго рассказывала Гере, как надо вести себя, чтобы вылечить дочку. Только уколами не поможешь.

На улице ярко светило холодное солнце. В его лучах купалось все: и длинное унылое здание самой поликлиники, и серый покосившийся сарайчик для дров и угля на территории двора, и распустившаяся к полудню грязь.

Девочка закрыла левую щеку платком, чтобы не застудить нерв, как приказал врач, и чтобы прохожие не глазели на ее нижнюю губу, растянувшуюся до самого уха. Утром она долго разглядывала в зеркале свой кривой рот и никак не могла понять, почему это с ней произошло. Врач говорит, что это из-за неприятностей, а она и вспомнить их не могла, потому что привыкла к ним. Они сыпались на нее постоянно. ведь она родилась под покровительством планеты, которую так и зовут Большое несчастье. а те удачные дни, редкие, как праздники, воспринимались, как подарки. особенно остро и бурно. Неудачами ее не удивить, а рот, рот станет на место. Главное – вылечить, преодолеть.

На дровах кошка нежилась в теплых лучах, подставляя то рыжую мордочку, то белый живот. Лена тоже повернулась к солнцу, стоя не ступеньках, и подставила ему лицо. Тепло. Чем же ей теперь целый месяц заниматься! Домашние зада-

ния делать нельзя, читать нельзя, играть нельзя, телевизор смотреть тоже нельзя. Зато думать – сколько угодно!

Вечер был необычный. Отец пришел домой засветло и трезвый. Наскоро поел, и, молча, ушел во двор. Из окна Лена видела, как ловко он чинит повалившуюся еще осенью изгородь курятника. А весь вечер родители о чем-то тихо разговаривали. И хотя слов понять девочка не могла, но по повелительным маминым интонациям нетрудно догадаться, о ком шла речь.

Может, действительно, дети даются родителям для их воспитания, чтобы взрослые осознали свои ошибки и недостатки!

Глава 10

Дни смешивались с ночами. Спать, спать – вот главное занятие, и сон обволакивал, укутывал ее даже в те недолгие часы, когда она нехотя шла кушать, что-то равнодушно отвечала, с трудом расчесывала длинные густые волосы, предмет маминой гордости, и опять их заплетала. Большую часть времени она проводила в постели. Родные стены баюкали, окутывая пеленою...

Она любила свой саманный теплый дом. Может, потому что вместе со взрослыми месила ногами глину с навозом и сеном, потом лепила саман, заталкивая замес в деревянный прямоугольник. А когда промокшие от талого снега стены сиротливо стояли под бездонным, бесконечно высоким небом, она ласково гладила их и просила подождать немно-

го, когда папа сможет заработать на крышу, мама наконец-то выздоровеет и вернется из больницы, а баба Катя уедет к себе домой.

Но мама пришла домой худой, желтой и передвигалась с трудом. Жили вчетвером в маленькой кухоньке.

Однажды Гера, доведенная до отчаяния недовольным бурчанием свекрови и своей немощью, решила выйти в туалет, который обустроили в саду из дощечек. Нужно выйти в коридорчик, пройти мимо курятника, сложенного из булыжников и обмазанного глиной, и обогнуть абрикосу. Всего шагов двадцать!

Смеркалось. Осенний холодный ветер то срывал оставшиеся на деревьях жухлые листья, то пригонял тяжелые черные тучи с холодным морозящим дождем.

Держась за спинку кровати, Гера с трудом поднялась.

–Куды? –крикнула повелительно на нее свекровь. – Лягай!

–В туалет... хочу. Да... и душно что-то... Хочу воздухудохнуть, – виновато ответила Гера.

–Та ты сказала, чи шо? Утут ходы! – недовольно бросила Екатерина Дмитриевна, женщина лет пятидесяти, разглаживая длинные сшитые из старого ситца полосы для вязания половика. Осенняя погода давила, ей уже хотелось домой, в Новочеркасск, к детям, в свою постель, а не на раскладушку. Та злость, которая внезапно охватила ее за обедом, никак не исчезала. Ей надоело выносить горшок из-под невестки. А никуда не денешься! Надо помогать сыну. Она гордилась

своим первенцем, который теперь стал большим человеком, строит электростанции в горах. А жену взял никудышнюю.. Не удержала, не отговорила, когда Иван увидел из окна автобуса ее, жалкую, одиноко сидящую на вокзале. Генриетта. Тоже мне имя! Непутевая! Женщина нервно передернула плечами, и, занятая своими мыслями, уткнулась в работу. От этих размышлений у нее всегда портилось настроение, и унять злость помогала работа.

Ничего не отвечая, Гера переставляла ноги, держась за спинку единственной кровати. Бледное лицо, бескровные губы, впалые щеки, глубокие глазницы и руки – кости, обтянутые желтой кожей, длинные, бессильные. Она накинула ватную фуфайку, платок и исчезла, тихо, незаметно.

В комнатке тепло, уютно. Кот свернулся в люльке в ногах у ребенка, шестилетняя Лена самозабвенно, высунув кончик языка от напряжения, раскрашивает замок на единственном столе.

Стало темнеть. И вдруг что-то стукнуло по стеклу. Девочка подняла голову, посмотрела на кровать и, подскочив, закричала:

–Мама! Где мама?

Екатерина Дмитриевна, сматывая полоски в клубок, равнодушно буркнула:

–Откель мне знати!

–Бабушка! Темно!– с дрожью в голосе крикнула Лена и, накинув фуфайку, бросилась из комнаты.

В темноте около абрикосы она наткнулась на Геру. Женщина лежала на боку, свернувшись калачиком и поджав по себя замерзшие ноги.

–Мама! Мама! – испуганно, ничего не соображая от страха, иступленно заорала девочка.

–Не бойся, не кричи, – прошептала Гера синими губами, – позови бабушку.

Слезы текли по щекам, паника парализовала. Страх потерять маму, как огнем, обжигал и лишал разума. Ничего не понимая, девочка так громко ревела, что не услышала, как подошла, хромая, баба Катя, и очнулась лишь от жесткого окрика бабули:

–Геть видсея, бисова дивка! Подь в хату!

Конечно, она не ушла, но орать перестала, плакала, молча, но эти двадцать шагов дались им нелегко. Пытаясь поднять сноху, Екатерина Дмитриевна ворчала:

– Вот бисова сила! Вот доходяга! Теперь будемо на загривках ее тягати!

Невысокая, с негнущейся больной ногой, она тащила волоком недвижимую, потерявшую сознание невестку, закусив нижнюю губу, плакала и тащила по дорожке, мощенной булыжниками с речки, ругала , и ее, и себя, и сына.

А девочка трясущимися руками почему-то придерживала падающую с головы Геры шаль.

Выздороветь помогла незнакомая женщина, посоветовав проглотить желчь.

Лена до сих пор помнит брезгливое, перемешанное со страхом выражение лица Геры, когда та глотала этот горький теплый комочек, вынутый бабулей из только что убитой курицы. Зато уже после двух раз такой экзекуции женщина быстро пошла на поправку, и баба Катя уехала к себе домой.

Гера поправлялась, будто крылья расправляла. Из Марухи, аула в горах, где Иван строил электростанцию для кабардинцев, привезла доски, бревна, а весной, с первым теплом, крышу поставили. Все лето с утра до вечера, выбиваясь из сил, Гера с дочерью мазала глиной, а потом белила потолки и стены. Сколько радости было, когда осенью затопили печь и пустили Мурку в новый просторный дом!

Глава 11

К Лене силы возвращались медленно, и когда однажды ранним утром она открыла глаза и увидела снежную шапку величественного Эльбруса, а не таблетки на табуретке возле кровати, поняла: выспалась.

Грозный вулкан смотрел на нее через окно. Воздух прозрачными струями, как волнами, проплывал мимо двуглавой вершины, а солнце испуганно пряталось за величавыми вершинами. Вся цепь седого Кавказа от Казбека до Эльбруса парила в синем-синем небе. Захотелось встать и погладить седую голову великана, рассеченную в бою отважным Казбеком. Ей было жаль старика – отца Эльбруса, не понимающего свою дочь, которая влюбилась в красавца Казбека. "Отцы, наверное, часто не понимают дочерей, – решила Лена. – Так

было в древности, так и сейчас. Только вот свою дочь богатырь любил, а меня...меня вот никто не любит."

Лена тряхнула головой, и, чтобы уйти от этих мыслей, опять и опять смотрела на красивые и далекие вершины гор, соединенные глубокими ущельями. Вот стоит же он, Эльбрус, или, как его называли славяне Алатырь – священная гора, камень камней. Стоит один, возвышаясь над всеми каменными глыбами, и не ищет поддержки, а оказывает ее, не страдает от одиночества, а дарит защиту другим, не просит любви, а окутывает ею окружающих. Ведь потому и стоит выше всех, что не себя жалеет, не о себе только печется. Это удел сильных духом.

–И я теперь смогу так жить, – поняла Лена.

Длинный калейдоскоп безобразных сцен замелькал перед глазами, и девочка, тщательно их перебирая, искала те моменты, где смогла себя защитить.

Она вспомнила, как однажды, разговаривая с пьяным отцом мягко и негромко, смогла избежать оскорбительного мата, а потом, играя низкими тонами в голосе, даже заставила его пойти лечь спать на кровать. Это было давно и всего один раз, но, то состояние уверенности в себе, то чувство превосходства над отцом, овладевшие тогда Леной, запомнились. Значит, пока она полностью от него зависит, надо думать, что говорить и как, замечать, что делает его мягче, добрее, запоминать это и использовать. Так и надо делать.

Кто-то громко постучал в калитку, вернув Лену в действительность. Гайдучиха принесла парное молоко. Подхватив приготовленную банку со стола и наспех поменяв тапочки на резиновые калоши, в одном платъице Лена выскочила во двор. Холодно. Ежась от ледяного ветра, она пробежалась до калитки, взяла молоко и укорила пса, виновато виляющего хвостом:

– И для чего тебя только кормят?! Хоть бы для приличия гавкнул! Не дам молока.

На горизонте небо совершенно темное, а мамы нет с работы. В груди зашевелилась тревога. Где же она может быть?

Уже сестра с одноклассницами веселой стайкой воробьев ворвались в дом после школы, бросили портфель и досыта наигрались в пятнашки. Уже и они разошлись по домам и легли спать, уже дремота окутала дом, и ночной мороз сковал распустившиеся днем лужи, а Геры с Иваном все не было. Наконец, Лена, до сих пор не сомкнувшая глаз, услышала, как в звенящей тишине щелкнула калитка и родители, радостные, возбужденные появились на пороге кухни. Шумно раздеваясь, счастливые, они положили на стол невероятно дорогие подарки: авоську с мандаринами, апельсинами, кулками шоколадных конфет, сверток с вкуснейшей докторской колбасой.

– Не спишь? – рассмеялся Иван, – вот и хорошо. Хочешь братика?

Лена с недоумением посмотрела на воодушевленного

Ивана, потом на недовольно фыркнувшую мать и радостно поддержала отца:

– Правда? Вот здорово будет! Конечно, хочу!

Но тут же спохватилась: практическая сторона этой новости охладила романтический пыл:

– А кто будет с ним нянчиться?

– А ты и будешь, да Людка еще. Все веселее вам, и мне хорошо: еще хоть один мужик будет в доме.

– Мам, правда, что ли? Решили? – спросила Лена недоверчиво Геру, вешавшую свое тяжелое зимнее пальто и небрежно брошенное на стул демисезонное легкое мужа.

– Сами еще как следует не обжились. Диван бы купить, торшер... Мне так понравился один, – и, глядя на Ивана, снимавшего потертый свитер, Гера протянула, – Пальто, вон, тебе надо справиться. Зимнее, теплое. Ходишь, мерзнешь!

– Купим, купим, и сына еще воспитаем! – ласково обнял жену улыбающийся Иван и добавил, обернувшись к Лене, – не шучу, дочка, не шучу. Возьмем. Я уже и мальчонку в детдоме присмотрел. Вот.

– Да, ладно тебе, – освобождаясь от объятий, недовольно буркнула Гера и кивнула дочери, – шутит он, шутит.

Иван разомкнул руки и недоуменно посмотрел на жену, которая не могла уже остановиться:

– Да кого ты воспитаешь, если пьешь да материшься!?

Иван обиженно засопел и, молча, пошел в спальню. Праздник потух.

Гера суетливо разбирала сумку и авоську с гостинцами. Она чувствовала, что обидела мужа, пощипала, как она говорила, его фазаний хвост. Заносило Ивана. Ей казалось, что она права, опуская его на землю, а то куда бы его занесли фантазии: всех детдомовцев бы привел к себе. А ей надоело считать копейки, хотелось жить в достатке.

–Иди уже спать, поздно. Я сама здесь управлюсь, – устало сказала Гера дочери, жующей шоколадную конфету, и добавила, кивая на горку сладостей, – завтра поделите с Людой.

Лена любила такие возвращения счастливых родителей. Дом, будто чувствовал их настроение и наполнялся ровным счастливым покоем. Каждому в нем было тепло и уютно.

Когда Гера вошла в спальню, Иван лежал на кровати и курил. Она, молча, легла рядом, потом попросила:

–Хватит курить, давай спать.

Иван потушил папиросу и с жаром заговорил:

–Мы же с тобой построили дом?

–Построили, конечно. И просторно, и тепло.

–А где детский смех? Где маленькие дети, как мечтали??

–Опять хочешь взвалить на себя груз?! – с горечью отозвалась в темноте Гера. – Только ушел, убежал от ярма. Татьяна с Веркой, сестры, Вовка, брат, слава Богу, выучились, работают, свои девочки подросли. Свободно, да? Отдышался? Не знаешь чем заняться? Оденься, обуйся! Живи и радуйся жизни!

–Все ты вроде правильно говоришь, а внутри у меня все

бушует, противится, не соглашается. А как вспомню детдомовцев... Ну чего ты боишься? Мы в войну, в голодуху и то выросли, а тут мир... Хлеба на всех хватит...

– Да не хочу я есть только хлеб, понимаешь?! Неизвестно еще, что из него вырастит!

– Тогда рожай сама, – твердо и жестко сказал Иван.

– Я боюсь, – и добавила еще тише, – умру. Ты же все знаешь!

– Нет, не знаю, – повысил голос мужчина. – Это было давно и с твоей мамой, причем здесь ты?

– А притом что после вторых родов я, как и мама, чудом выкарабкалась, а после третьих она не смогла. Хочешь один остаться?! С двумя детьми? Как отчим?!

Иван обнял возбужденную, дрожащую жену, ласково поцеловал и сказал:

– Я же не Тимофей Егорович! Я же все сделаю, чтобы ты выздоровела, да и медицина сейчас вон как вперед шагнула. Семья большой должна быть, так нам детей легче воспитать, а им легче будет в этом мире жить. Сейчас заворот кишок запросто вылечат. Если бы ты родила мне двойню, я бы на руках вас носил и никогда не пил.

Гера прижалась к мужу и прошептала:

– Хорошо бы! Только вот как сейчас вижу: мы с мамой тянем в гору по полю эту проклятую тачку с мешками мерзлой картошки, а у мамы вся кофточка впереди мокрая. Молоко прибыло, кормить близнецов надо. Спешим.. а ноги тонут...

Еле доползли... Легла, покормила и больше не встала. Как кричала...

–Что же Тимофей Егорович Ежов, рядом что ли стоял?

–Нет, бегал, , приходил, говорил, что искал врача. Только после бомбежки, где же ты врача-то найдешь?! Ты же помнишь сорок четвертый, город освобождали... в подвалах сидели.

–А в госпиталь не мог сходить? Да на этой же тележке и отвез бы ее сам туда, – в возбуждении приподнялся Иван на локтях.

–Не знаю, – виновато прошептала Гера, – может, растерялся, может, думал, что все обойдется.

–Слушай, а почему вы тащили с поля эти мешки, а не он?

–Мама говорила, что ему нельзя выходить за калитку дома – заберут.

Молчание затянулось. В окно застучала изморозь.

–Надо же, – удивился Иван, – пришли по снегу , а сейчас и дождь прибавился. Скользко завтра будет.

Гера шмыгнула носом и обняла мужа.

–Значит, он и не искал врача. Наверное, боялся и наших, и немцев. Жалко – сделал вывод Иван.

Гера уткнулась ему в плечо и заплакала, потом глубоко вздохнула и легла на спину. Казалось бы, все слезы уже выплакала по маме, но они, жгучие, все равно текли.

За окном шуршал шелестящий стук ледяных снежинок. В доме тишина, покой.

–Но ведь я же не такой! – заволновался Иван и навис над женой. – Я же тебя всегда спасу!

Гера улыбнулась сквозь слезы и погладила непокорные русые завитушки.

–С судьбой не поспоришь. Я не хочу, оставлять моих девочек сиротами. Ведь мои сестрички, все равно умерли. Одна за другой. Хоть и коровы были, и хлеб был. Мне четырнадцать, но что с ними делать... А хорошенькие такие девочки...

Гера опять замолчала, сглотнув подкативший ком, и уже спокойно сказала:

–Мы с братом остались без мамы, а отчим быстро нашел себе новую жену. Знаешь, не могу вспомнить мамин голос. Помню, что ласковый, звонкий... и лицо тоже расплывается...

Иван крепко прижал жену к себе и зажмурился, чтобы самому прогнать постоянные видения сиротливого детства. Оно закончилось, когда началась война и принесли отцу повестку из военкомата. Боль расставания и чувство одиночества застряло навсегда. Нет, нет, да и поднимется откуда-то из глубины. Лицо отца стерлось, только улыбку, мягкую, стеснительную, Иван чувствует до сих пор. Отца нет, а тепло его улыбки до сих пор согревает душу.

Мужчина задержал дыхание, наклонился взять с пола сигарету, помолчал и с жаром зашептал:

–Ну, как мне тебя убедить! Уже двадцать лет прошло, как

закончилась война, все по-другому! Надо жить, а не оглядываться. Представляешь, как будет хорошо в доме, если еще и сын появиться, а?

Гера нежно положила свой пальчик ему на красиво очерченные губы, поцеловала и ласково прошептала:

– Давай спать, фантазер! Поздно уже.

– Но мальчонку, того, помнишь, кудрявого, с такими печальными глазами, надо бы взять, а? Прямо, как я! – уже засыпая, тихо бормотал Иван, – отец говорил, что чужих детей не бывает.

– Уймись, нам своих девочек надо до ума довести, а ты о чужих беспокоишься. Спи.

Гера погладила мужа и натянула спустившееся одеяло.

Глава 13 .

Лена медленно выздоравливала. Она уже скучала по школьному шуму, по дням, занятым до отказа учебной, общением, работой. Оказывается, и от отдыха можно устать! В один из таких солнечных мартовских дней в дверь ввалилась ватага ребят одноклассников. Веселые, счастливые, они жали ей руку, хлопали по плечу и возбужденно говорили наперебой:

–Ну, как ты, рассказывай?!

–Да ты хорошо выглядишь!

–Ничего почти не заметно!

–А мы скучаем!

–Знаешь, как плохо без тебя!

–Нас Василий Павлович все ругает, все сокрушается теперь, что без старосты мы отбились от рук.

–А дежурные что же? Я график на месяц расписала! – радостно улыбаясь, уже оправдывалась Лена,.

– Знаешь, как ему досталось на педсовете за тебя! Выговор дали с занесением в личное дело. Вот.– сообщил Витька, гордо расправив плечи, и добавил, – а я бы ему и не так еще за тебя. Ты только выздоравливай быстрее!

Лена, удивленная, счастливая, смотрела на мальчика Почему он так яростно защищает ее? А паренек весь светился от переполнявших его чувств. Такой красивый, даже пол-

нота его не портила А в первом классе он, чистенький, наглаженный, пухленький, и не смотрел в ее сторону, предпочитая общество такой же аккуратной отличницы Светки. На переменах, когда жизнь кипела, и Лена, распахнув руки, неслась с горки к берегу Подкумка наперегонки с мальчишками, а потом, пыхтя и скользя по мокрой траве взбиралась на вершину, где находился школьный двор, Витек царственно стоял и наблюдал за гонками. Он снисходительно улыбался, окидывал взглядом ее растрепанные волосы, спустившиеся гармошкой чулки и болтающийся фартук с оторванной пуговицей и, не торопясь, шел в класс. Лена всегда опаздывала, поэтому урок начинала, стоя в углу, а он примерно сидел, сложив руки, как и подобает послушному ученику.

Что же изменилось теперь? Или они изменились? Приятно, что о тебе заботятся, но верить в то, что она нравится Вите, было страшно: столько лет равнодушия, и вдруг – явная симпатия. Нет, безопаснее не верить.

– Да он теперь даже ходит. Как нормальный человек, не задирая вверх головы, – перебила ее мысли Люба, девочка серьезная и принципиальная

– Ну, да, подумаешь, бывший руководитель студенческого ансамбля. Так ему что все позволено, что ли?! – продолжал возмущаться Витька.

– Вот, вот, – вставила тихоня Женя. – И не мужчина он вовсе, если хвастается своей любовной связью с Пьехой.

– Нет, ребята, вы напрасно так о нем говорите. Если бы

он нас все время опекал и носился с нами, как Раиса со своим седьмым «а», мы бы не стали такими дружными, правда, Ира?

– Ленка, да что ты говоришь?! Ты же выполняла его работу, даже оценки выставляла в дневники, а он иногда интересовался, все ли ты сделала!

– А уроки! – тут же перебил одноклассницу Виктор. – Ты его защищаешь, а скажи, сколько у нас было уроков пения за эту четверть?

Он торжествующе обвел взглядом ребят:

– Раз, два – и обчелся. А ты защищаешь!

Действительно, Василий Павлович, великолепный музыкант известной в стране музыкальной группы, волею обстоятельств вернулся в родительский дом не один, а с женою и младенцем. В маленьком курортном городке работу в эстрадном ансамбле не найти, пришлось идти работать в школу. Вел он себя так, как и положено знаменитости: рассеянно смотрел по сторонам вокруг, как бы говоря: «И что я тут с вами делаю?»

– Ребята, – взволнованно сказала Лена, – а помните, с чего все началось?

Все заулыбались. Каждый видел эту картинку детства по-своему. Каждый хотел поделиться воспоминаниями, и поэтому говорили наперебой, не слушая товарища. Усмехнувшись, Виктор негромко, будто себе сказал:

А ведь тогда урока опять не было.

– Ну, да, а как мы бесились!

– А я орал, подпрыгивал и махал руками от радости., а Сережка бегал между рядами и всех пятнал!

– Ой, а я кричала, чтобы все замолчали.

– У меня громче всех получалось: я крышкой парты грохотал!

– А я мелом в доску пулял!

– Так это все-таки ты бросал мелом и тряпкой?! – воскликнула Лена, глядя на Колю Закидова, высокого нескладного подростка, хулигана и двоечника.

– Ну, да! Стена-то общая у нашего класса и у кабинета директора: я и бросал. А че? Пусть тоже попрыгает!

– А как мы передрейфили, когда взбешенный директор во-рвался в класс!

– Ага! Я сначала от страха спряталась под парту.

– Лен, а почему ты вышла к доске и сказала, что ты мел бросала? – спросила Женя. – Ты же все время сидела заткнув уши и что-то читала?

– Не знаю, – рассмеялась девочка. – Как-то само получилось. Все стояли такие потерянные, виноватые. Все равно никто бы не сознался, а стоять весь урок не хотелось.

– Ну, потом я тоже вышел, и тоже сказал, что бросал, помнишь? Я же признался! – с запоздалым раскаянием выкрикнул Колька.

– Потом мы все вышли к доске. Все признались!

– А помните, как директор сначала стоял злой-презлой, а

потом заулыбался?

– А мне кажется, что тогда и родилась наша дружба. Один за всех и все за одного.

Конечно, все согласились. А Лена подумала: « Как хорошо, что в школе работают разные люди, разные учителя. Если бы Василий Павлович, поразившись мощью голоса высокой упитанной девочки, не назначил ее старостой, еще неизвестно, как бы сложилась школьная жизнь бывшей хулиганки». Она относилась к одноклассникам, как к младшим несмышленьшам, которых нужно опекать и наставлять.

– Ребята, да ну его! И не так уж сильно он и виноват. Кто его знает, что это такое на меня напало! Что за болезнь такая. Ничего не болит, а лечиться надо. Я уже почти здорова. Давайте лучше чай пить, и дайте же мне, наконец, домашнее задание

Глава 14

Счастливым день закончился быстро, как и все хорошее. Когда ребята ушли, тоска по школьной жизни почувствовалась сильнее.

Видя, как дочь слоняется из угла в угол, Гера, уходя на работу, предложила:

– Знаешь, давно хотела тебя попросить разобрать вещи в шкафу. Может, возьмешься? Лена обрадовалась: хоть какое-то занятие до вечерних уколов.

Со стопками белья справилась быстро, а вот верхние полки комода явно перегружены бумагами. Все было выброшено в мусор, кроме пакета с документами. Их перебирать Лена не стала. Зачем?

Вечерело. В доме чисто, уютно. Станичники заняты делом, у всех жизнь кипит, а Лена стоит у окна и наблюдает ее. Солнце садится, лужи на дороге блестят, люди проходят мимо их забора. Кто прыгает с камня на камень, кто шлепает в резиновых сапогах по лужам. Дожди идут уже неделю. Если открыть форточку, то можно услышать голос самого Подкумка. Сейчас горная река, мощная и сердитая, собирает мутные ручьи с гор, растет, как на дрожжах, увеличиваясь во много раз. Ее грозный, бурный поток воды страшен. Он крутит и несет, как пушинки, огромные стволы деревьев, катит по течению валуны в рост человека. Около реки уют-

но, холодно, страшно.

Летом этот бешеный поток успокаивается на следующий день, и мощная река бурлит, будто бабушка ворчит, хотя и достаточно грозно, но уже не страшно. Тогда наступает самое счастливое время для купания. Вода холодная, но ребята садятся на машинные шины, отталкиваются от берега и с сумасшедшей скоростью несутся с восторгом вниз по реке от одного края станицы до другого, качаясь на волнах до головокружения, цепляясь за поваленные деревья. Удивительное единение с бурлящим потоком, валунами, пеной и обжигающими брызгами.

Лена села на кровать. Решила все-таки перебрать и пакет с документами. Листочек о своем рождении она видела не раз, и ей очень не нравилось вычурное нерусское имя, записанное там. Стелла. В этом имени слышалась напористость, решительность, властность, уверенность в себе и какой-то налет аристократизма. Ну какая из нее леди?! И решительность в себе она только воспитывает. Нет, ей уютнее все-таки с именем Лена: проще, роднее. Маме тоже досталось! Генриетта. Королевское имя. Вот где сила, властность. Ей подходит, хотя тоже не для аула. Иногда мама как посмотрит, сразу чувствуешь себя виноватой и глупой, даже если ни в чем не провинилась.

Когда Лена возмущалась, Гера только улыбалась, а однажды сказала, что имя можно поменять при получении паспорта. И девочка успокоилась. Хорошо, когда есть выбор.

Но сегодня ее взгляд упал на штамп в правом верхнем углу. Раньше она не обращала на него внимания. Яркий, чернильный прямоугольник с надписью «повторно» заставил Лену задуматься. Почему повторно? И вздрогнула от страшной догадки...

Лихорадочно нашла свидетельство сестры, открыла. Чисто. Никаких штампов нет. Внутри все замерло. Только в голове что-то сопоставлялось, анализировалось, делались выводы. Значит, правда. Значит, Иван не ее отец, не настоящий! И не похожи они совсем.

Так вот почему они так часто оставляли ее одну, когда надо было идти в кино или в гости... Людку брали всегда с собой, а ей лучше, как мама говорила, дома посидеть, а то вдруг кто-нибудь придет! А как шумно и радостно собирались! Какими счастливыми шли, держа за руку маленькую сестренку! Лена в эту идиллическую картину никак не вписывалась. Так вот откуда это щемящее чувство отверженности! Боль и тоска одиночества! Интуиция ее не обманывала. Ну, не может родной отец так обращаться с дочерью! Как же теперь жить?

Надо найти своего, родного. Вместе с этой мыслью пришла уверенность, что не всю жизнь ей слушать ненавистный мат и терпеть пьяный треп! Есть выход. Она найдет настоящего отца, и жизнь изменится. Ее родной отец, конечно, не пьет, скорее всего, он даже не курит, потому что запах перегара и табака вызывал у девочки тошноту.

Машинально складывала трясущимися руками содержимое пакета. Кто бы мог подтвердить догадку? Кто поможет разыскать родного отца?

Глава 15

Солнце давно село. Опустились сумерки. Мирно гудел котел, засыпанный углем. Стукнула калитка, послышался топот. Пришел отец. Трезвый и злой. Ради нее не пьет уже третью неделю, ради нее такая жертва. А она-то никак не могла понять, почему от этого жертвоприношения на душе становилось еще тягостнее. А может, она ошибается? Выдумывает все и наговаривает на отца? Может, он и есть самый настоящий, просто вот такой достался? Надо проверить. Мама не раз ей говорила, что настоящие, любящие дочери так грубо не ведут себя, как она, что «ласковое дитя две матки сосет», поэтому отец тоже груб с ней.

–Проверим, – решила Лена, быстро встала, положила на место документы, задвинула ящик и вышла навстречу в кухню. Она подходила к Ивану, будто к горной реке, будто к Подкумку после сильных ливней, на ощупь, с опаской, чтобы не соскользнула нога в грязевые глинистые завалы, что тащит с гор.за собой, пенясь, бешеный поток и разбрасывает по равнине.

Уставший отец сидел на стуле, ждал, когда кто-нибудь выйдет и подаст ему еду. Чтобы никого не звать, он обычно входил, громко стуча ногами или задевая рукой пустое ведро, которое потом долго еще тарахтело на весь дом.

Лена подошла, поцеловала его в щеку, улыбнулась и спро-

сила:

– Борща налить?

Иван удивленно посмотрел и кивнул. Лена налила и села напротив.

– Маму попросили остаться во вторую смену, – сказала она, а внутри все сжалось от непонятного страха. Оказывается, трезвого она боится еще больше. Насупленный, недовольный, он ел так же, как и пьяный, неприятно с шумом вытягивая в себя еду. Но девочка решила не отступить. Если она будет ласкова, может, и отец будет приходить домой не только трезвый, но и радостный.

– Еще макаронки с мясом есть, будешь? – спросила Лена и опять улыбнулась.

– Угу! – буркнул Иван и хмуро, недоверчиво посмотрел на дочь, стоящую к нему спиной около печки. – Ну, как выздоровела, наконец? Вроде бы рот на месте.

Лена обернулась и, чувствуя расположение к себе отца, решила еще на один отчаянный шаг. Заговорил, значит, все хорошо, значит, можно теперь спросить то, что мучило столько времени.

– Пап, а ты когда пьяный все понимаешь, что говоришь?

Спросила и сжалась. Вот он, момент, когда она точно будет знать, кто перед ней: отец или отчим, любит он ее или ненавидит. Когда обзывал ее, материл, и она в слезах убегала, мама приходила к ней гладили по голове и шептала:

– Не обижайся на него, он же пьяный, не понимает того,

что говорит.

И Лена успокаивалась, прощала. Действительно, что с пьяного возьмешь. Но однажды после очередных оскорблений, она подумала, что говорит он гадости как-то уж очень осознанно, и уже тогда решила при удобном случае спросить его сама об этом. И вот этот момент. Настал. Зря или не зря она прощала несправедливые, обидные слова? И услышала:

– Угу! – промычал Иван, не поднимая головы. – Мне же надо сказать вам, что я о вас думаю.

Лена оторопела. Она смотрела на кучерявую русую голову, склоненную над тарелкой, на широкую смуглую ладонь с толстыми короткими пальцами и не могла вымолвить ни слова. Справившись с волнением, она уточнила:

– И как ругался, как обзывал, тоже помнишь?

– Что ты хочешь? – закричал он. – Я все помню. Дура! Понятно!

Девочка пулей вылетела из кухни, уже не слыша слов, летящих вдогонку. Это были уже лишние, бесполезные слова. Она знала главное. Этот человек не может быть ее отцом. Рухнул прежний мир. Она не плакала. Глаза были сухи, а в голове все стало ясно и спокойно. Он чужой. Зачем тогда переживать из-за каждой грубой обидной фразы или мата!? Надо искать родного отца.

Глава 16

Весна пролетела так же быстро, как и весь учебный год. Лена бегала к своим октябрятам, проводила с ними праздники, викторины, уверенно наводила порядок в классе, где ей никто и не думал перечить, а перед сном мечтала о том, как она найдет отца, какой он будет добрый, интеллигентный, начитанный и, обязательно, умный. План поиска был очень прост. Вся родня родителей жила в Новочеркасске. А она родилась в Ростове, совсем рядом, и даже жила там несколько месяцев, по словам мамы. Значит, отец, живет в Ростове. А найти его в этом большом городе поможет брат мамы, Гена. Он никогда ни в чем ей не отказывал.

Гена – это ее друг, ее старший брат, единственный человек на свете, кому можно рассказать все. Маме – нельзя, а Гене – можно. Любые идеи, рожденные в ее голове, воспринимались им, как руководство к действию. Когда он приезжал к ним в станицу, мир вокруг менялся. Они ездили в парк, бродили по улицам и говорили, говорили... И отец не страшен: Гена защитит, будет сидеть и смиренно слушать пьяный бред вместо нее, пока буяна не сморит сон. Он поможет и сейчас.

А Гена в это время прятался от встречи с Юркой. Та малая часть денег, вырученная за товар, давно была потрачена, а клиентов, как назло, не было. И Серый скрылся. Генка тянул время, как мог.

С Юркой они сошлись в армии, где двухметровый атлет взял под защиту хилого солдатика и научил его, как благодаря дури жить не в казарменном пекле, а в райском уголке рядом с кухней. И начальство довольно, и солдатики счастливы. А Гену и совесть не мучила, потому что зэки, они и есть зэки, не люди. Если они хотят так развлекаться, он не против им помочь. Другое дело на гражданке...

У Юрки просто талант – находить клиентов. Зачастил, значит, сейчас ему нужны курьеры и деньги. Надоел. Как избавиться?!

Несколько раз Геннадию удавалось не встречаться с приятелем, но бывший ефрейтор на расстоянии чувствовал поток злости, который излучал Геннадий при виде громалы. И когда Юрка внезапно навис над ним на остановке трамвая, закрывая и прямую улицу, и темнеющее небо, животный страх пронзил, застигнутого врасплох Геннадия. Он инстинктивно вжал голову в узкие плечи и детский чубчик, зачесанный налево, встал торчком.

– Ну, вот, блин, а ты боялся, что мы не встретимся, – мягким баритоном обласкал его Юрка. – А я жду, жду, блин, жду! Ну! Кореш! Ты же знаешь: если я прилип, то это навеки. – и добавил, разведя руками, – ну, и чего, блин, пыхаешься? Не понимаю! Он по-хозяйски сел рядом, широко расставив ноги, и деловито заговорил:

– Значит, так. Товар у тебя дома, что делать и как, ты знаешь. Приду через неделю. Усек?

Он спокойно смотрел на тщедушного приятеля, вжавшегося в скамью, и, довольный эффектом, добродушно сказал, привалившись к спинке сиденья:

–Ген, ну, не обижайся ты, блин. Ведь мне нужно семью кормить. Дочь, вон, родилась... толстая такая, все ест и ест. День и ночь ест. Тебе хорошо: у тебя никогда не будет спиногрызов. Я, на твоём месте, спасибо бы мачехе за это говорил: обеспечила, блин, беззаботную жизнь.

Он посмотрел на испуганно сжавшегося помощника и засмеялся:

–Ну, и видок у тебя, блин! Продашь товар – брось в урну это старье, купи новую рубаху!

Атлет легонько хлопнул приятеля по плечу и зашагал по тротуару.

Глава 17

За месяц до поездки Лена решила прозондировать почву. Она заказала на почте переговоры с Геной, выяснила, что он никуда не собирается летом уезжать и удивилась неприятному сдавленному смешку в трубке. Раньше Гена так не смеялся. Вообще разговор был каким-то странным, холодным и коротким. Потом начала переговоры с Герой.

Прибежав из школы, Лена разогрела обед, сама наелась, и Мурке с Шариком досталось, потом накормила кур, вынула из гнезда яйца, убрала разбросанные утром вещи, вымыла полы, наломала сирени в вазу и, довольная, села делать уроки.

– Ох, как хорошо, – сказала пришедшая с работы Гера, устало улыбнулась и села на стул, оставив полные сумки на полу. – Смена была тяжелая. Жарко. Разбери, Лена, продукты. Пойду, полежу.

Когда Лена открыла дверь в комнату мамы, та читала. Девочка села на край кровати и спросила:

– Мам, можно я поеду в Новочеркасск?

Гера опустила книгу и с любопытством посмотрела на дочь.

– Когда?

– В середине или в конце июня, как получится.

– А что должно получиться? – насторожилась Гера.

В последнее время дочка стала задумчивой и скрытной, что не укрылось от взгляда матери, но Гера молчала, ждала и наблюдала. Каждый раз отпуская Лену к родственникам, она не находила себе места, пока дочь живой и невредимой не возвращалась к ней домой.

Чем взрослее становилась девочка, тем тревожнее было на душе у Геры, тем неохотнее отпускала она дочь, будто боялась, что та уедет однажды и не захочет возвращаться. Кто-нибудь из родни сделает «доброе» дело. На это лето решила ее не отпускать одну или вовсе дома оставить. Гера внимательно смотрела на дочь: уж очень собрана и повторила вопрос:

– Так что должно получиться?

– Ну, с практикой и ученической бригадой. Надо же денег

заработать, – замялась Лена.

– Вот и работай! Лучше купим тебе что-нибудь из одежды.

Гера отложила книгу, села, и, обняв дочь, ласково продолжила. – Я видела такую шикарную ткань на платье! Давай сошьем в ателье, чтоб не испортить самим, а?

– Мам, ученическая бригада работает лишь до конца июня, а впереди все лето, – возмутилась Лена. – Соберем черешню, и сад опустеет, а на сливы переходить я не хочу.

– Почему?

– Они низкие, разлапистые.

– А черешня? – засмеялась Гера.

– Высокая, сильная. Залезешь на дерево и качаешься на ветру. Ящики быстро наполняются.

– А я думала окна с тобой покрасить в конце июня.

– Давай раньше покрасим, – с готовностью предложила Лена.

– Ну, хорошо, а сестру куда денешь? Ее нельзя одну оставлять: если вторая смена, меня до двенадцати ночи не будет, а на отца надежда сама знаешь какая. Да и кормить тебя там некому.

– А Гена!?

– Что Гена! Его самого кто бы накормил, – бросила она недовольно. – Знаешь, лучше всего дома. Ты здесь и отдохнешь и начитаешься. Не дуй губы, мне помощь нужна, закатка пойдет. Кто банки мыть будет? Да и денег лишних пока нет. Нет, – добавила она решительно, – дома лучше.

И не обращая внимания на поникшую, расстроенную дочь пошла в кухню.

Лена пошла следом, села за стол, уткнула обиженный взгляд мимо матери в Эльбрус, залитый солнцем, потом раскрыла книгу. Не читалось. Назойливый комар зудел, то над одним ухом, то над другим. Темнело, и постепенно из комнаты исчезало тепло уюта и покоя, запах сирени становился острее и резче.

– Ничего, – подумала Лена и по привычке подняла вверх веснушчатый нос. – Что-нибудь придумаю.

Через неделю, улучив подходящий момент, когда Иван был в хорошем подвыпившем настроении, Лена сказала ему о своем желании поехать погостить к бабушке Кате. Ивану сегодня действительно целый день везло: и бригада плотников работала отлично, и заказчик благодарный попался. Лишняя копейка нечаянно появилась.

– Поезжай, поезжай, проветришься, ума наберешься, – не раздумывая, разрешил он. – А деньги есть?

– Нет.

Иван вынул из кармана несколько десятков, пересчитал и целых три отдал дочери.

– На, хватит?

Глаза девочки вспыхнули радостным блеском:

– Конечно, хватит! Спасибо. Только... вот мама...

– Что, не отпускает? – ухмыльнулся он. – Все никак от юбки деточку не может оторвать?! Не волнуйся. К бабушке, так

к бабушке.

Утром, разливая какао, Гера спросила:

– Зачем ты хочешь ехать в Новочеркасск?

– Мам, просто хочу погостить. Погуляю, похожу по улицам, да и ты от меня отдохнешь, – добавила она лукаво.

– А жить у кого хочешь?

– Как всегда, – ответила Лена беспечно, – ты же знаешь.

Немного у твоих родственников, Ежовых, немного у папиных, Колесовых. Ну, хорошо, хорошо, зайду поздороваться и к бабушке Оле Ежовой, чтоб не обижалась. Плохо, что она отдельно живет, идти не хочется.

– Зайди. Не обижай одинокую женщину. Люду тоже возьмишь.

– Ну, мам, – заныла Лена, – она же лезет во все дырки! За ней только и смотри.

– Так уж и смотри! – улыбнулась Гера. – А за тобой, не надо? Как я ее одну буду на целый день оставлять, ты подумала? Да и слез будет – море.

– Ладно уж... Только ты прикажи ей слушаться!

– Хорошо, хорошо, поезжайте. Гену надо предупредить, чтобы дома был в это время. Напиши ему.

– Угу! – стараясь сдержать радость, подскочила девочка.

Но Ежовым было не до гостей.

Часть 2. Колесовы и Ежовы. Тайна раскрыта.

Глава 1

Ничего не подозревавшая Лена, собранная и целеустремленная, ехала к дяде. Путешествовать в поезде – одно удовольствие. Лежишь, а тебя еще и укачивают. А если верхняя полка... Это же миниатюрный личный уголок в плацкартном вагоне! Днем в окно смотри, сколько хочешь или лежи до бесконечности: никто не сядет тебе на ноги, как внизу, и не будет жевать под ухом вонючую колбасу, или котлеты с чесноком.

Уже в вагоне приглушен свет, уже слышится первый храп пассажира и сестренка на нижней полке посапывает, а Лене не спится. Внутри все замирает от страха и неизвестности. Даже самой себе девочка не могла бы объяснить, откуда взялась такая уверенность, что Иван не родной отец. Просто не может и все!

Не было чувства кровного родства, как с мамой, на которую она не обижалась: поругает и тут же пожалеет. С Иваном так не было никогда. Он не прикасался к ней, но его слова хлестали сильнее ремня.

В детстве Гера могла на дочь и накричать, и полотенцем по спине перетянуть. Но после того, как Лена однажды в Марухе после маминых криков ушла из дома гулять и весь день бродила по берегу Терека, строила крепость из булыжников, играла в защитников, а с темнотою, опустившейся на аул, вспомнила, что надо идти домой, и как ни в чем не бывало появилась в дверях, мама, увидев ребенка, расплакалась. Сразу же сняла с нее резиновые сапожки, растерла вонючей жидкостью ледяные ноги и тельце, укутала в шерстяное одеяло, напоила чем-то сладеньким и больше никогда не ругала, а хвалила за каждый даже незначительно хороший поступок, или, если была недовольна дочерью, невзначай рассказывала, как где-то кто-то вот так хорошо сделал. Дочь сразу же задумывалась над своим поступком. Так вот, оказывается, как надо делать, как надо было сказать, и на недостойное поведение ею ставилось табу.

Иван же все вопросы разрешал матом, что вызывало отвращение.

—А вдруг я себе все это придумала? Ведь было же и нам вместе хорошо! — размышляла девочка, — когда отец приносил очередной исторический роман и запоем читал всю ночь, а утром шел на работу. А однажды ворвался в дом с криком: —Гера! Я нашел, нашел!

Он возбужденно тряс книгой над головой. Это были не просто вечера, а праздники! Иван садился на стульчик возле печки, где сейчас часто сидит Лена, находил загнутую стра-

ницу и читал вслух, захлебываясь от смеха. Все хохотали до боли в животе. Как уютно и спокойно. За окном метель, а им тепло от печки и даже слабый свет от керосиновой лампы не помеха.

Колеса вагона ритмично стучали, и надо было бы уснуть, но тревожные мысли, сомнения не дают покоя. Надо проверить. Надо. Раз решила, делай.

Глава 2

Ранним утром поезд подошел к перрону вокзала. Вот он, город, в котором она родилась. Почему только сейчас она так пристально все рассматривает?! Мощное, серое здание внушает уважение. Лена знает здесь все выходы и входы, поэтому уверенно берет за руку сестру, переминающуюся с ноги на ногу, передергивает плечами от прохладного утреннего воздуха, окутавшего на перроне не выспавшихся пассажиров, и идет к выходу, подхватив свою сумку и авоську с продуктами. Тяжело. Она останавливается и смотрит на полусонную сестру:

–Просьпайся уже! Видишь, какие высокие переходы? Смотри, какое здание!

И чтобы разбудить сестру рассказывает:

–Знаешь, мы с мамой однажды засиделись у тети Лизы и опоздали на поезд. Бежали, задыхались, но успели лишь на верх перехода подняться, как объявили отправление поезда. Мы стояли наверху и с ужасом смотрели на убегающие вагоны.

–А билеты были? – прозвучал прагматичный вопрос сестры.

Лена кивнула.

–Пропали?!

–Мама сидела на чемодане с потерянным лицом. У нас де-

нег чуть-чуть осталось, на новые билеты не хватило бы. Подошел дяденька и подсказал обратиться к начальнику вокзала.

–И что? – заинтересовалась Люда.

–Мама пошла. Начальник в красивой форме дал нам билеты на следующий поезд. Китель!!

Люда вопросительно посмотрела на сестру:

–Ты чего? Какой китель?

А Лена ясно увидела себя маленькой и маму рядом с незнакомым дяденькой в черном пальто с ослепительно белым шарфом и фуражке, как у капитана. Они бесконечно долго о чем-то говорят. Она замерзла, устала стоять и ходить вокруг мамы, не выпуская ее руку. Мама держит коробку конфет и красивую куклу, которую Лена сразу не взяла из рук незнакомца. Испугалась. А теперь все время смотрит на нее. Так, может, это и был ее отец?! Лицо! Не вспоминалось. Только красивая форма перед глазами. Значит, он все-таки здесь живет! Или жил. «Ладно. Скоро все узнаю», – подумала она и рассеянно ответила сестре:

– Да это я так. Пошли быстрее. Ждать первый троллейбус нет смысла, быстрее пешком дойдем до автовокзала

В Новочеркасск, раскинувшийся на Донском плато, приехали к полудню, и сразу попали в прошлый век. Столетние дома, каменные двухэтажные, гордо смотрели окнами со ставнями на редких прохожих. Бережливые казаки строили их себе, внукам и правнукам. Что ни здание, то раритет. Да-

же вековая будка для ремонта обуви, поставленная до революции на углу Никольской, подкрашена, подправлена и исправно служит жителям до сих пор.

На скалистом плато тонкий слой почвы и совершенно нет воды. Если в Старочеркаске казаков заливали воды Аксая и Тузловки, то, спасаясь от наводнений на Донском плато, они таскали эту воду наверх в бочках, пока генерал Платов с царем Александром I не решили построить казачью столицу. Первое, что они сделали – провели водопровод.

И пятьдесят лет спавший казачий городок ожил и расцвел. Жизнь закипела, а пышная земля с поймы помогла трудолюбивым казакам разбогатеть и превратить свою столицу в цветущий край. После Гражданской войны с трудом поднялся город с колен, в Отечественную войну немцы так вцепились в плато, что город несколько раз пришлось отдавать и вновь возвращать. Отстроился, ожил и задремал в ожидании другого Платова.

Никаких перемен за два года в казачьей столице! Ни транспорта, ни дорог. Все также прохладно утром, также душно и жарко днем и также нещадно жрут комары ночью

К кирпичному двухэтажному особняку, девочки подошли уставшие и голодные. Лена опустила тяжелую сумку на каменную плиту, служащую ступенькой перед массивной дубовой дверью, поставленной еще в прошлом веке хозяином, и позвонила.

– Лен, пойдем в кухню, – заняла Люда, – бабуля там.

– А вдруг она отдыхает? Жарко ведь уже на кухне.

– Ага, будет она тебе прыгать по ступенькам, – возразила рассудительная сестра, – дядя Вова с тетей Раей на работе, Васька в садике, а она приготовит кушать и там же в кухне отдыхает, я знаю.

– Раз ты все знаешь, иди во двор и посмотри! – рассердилась Лена и села на сумку.

Дом купца, возвышавшегося над поймой реки Тузловки, был открыт всем ветрам.

Калитка открылась бесшумно и легко в просторный заросший травой двор, застроенный сарайчиками и засаженный плодовыми деревьями по периметру. В глубине двора, под холмом, поросшим терновником, приютилось строение, сооруженное Колесовыми из подручного материала, похожее на пещеру, – летняя кухня. Увидев открытую дверь в летнюю резиденцию, Людка побежала с визгом: «Бабуля!», и Лена, услышав этот взрыв эмоций, со вздохом подняла сумки и тоже вошла во двор.

Из-за старенькой тюлевой занавески сначала показалась повязанная белой батистовой косынкой голова бабы Кати, а потом расплывшееся в радостной улыбке смуглое лицо. Подбежавшая внучка повисла у нее на шее, а женщина улыбалась и, обнимая любимую внучку, восклицала:

– Як жеж це так!? Приихали! Сами!? Без мати?! Ну и ну!

Это была ее кровь, ее продолжение. Худощавая, подвижная, невысокого роста, с черными, как смоль волосами, в

свои шестьдесят с хвостиком, и ровненьким прямым носом, она выглядела моложаво. А глаза, как у всех Колесовых, синие, бездонные, таврские, как она говорила, светились счастьем.

Лена сдержанно поздоровалась, не вмешиваясь в бурную сцену, и поставила на траву сумку. С красного лба капал пот, и веснушчатый курносый нос, сгоравший каждое лето до ранок, опять сильно покраснел; выгоревшие на солнце волосы, завязанные на затылке резинкой, не добавляли красоты.

– Ну, девки! Ну, девки. – повторяла Екатерина Дмитриевна, пропуская внучек в кухню, – Сидайте, сидайте, будем обедать. Борщ тильки что зробыла, абрикос в кучу сторнула, потом поколупаемо...

Девочки вошли в маленькую комнатку, где стоял обеденный столик, газовая плитка с баллоном, тумбочка и самодельная кушетка, на которой женщина отдыхала в жаркий полдень. Чисто. Уютно. Вкусно пахнет едой.

Хромая, с негнущейся ногой (остаток жестокого ревматизма), она возбужденно суетилась, наливая из ведерной кастрюли густо заваренный борщ и нарезая по ломтю пышного хрустящего хлеба, спрятанного от жары на дно эмалированного ведра, потом села напротив.

Люда без усталости трещала, успевая и заглатывать еду, и рассказывать, что она отличница и что ей дали похвальную грамоту в конце учебного года.

– Гарно, гарно, – кивает головой бабушка и гладит внучку.

Спохватившись, оборачивается к старшей и спрашивает:

– А ты як годину зробыла?

– Хорошо, – равнодушно отвечает Лена и продолжает есть.

–Ой, бабуль, она скромничает,– воскликнула Люда. – У нее всего-то одна четверка, а грамот... пять или шесть.

–Люд, – зыркнула Лена на сестру, – перестань хвастать.

–Да я же бабушке, ни кому-нибудь! – обиделась та и, обернувшись к бабуле, стала перечислять, – и за октябрят, и за общественную работу в школе, и за работу в классе, и за самодеятельность, и за...

Она наморщила аккуратный прямой, как у бабушки, носик и обратилась к занятой едой сестре:

–Ну, напomini, за что еще?

Лена махнула на нее рукой с хлебом. Отстань, мол, и потянулась за вишневым компотом, на который нацелилась и муха. Отогнав ее, Лена только сейчас услышала назойливое жужжание в кухне и за занавескою. Их было столько, что казалось они слетелись сюда со всего города! И сколько бы бабушка их ни гоняла, они все равно пролазили через дырочки в тюле, пробирались по половику через порог. Знают, где можно полакомиться.

–Ну, все! Геть в дом: тамочки прохладно, – скомандовала бабушка.

Она с трудом поднималась по крутой узкой лестнице. Еще в молодости, когда родились погодки сын Иван и дочь Татья-

на, заболела ревматизмом и лежала полгода пластом. Свекор и ухаживал, и лечил любимую сноху ваннами из сенной трухи. Поставил-таки ее на ноги, стала ходить.

Негнувшаяся нога все четырнадцать ступенек больше мешала и цеплялась, чем помогала, отдавала болью в спине.

Взлетев по лестнице, Люда по-хозяйски открыла дверь и первой вошла в затемненную комнату, которая показалась большой и пустой. Прохладно. Окна зашторены плотной занавесью, на полу под окном лежал застеленный простынею матрас с подушкой.

–Лягайте! И я чуточку полежу.

Бабушка пошла в смежную маленькую комнатку отдыхать. Там, кроме комода и кровати, стоял еще стул и громоздились полки для белья.

Лена неподвижно лежала, раскинувшись на одеяле, рядом со спящей сестрой. Ревность и обида мешали заснуть. «Людку все хвалят, любят, а меня будто и нет рядом! Приехали вместе, а к ней – с восторгом, а обо мне ни слова. Они все чистенькие смуглые, а я белая, с веснушками», – размышляла девочка. Она подняла руку и посмотрела на забрызганную мелкими, темными точками белую кожу. В этом году она сгорела в поле на прополке свеклы, и у нее появились неприятные конопушки на плечах и руках, а раньше были только на лице. Лена горестно вздохнула. «Людка им родная, вот ее и любят. Это нормально. А мне – что осталось».

Девочка еще раз вздохнула, перевернулась на бок и уткну-

лась глазами в блестящий пол, крашенный светло-коричневой краской. Все дорожки по-хозяйски выстираны, высушены и сложены под кровать, там же устроился и единственный ковер с изображением мишек в лесу. На печке груды зимней одежды, высушенной и зашитой в мешки, и, конечно, с мылом от моли. Бабушка строго за этим следит.

Она практичная, даже жадная, по мнению девочки. Лена ни за что бы не стала возиться с мерзлой картошкой, а бабуля еще и заработала на этом.

Глава 3

В ту осень они с Герой собрали хороший урожай. Крупные картофелины спустили в подвал, а мелочь ссыпали в мешки и хотели отдать соседям для поросят. Не успели. Стукнули первые заморозки. В банках с помидорами, стоявших на тумбочке за дверью, рассол покрылся ледком, и картошку тоже прихватил мороз, не спасла и мешковина. Баба Катя, приехавшая как раз в гости, смотреть на такое безобразие не могла.

Рано утром она подвязала фуфайку фартуком, вытащила выварку во двор, натаскала в нее из колодца ледяной воды, закатала рукава, высыпала мелочь и опустила внутрь руки.

Первое ведро легко внесла в дом. Прикрутила к столу мясорубку и приказала внучке молоть. Лена делала уроки, и, конечно, была недовольна, но, поворчав, все же пришла в кухню. Первое ведро смолоть – забава, а вот шестое, седьмое... Хотелось зануть и бросить все. Руки занемели, плечи болели. Лена так бы и сделала, но случайно увидела бабушкины руки. Хромая, она с трудом тащила полное ведро мытой картошки, а поставив его, не могла разогнуть заочечневших пальцев. Подтащив волоком тару, она высыпала в мясорубку горсть мелочи:

– Мели. Не гоже добру пропадати.

После просушки практичная Екатерина Дмитриевна

сгребла в предварительно сшитый полотняный мешок весь сухой крахмал и отвезла к себе домой кисели варить. Разве это не жадность?!

Это сейчас она понимает, что баба Катя, пережившая три войны и коллективизацию, не могла поступить иначе. Если она ни одной крошки хлеба не выбросила, то мимо целых двух мешков картошки уж точно не могла пройти.

Глава 4

Тонкие полоски света, пробивавшиеся между шторами, обжигали, но купеческий дом, построенный на века, хранил прохладу и надежно защищал от жары.

Воспоминания убаюкивали, бессонная ночь давала о себе знать. Цикады монотонно и гулко звенели, глаза постепенно смыкались.

Еще во сне Лена поняла, что проспала. Вскакивать и бежать на ночь глядя к Ежовым поздно. Она потянулась, открыла глаза и негромко сказала сестре:

–Вставай, скоро вечер. Наверное, дядя Вова с Раей уже пришли с работы.

–А Вася?

–И Вася. Пойдем вниз, в кухню.

Спускаясь на ощупь по темной лестнице, Лена размышляла о том, что первый день прошел зря и не приблизил к разгадке, что надо набраться терпения, а спешка может насторожить бабушку. Она все примечает. Молчит, молчит, а потом и подставить может.

В открытую дверь на девочек пахнуло жаром. День засыпал. На горизонте солнце сливалось с выжженной степью. Ни звука. Спокойно. Вдруг в тишину пустынной улицы неожиданно ворвался громкий монотонный стук вагонных колес и, постепенно удаляясь, затих. Это на другом конце города

промчался мимо редкий состав пассажирского поезда. Прошел одинокий прохожий. Жизнь в каждом доме спрятана за расписными ставнями и крашеными заборами. Ощущение жуткого одиночества окутало девочку. Оно росло, становилось страшным, вселенским. Нет людей. Их не видно. Спрятались. Ты один, как в пустыне.

– Лен, ты чего стоишь? Пошли, – ныла Люда и тянула сестру за руку.

Увидев появившегося из-за угла мужчину с ребенком, она бросила руку и побежала им навстречу.

И опять Лена стояла, как посторонняя, и наблюдала бурную радостную встречу родственников и сама не могла понять своей сдержанности, понять, почему не может вот так же, как Людка, повиснуть на шее добрейшего дяди Вовы. Ведь носил же он ее на руках, когда она была маленькой!? « Вот, вот, ты уже выросла, взрослая стала, а хочешь вести себя, как ребенок, – упрекнул Лену внутренний голос.

– Но мне хочется! Я тоже хочу, чтоб меня обняли, поцеловали и вообще были рады моему приезду!

– Он и рад. Ты ведь видишь, как искренне, как радостно светятся его синие глаза, а помнишь, как прохожий, видя вас гуляющими по парку, восхищенно восклицал: «Какой молодой папа! Какой молодой! И как похожи!», а дядя смущенно улыбался и крепко прижимал тебя к себе.

– Это потому что у нас овал лица удлинённый. Дядя похож на погибшего отца Василия, и такой же ласковый и добрый,

только и всего, – оборвала Лена внутреннюю перепалку.

Мужчина, поравнявшись со стоящей племянницей, ступил под ее пристальный взгляд и не решился обнять девочку, лишь похлопал по плечу, обошел вокруг восхищенно произнес:

–Ититна сила! Как выросла! -

Он произнес это выдуманное им несуразное выражение, в которое вкладывал самый разный смысл, от восторга до сильнейшего раздражения.

С любовью рассматривая племянницу, он весело улыбался:

–Ну, и выросла, меня догнала, ититна сила! В какой же ты класс перешла?

Лена смущенно молчала.

–В восьмой, – гордо крикнула за сестру Люда. – Ну, пойдем, пойдем домой. Бабуля уже, наверное, ждет нас!

–И Рая тоже! – задорно поддержал ее дядя.

Шумная ватага ввалилась во двор.

Ужинали в сумерках по очереди: сначала дядя с женой и сыном, за ними девочки с бабушкой. потом все сидели на бревне, ожидая, когда Рая помоеет посуду. Густая черная ночь разводила людей по своим углам.

Все было, как всегда. Раздвигались теневые шторы, и сквозь марлевые форточки проникала в квартиру ночная прохлада. Рая садилась на край постели, расплетала длинные густые волосы, отливающие рыжиной. Они струились к

полу желтой рекой, не желая лежать на коленях, и женщина расчесывала их медленно и торжественно, а муж ложился на диван, что стоял напротив и, делая вид, что читает газету, восхищенно следил за каждым движением жены. Все как всегда... Невозможное, тихое счастье...

Глава 5

Лену положили здесь же, в этой комнате, на матрасе, расстеленном на полу, и она еще долго не могла заснуть.

На следующий день ее разбудила соловьиная трель. Но перевернуться на другой бок и заснуть не успела: соловей опять запел. Перед глазами стояла рыжая жена дяди Вовы. Стояла с детской свистулькой во рту, закалывала шпильками свою шикарную косу и свистела...

–Проснулась? Вставай, а то все на свете проспичь, – засмеялась она, обращаясь к девочке, и опять, дурачась, как ребенок, дунула в игрушку.

Сразу стало весело, хорошо и, хотя для приличия Лена заворчала что-то про каникулы, женщина не обратила на фразу никакого внимания, стукнула шваброй об пол, накинула на нее тряпку и озорно подмигнула:

–Быстрее шевелись! Скатывай матрас!

Тоненькая, маленькая, она командовала дородной племянницей, как Суворов солдатами.

–Сегодня я покажу тебе, как надо мыть полы, – определила Рая задачу дня, и Лена поняла: у тетки выходной.

Юркая, она летала по комнате. Швабра плясала в ее руках, босые широкие ступни скользили по мокрому полу, как по льду. Было столько озорства, любви и удовольствия в этих движениях, они были так заразительны, что оставаться в сто-

роне невозможно.

–А знаешь, в чем преимущество людей низкого роста? – опять затронула она больную для себя тему.

–Нет, – коротко ответила девочка, вытирая пыль. Она об этом не задумывалась, как не страдала и от того, что весит лишние, на чей-то взгляд, килограммы. Когда два года назад на уроке физкультуры она стояла первой, а ее друг Валерка замыкал строй, Лена просто знала: мальчишки растут медленнее. Догонит. Главное, с ним было интересно, а еще она думала, как научиться разговаривать с ровесниками так, чтобы им хотелось с ней общаться. В книгах, которые были в библиотеке, об этом не говорилось, у родителей не спросишь, они решают свои проблемы. Но однажды она заметила: если вести разговор о том, что интересует человека, не перебивая его своим восклицаниям, расставание проходило более теплым, и Лена чувствовала к себе интерес и симпатию. Это приятно. А вот кто лучше: высокий или низкий, ей было неинтересно.

А Рая, складывая на полке глаженное детское белье, не дожидаясь ответа, с улыбкой рассуждала:

–Ну, ты даешь! Это же просто! Высокий видит в толпе поверх голов, а маленький может прошмыгнуть внизу между людьми. Вывод какой? Все увидеть и услышать может только человек низкого роста.! Поняла?

–Ну, вот и хорошо, – рассмеялась Лена. – Люди разные важны, люди разные нужны.

А про себя подумала, может спросить ее об отце? Вдруг знает что-нибудь.

– Это тебе хорошо, буркнула недовольно тетка. – А тут сейчас соберется цыганский табор, ногу поставить негде будет.

– Тетя Таня придет, да? – сочувственно спросила Лена.

– Ну, да. Слышишь, пирогами на всю улицу пахнет. Мама ждет в гости семейство дочери.

Лена потянула носом. Запах свежей выпечки никогда не оставлял ее равнодушной.

– Вот здорово! А с чем пирожки?

– Разные, – без энтузиазма ответила Рая и, стряхнув уныние, улыбнулась и неожиданно произнесла:

– А я зато анекдоты знаю! Хочешь расскажу? Да не красней ты заранее, он приличный! Пригласил парень девушку в ресторан. Дама пышная, полногрудая, ну, кровь с молоком, как ты.

Лена недовольно посмотрела на Раю, но та как ни в чем не бывало, продолжала:

– Ну, подошел, значит, к ним официант, принять заказ, а она ему : «Мне борща, пожалуйста!»

Лена невозмутимо вытирала посуду в серванте.

– Представляешь, в ресторан пришла борщ есть! – фыркнула Рая. Девочка улыбнулась. Довольная реакцией Рая продолжала:

– Принесли борщ, горячий, ароматный пар обволакивает

парочку и от избытка чувств, дама наклоняется к кавалеру и жарко так шепчет: « Как же ж хорошо с вами! Очень я Вас люблю. Так люблю, что аж в грудях все печет, печет... »

–Люся, – зло шепчет кавалер, – выньте титьку из тарелки.

Она залиvisto хохочет, вытирая насухо мокрый пол, скользит, как ласточка, подняв одну ногу кверху.

–Ну, как тебе анекдот? – оглядывается она. – Почему не смеешься? Ведь смешно же?! Такие огромные, что вывалились в борщ!

Лена сдержано улыбнулась.

–Ну, ты, прямо, как наш комсорг, – разозлилась Рая, – ему тоже только чинные подавай, исторические!

Хлопнув шваброй, она подоткнула выбившуюся полу платья еще выше и сказала:

–А титьки они и есть титьки!

Лена не обратила внимания на недовольство тетки, потому что постоянно возвращалась к мысли об отце. Нет, у Раи она ни о чем не будет спрашивать. Даже если та и знает что-нибудь, то в секрете вопрос племянницы держать не станет.

Терраску и ступеньки лестницы Лена выскоблила сама. Когда протирала коврик у входной двери, вздохнула с облегчением: наконец-то, можно уйти, не вызывая подозрения. Она поднялась переодеться.

–Ну, вот, теперь более или менее чисто, – с улыбкой подытожила тетка.

–Да по этим комнатам даже босиком можно ходить, если

ноги вымыть и обязательно с мылом! – растеряно проговорила удивленная девочка.

Рая посмотрела на нее снизу вверх и довольная усмехнулась:

–А то! Нечего лишний раз лазить...

Лена покраснела. Она поняла теткин намек и предупреждение не лазить в холодильник и обиженно отвернулась. Теперь у нее есть деньги на сладенькое, она и без ее ворованной сгущенки обойдется. Это прошлый раз Лена позволила себе глоток, другой и не заметила, как осталось на доньшке в пол-литровой банке, но она же сразу поставила ее на место и задвинула другими. как и было. На следующее утро испарилась и банка, и настроение.

Видя, что намек понят, Рая подхватила ведро, швабру, ведро и пошла во двор, весело напевая: « Я одной тобой люблюсь... » Ее душа пела: у них с Вовой скоро будет своя отдельная квартира! Они не будут больше кормить всех детей и внуков огромного семейства! Вот заживут!.. Да и Вове, как начальнику цеха военного завода, должны повесить зарплату. От этой мысли на душе стало еще радостнее, и она уже подсчитывала, когда они купят машину, если исключить содержание многочисленных внуков Екатерины Дмитриевны и еженедельные обеды большой семьи Колесовых. Будет жить, как королева.

А Лена и злилась на тетку, и восхищалась ею. Быть такой заразительно веселой у нее не получалось, а рядом с Раей

она и вовсе становилась какой-то другой, неизвестной себе, чопорно-холодной и высокомерной. Может это оттого, что тетка постоянно подшучивает над ней, иногда зло и обидно, а Лена никак не может сразу сообразить, что ответить? А может это она такая обидчивая?

Лена вздохнула. Прошлый раз она и недели не выдержала: собрала два платья и укатила домой, а сегодня...

Она надела любимое платье, повертелась перед зеркалом, взяла кошелек и вышла. Затаенное желание узнать правду, как сжатая пружина, заставляло действовать, давило. Все чувства замерли, ярко светилось лишь одно – быстрее уйти. Не получилось. Когда чего-то очень хочется, всегда возникает то, что мешает.

Глава 6

В кухне царствовала баба Катя. Она раскатывала тесто для пирога. Приготовленная начинка в большой миске стояла рядом.

–Как вкусно! – вместо приветствия воскликнула Лена, отправляя ложку с мясом и капустой в рот. – Бабуль, я к Генке пойду, ладно.?

–Куды в таку рань? Сидай, покуштуй, и тикай.

–Нет, не хочу! Я у Гены поем. Может, с ночевкой останусь. Ты не волнуйся.

–Ну, ну, – только и сказала Екатерина Дмитриевна, внимательно посмотрев на внучку.

Лене сегодня определено везет. Осталось только от Люд-ки смыться, чтоб не увязалась, и все. Дальше, как у Буратино, останется только найти волшебную дверь, повернуть золотым ключиком – и тайна открыта.

Люда с Васей увлеченно возводили грандиозное средне-вековое строение с башнями, воротами, рвами и мостами че-рез них под абрикосой в песочнице, сооруженной заботли-вым дядей Вовой. Рядом стояло ведро с водой, и лежали различные формочки.

Осторожно, прячась в тени и за постройками, Лена пере-секла двор, подкралась к калитке и, оглядываясь, все ли в порядке, с силой толкнула ее и чуть не упала в провалив-

шея пространство, потому что одновременно ее открывали со стороны улицы. Ее подхватил матрос, высокий, загорелый, в белой рубашке с полосатым воротником, и поставил на землю. Она оторопела: откуда на безводном плоскогорье матрос?!

Паренек улыбнулся, опустил руки, посторонился.

– Проходите, пожалуйста!

Лена залилась краской, представив сразу, как нелегко было удержать такую дородную девушку, и, пробормотав слова извинения, хотела пройти мимо, но неожиданно ее схватила чья-то холодная костлявая рука, и прозвучало знакомое контральто:

– Лена? Ты когда приехала?

Бабушка Оля Ежова, сестра маминого отчима, показалась из-за широкой спины красавца-матроса. Девочка поздоровалась и поцеловала подставленную сухую морщинистую щеку.

– Вчера только приехала с Людой. А вы к бабе Кате? Она на кухне.

– Как выросла, а?! – одобрительно кивая, пробасила прокуренным голосом женщина, не слушая ответ. – Куда бежишь?

– К Генке иду.

– А племянник на футболе. В Ростов поехал. У них по этому поводу сократили рабочий день и наняли автобус. Профсоюз работает!

И не желая замечать расстроенного вида девочки, приказала:

– Не раскисать! Завтра увидишься. Закрывай калитку. Вот посмотри лучше, с кем я пришла!

Она гордо подняла голову и погладила рукав рубашки матроса, который стоял рядом и внимательно рассматривал девочку.

– Это мой сын. Вот! – и добавила, – и у меня теперь есть сын.

– Сын!?

Лена от удивления присела:

– Вот это да...

Матрос протянул Лене руку и весело сказал:

– Алексей.

– Лена, – представилась девочка и внимательно опять посмотрела на матроса.

Не похожи совершенно. Если только подбородки. Упрямые, квадратные. Светлая

добрая улыбка, широкое, открытое лицо и искрящиеся, веселые зелено-голубые глаза никак не походили на продолговатое лицо бабы Оли, на ее нос с хищной горбинкой, а цвет безжизненных волос, пережженных постоянной химической завивкой, и вовсе невозможно определить. И главное, разве может такое сухопарое, выжатое тело дать жизнь такому богатырю?! Но вслух сказала:

– Я очень рада. Поздравляю, баба Оля. Жалко. Очень хо-

телось Гену увидеть. Ну, пойдёмте, вот бабушка обрадуется!
А Вы служите или учитесь?

– Давай на «ты», так удобнее, а?

– Давай. Так служишь или учишься?

Но ответить моряк не успел, потому что Екатерина Дмитриевна, хромя, шла, им навстречу:

– Это ж шо це такэ? Кого Бог послал?

– Сын мой! Катя! Сын! Алексей. Представляешь!?! Познакомься, – радостно суетилась около них Ольга Кондратьевна. – Вот, разыскал-таки, представляешь! Нашел все-таки мать, а! Столько лет прошло!

Матрос сиял от счастья в кругу женщин.

– Вот и гарно, вот и гарно, – повторяла баба Катя, хлопая парнишку по могучей груди. – Молодец! Мати должна быть у каждого. Молодец!

Она не смотрела на соседку Ольгу и не поздравляла ее, но искренне радовалась за мальчика-моряка.

Екатерина Дмитриевна всегда снисходительно относилась к ветреной моложавой соседке, которая еще до войны прибегала к ней, лежащей без движения, то за солью, то за сахаром, а заодно пококетничать с ее свекром-вдовцом, крепким красавцем казаком. Еще до войны, закончив семь классов, девушка зажила самостоятельной жизнью: днем работала, ночью – тратила. А перед войной и вовсе исчезла, уехала куда-то. Думали: пропала, ан- нет. Мать умерла – явилась за наследством. Потрепанная, худая, с постоянной папироской

в зубах. Жила затворницей, но к Екатерине Дмитриевне ходила как и раньше.

– Проходите, проходите! Сидайте. Зараз обидать будемо. А сейчас, Лена, подь за компотиком у подвал.

Девочка быстрее молнии выполнила просьбу, чтобы не пропустить ни одного слова из рассказа новоявленного дяди, который сразу ей понравился. И потому, как он на нее посматривал, девочка поняла, что ее чувства взаимны.

Об Ольге Егоровне, Гера говорила шепотом, что после войны та служила охранником, потому пьет и курит, как мужик, что родила девочку и бросила в роддоме, Теперь, оказывается, еще и сын есть.

Лена разливала по кружкам компот и слушала Алексея.

– Служу на корабле уже два года, еще годик остался. Вот, – он остановился, взял кружку, отпил деликатно и продолжил, – Когда на корабль пришло письмо, что моя мама живет в Новочеркасске, мне отпуск дали. Всем составом провозжали.

Лена восторженно смотрела на рассказчика. Такое и во сне не присниться! Как же он нашел маму? Но сдерживала вопрос, готовый сорваться с языка.

Рассказ перебил громкий детский рев и громкий лязг щеколды. Все оглянулись: в калитку входили гости – семейство Сиротиных: Татьяна, старшая дочь Екатерины Дмитриевны с ридикулем, а за нею муж, Николай, нес на одной руке девочку, а другой держал за руку сына, свою копию. Ве-

ра, младшая в семье Колесовых, побежала навстречу сестре, а хозяйка поднялась, радостно улыбаясь и поправляя на затылке белоснежный праздничный платок.

– Вот и гарно! Уси добрались! – говорила она, обнимая подбежавшего к ней четырехлетнего внука и годовалую внучку, с любопытством рассматривающую людей вокруг.

Сразу стало шумно и даже тесно. Говорили все сразу. Татьяна плюхнулась на освободившееся место, обмахиваясь мятым носовым платком.

– Ух, жара! – простонала она и, обратившись к Лене, командовала:

– Принеси-ка попить чего-нибудь!

Глядя в след убегающей девочки, рассеянно спросила, думая о другом:

– Как живешь, тетя Оля?

Ольга Егоровна улыбнулась и скромно пробасила:

– Вот, сына привела познакомить с родней. Нашел меня. Два дня уже как живет!

– Сына? – переспросила Татьяна, кинув равнодушный взгляд на незнакомого моряка, – сын – это хорошо. Ну, здравствуй, поздравляю. Не каждый день матерей находят.

– Татьяна, а что это Светка ревела? – перебила дочку Екатерина Дмитриевна.

– Да кто ее знает, отмахнулась та, а Николай, посмотрев недовольно на жену, ответил:

– Есть просила, вот и ревела.

Семейство Сиротиных заранее готовилось к обеду у мамы. За несколько дней до этого события ничего не варилось, ничего не покупалось, доедали, что было. Холодильник пустел, и его отключали для дезинфекции. Если это происходило раньше времени, в семье устраивался разгрузочный день. Долгожданный выходной, наконец, наступал, и вся семья торжественно ехала на праздничный обед.

Конечно, Екатерина Дмитриевна догадывалась о сумасбродных нововведениях дочери, но в семью не вмешивалась. Зять, авторитетный человек, хорошо получал, деньги домой все нес, пусть и разбирается с женой. Но чтобы детей не кормить... Это уж слишком!

Баба Катя всплеснула руками и покачала недовольно головой.

–Ну, ничего! Зараз обидать будемо. Вовка, – обратилась она к сыну, – давай расставляй стол.

Глава 7

Четыре столбика и аккуратно сбитая из досок столешница – вот и весь стол. Такие же самодельные лавки. Разместились под абрикосой, расстелили холщовую вышитую скатерть и поставили угощения – свежеиспеченные пирожки, салат из помидоров и огурцов и мягкий, ноздреватый хлеб.

Накрывая на стол, Лена заметила, как сдержана бабуля и чем-то озабочена, как все время поглядывает на старшую дочку, Татьяну. Моряк, закрепляя последнюю доску под сидением, о чем-то увлеченно разговаривает с ее сестрой, Верой, а та кокетливо улыбается и что-то отвечает. Лене так хотелось сесть рядом с ним за обедом, хотелось узнать, как же он все-таки нашел бабу Олю и еще много чего. Когда все рассаживались, она как бы невзначай успела сесть рядом, а Вера оказалась напротив, рядом с братом Вовой и его женой. Ее кислое выражение лица и обиженно оттопыренная нижняя губа, Лену не волновали.

Ольга Кондратьевна по такому случаю поставила на стол принесенную бутылку своего самогона, и первый ее тост был за встречу, потому что нельзя человеку жить без корней, без родни. В этом суровом мире опору и поддержку можно найти только среди родни.

Екатерина Дмитриевна была приятно удивлена столь глубокой мысли приятельницы, одобрительно кивала ей, но рю-

мочку лишь пригубила. Рая нетерпеливо ерзала на лавке и с досадой ждала, когда мужчины закусят. Ей так хотелось услышать ответ на мучивший ее вопрос, услышать здесь и сейчас же. Она, боясь, что кто-нибудь опять перебьет рассказ моряка, выпалила свой вопрос сразу же, как только баба Оля снова протянула руку к бутылке:

– Ну, так как же ты нашел тетю Олю, расскажи?

Алексей улыбнулся ее детскому нетерпению и сказал:

– Письма-запросы посылал во все города Советского Союза. Три года посылал. Одна неделя – одно письмо. Пока не нашел.

– Ититна сила! – воскликнул дядя Вова, – ну, ты брат и силен!

– Да, вот это настойчивость! – поддержал деверя Николай.

Все с одобрением и симпатией смотрели на парня, тратившего последние копейки на конверты. А моряк наклонился к тарелке, чтобы никто не прочел в его глазах боль и тоску. Ел не торопясь, но видно было, как нравится ему борщ, как приятно ему сидеть среди этих почти незнакомых людей, которые стали ему уже родней, как радостно участвовать в семейном совете этой дружной большой семьи.

– Я, брат, тоже на флоте служил, только Балтийском. Море, оно... это. – он поднял руку с ложкой, показывая значимость стихии и, не найдя достойного определения, опустил и зачерпнул ею борщ. – Теперь, вот окончил техникум, как Вовка, устроился на ТЭЦ, выбрали парторгом цеха... квар-

тиру получил. Захочешь, примем с радостью. Нам настыр-ные нужны! Да... Но море тянет... Снится! А борщ хорош!

Николай расплылся в улыбке и подал тарелку Рае для добавки. Вова добродушно улыбнулся и с готовностью поддер-жал:

—Конечно, ититна сила. Оно же море!

Пока все с удовольствием жевали, Лена, по просьбе Але-ши, шепотом знакомила его с родней.

—Дядя Коля добрый, работающий. По ночам учился. А на свадьбе им постоянно кричали «горько» и хохотали: он об-хватывал огромными руками ее тонюсенькую талию, подни-мал, как пушинку, целовал и, не дыша, опускал. Тетка Таня злилась, а он смотрел на нее влюбленными глазами и улы-бался.

—А кто она?

—Медсестра. С отличием окончила медучилище.

Потянувшись за очередным пирожком, Николай продол-жал:

—Ты, брат, подумай! Перебирайся к нам. Выучишься, на земле будешь работать. И мать же рядом. Поможем! Вон нас сколько!

Ольга Кондратьевна ела, молча, опустив глаза. Предложе-ние Николая ей не понравилось. Она привыкла к одиноче-ству. Зачем ей дети? Она налила себе рюмку и, молча, вы-пила. Екатерина Дмитриевна укоризненно посмотрела на со-седку, а все видящий Вова отвел глаза.

Когда он увидел тетю Олю в первый раз, то подумал, что Баба Яга должна быть именно такой. Его раздражал и скрипучий, прокуренный голос, и манера смотреть исподлобья, подозрительно, сидя у входа на скамейке, но раз мама кормит эту женщину, значит, так надо, просто он чего-то не знает. Вова искренне радовался их встрече, но ясно видел, как тяготит ее роль матери, поэтому громко перебил деверя, воскликнув:

—Ну надо же, ититна сила! Три года искать и добиться своего! А где же ты жил до службы на флоте?

Баба Оля зыркнула на любопытного соседа, но промолчала.

—В детском доме, — ответил тихо паренек, не глядя на мать.

Но все услышали, онемели и в полной тишине сочувственно закивали. Не самое лучшее место для ребенка при живой матери.

—Да, досталось тебе, дитятко, — грустно сказала Екатерина Дмитриевна.

— Все было, — сразу став серьезным, сказал моряк, — Но зато там я дал себе клятву найти мамку. И нашел!

Ольга, услышав слово мамка, прильнула к плечу парня, пьяно улыбаясь, а Алексей с любовью посмотрел на нее и обнял свободной рукой.

Рая сидела напротив и думала: «Какой симпатичный! Наверное, весь в отца, вежливый, выглядит так интеллигентно,

и не скажешь, что из детского дома.

–Ну, а отец? Отца ты тоже нашел? – спросила она неожиданно для самой себя?

Эта рыжая женщина с густыми белесыми ресницами, зеленоватыми глазами и тяжелой косой вокруг головы с нескрываемым интересом, пристально его разглядывала, будто сомневалась, что он сын Ольги. Алеша это чувствовал, но отвечал вежливо:

–Нашел. И даже быстрее, чем маму.

–Почему?

–Мы жили, оказывается, рядом, в одном городе. Он в порту работал. Сразу же взял меня из детского дома, и мы вместе потом искали маму. А можно я скажу тост?

Все закивали в знак согласия. Алеша встал, держа рюмку, и произнес:

–За матерей!

Мужчины выпили стоя, Ольга Кондратьевна пьяно улыбалась, а Лена, взглянув на моряка, хрустевшего огурчиком с бабушкиного огородика, спросила:

–А сколько тебе было лет, когда ты попал в детдом?

–Три года, – также тихо ответил Володя.

У Лены сжалось что-то внутри. Значит, баба Оля бросила трехлетнего ребенка и забыла о нем навсегда?! Даже не искала!? Разве можно ее сейчас после этого назвать мамой? А ее родной отец? Он тоже бросил ее когда-то и забыл. Почему? Разве так поступают ответственные взрослые люди?!

Это же не вещь, это – дети! И, наклонившись к Володе, тихо спросила:

–Ты считаешь, что ты прав?

–О чем ты?

–О твоём тосте. Пьешь за всех матерей?! Они ведь разные, как и отцы.

Володя с интересом посмотрел на подростка и под общий гомон сказал:

–Я нашел свою мать, она жива и здорова. Это все, что мне нужно. Остальное не имеет значения. Сейчас.

Лена разочарованно пожала плечами и, чтобы не сидеть без дела, взяла пирожок. Вкусный. Может, он и прав. Выполнил клятву, узнал правду о родителях, об их ошибках, успехах и закрыл главу в своей жизни, перевернул страницу без пробелов, и будет спокойно жить дальше. Может, и ей не искать новой жизни? Есть мама, папа, сестра... родня... Это главное... Живи и радуйся жизни! А какая она зависит и от нее тоже. Думай! Может, дышать перегарным смрадом и бледнеть от матерной брани – не самое страшное в этой жизни?

Лена подняла голову и по привычке поискала глазами сестру. Дети увлеченно пускали наперегонки кораблики в корыте и дули на них что есть силы. Вера кокетничала с Алексеем, Дядя Вова ласково посматривал на светящуюся от счастья жену. Баба Катя как всегда ела мало и зорко следила, чтобы всем за столом хватило еды, чтобы все наелись.

Уютно, спокойно...

Мысли будто только этой передышки и ждала: опять налетели. Что делать дальше? Искать? Нет? Надо знать правду? Или жить дальше не вороша прошлого?

Их прервал грудной голос бабы Кати:

–Танька, ты зачем оставляешь малую с Сережкой? Он же несмышленный еще! За дитем догляд нужен!

–Да ну, мама, с чего ты взяла? – невозмутимо ответила дочка, отправляя в рот очередной кусок пирога с луком и яйцами. – Я же на чуть-чуть. Кто-то же должен

полы помыть в церкви, иконы протереть, да и батюшку хочется послушать.

–Дочкой бы лучше занималась, – поддержал Вова мать. – Сережка рассказывал, что она у тебя орет по полдня. Он ведь не может ее накормить, да и сам голодный ходит.

–Так ведь пост же был недельный! – защищалась Татьяна и, посмотрев на брата, огрызнулась, – не переживай! Вон, сидит, уплетает борщ, вторую тарелку. Наверстывает.

Богатырь Светочка действительно, ела и ложкой, и рукой. Рая не сдержалась и поддержала мужа:

–Ей же не только пища нужна. Она же ребенок! С ней и поиграть надо, и переодеть, а они с Сережкой целый день одни ползают по квартире.

Татьяна зло посмотрела на золовку, но промолчала и опустила голову.

« Наверное, она ничего с собой не может поделывать, – ре-

шила Лена. – Ведь когда-то тетка была совсем другой.

Глава 8

И Лена вспомнила, как ходила с теткой Таней и ее подружкой, такой же худенькой хохотушкой, на затон купаться и поплавать на лодке, благо выжженная степь покрыта каналами. Укрыться от солнца негде. Они сидят с лопухами на голове в лодке. Ее края покачиваются, мутная волна шлепает днище, а Лена лежит лицом вниз, опустив обе руки в теплую воду, и слушает степь под монотонную песню кузнечиков: то жук пролетит, то камыш зашуршит, то лягушка нечаянно квакнет. Подружки шепчутся:

–Ты не говори так прямо.

–Да она еще мала, не понимает, – успокаивает подругу тетка и увлеченно продолжает рассказ, на который девочка до этих слов внимания не обращала.

Девушки заговорили еще тише, а она, затаив дыхание, слышит голос тетки:

–Знаешь, с ним так хорошо было!!

–А рожать как будешь? – озадачила подруга.

–А кесарево на что?! – не сразу нашлась Татьяна. Помолчала и наиграно бодро добавила, – зато богатырь будет!

– Может быть, – вздохнула подруга..

Ответ Лена плохо расслышала, подняла голову, – и голоса сразу смолкли, а через минуту голос тетки приказал:

–Ну, вставай, надо домой идти, кушать готовить, да и Во-

вка за тобой вот- вот придет.

Они шли по пыльной дороге. Солнце тонуло, погружаясь в степь. Изредка робко трещали первые, проснувшиеся цикады, и покусывали спросонья комары. Через час они будут налетать тучами. Все в степи осмелеет и с жадностью бросится жить, набираться сил, впитывать бесконечную энергию оживающего простора.

Махая лопухом, Лена поглядывала на тетю Таню и раздумывала, спросить или нет о том, за кого лучше выходить замуж, кого ты любишь или кто тебя любит? Наверное, она точно знает ответ. Но, видя, что та не обращает на нее никакого внимания, решила не спрашивать: сама потом разберется.

Глава 9

А вот теперь тетка, забросив детей и мужа, ударилась в другую крайность- самозабвенно замаливать грехи. Так вот почему бабуля была так озабочена! – Удивительно, как они все похожи друг на друга и на бабу Катю! – думала Лена, – даже жуют одинаково: не торопясь, с открытым ртом. Одно слово – таврские. Но как уютно и спокойно рядом с дядей Вовой. Вроде и не отличается силой и роста среднего, а вот исходит от него какое-то тепло. И самое главное, он пьет и не пьянеет, а еще лучше становится, ближе. Роднее. Вот тебе и родной брат!

А Вова чутко уловил напряжение за столом. Он не одобрял ни сестру, ни деверя. Мужик он или нет в семье?! Приструнил бы Таньку- и все! Так нет же! Все сам: и на работу, и в магазин, и в ясли, и за плитой, а жена, знай себе, молится, ититна сила. Но это не тема за обедом, и он, чтобы разрядить обстановку, решил рассказать, как вчера ходил встречать со второй смены, в полночь, Раю на комсомольскую проходную дополнительную.

–Ночь. Темно. . Стою, жду, – начал он рассказ, – А территория завода огорожена высоким забором, и вход и выход один, далеко. Вот рабочие и придумали сделать лаз в противоположной стороне ограды, на соседней улице: и близко, и никто не проверяет карманы. В общем, комсомольский лаз.

Вдруг . слышу – шаги. Ну, думаю, жена идет. Отодвигаю досечку и сталкиваюсь с какой-то лысой головой. Вскрикнули оба от неожиданности и испуга. У него из рук, бац, – и выпала банка под ноги, пока ее ловил, махал руками, рубаха растянулась – и полетели булочки. Я стою, растерялся от неожиданности, а он пыхтит, шарит в темноте, ругается... Умора! Ититна сила! Пришлось помочь бедняге

Он засмеялся, приглашая последовать его примеру, и все заулыбались и каждый подумал, что работать на хлебном заводе, оказывается, очень даже выгодно: не надо покупать продукты, из которых выпекаются хлебно-булочные изделия.

Лене эта история не показалась смешной, но она с любопытством спросила:

– Чем помочь?

Дядя Вова усмехнулся, запил пирог компотом, крякнул от удовольствия и ответил:

– Чем, чем. Фонариком, конечно. Сам сделал. Сильно светит, ярко и не бьется. Я тебе потом покажу, – опередил он вопрос, готовый сорваться с губ племянницы.

– Пока Раю ждал, всю траву накормил сгущенкой, вытирая об нее ноги. Все равно липли, пока домой не пришел и не вымыл водой. Да не смотри ты на меня так страдальчески! А... понимаю, – рассмеялся он, глядя на Лену, – тебе не меня жаль и не траву, да? Сгущенку пожалела!

Все засмеялись, а девочка тут же залилась краской и стыд-

ливо опустила голову. Далась им эта сгущенка!

– Да, на одну зарплату не проживешь..., – сказала, вздыхая, Татьяна.

А Вова с жаром продолжал:

– Этот лаз в заводском заборе знают все, и забивали не раз. Бесплезно! Лаз неистребим! Комсомольский!

Таня перестала дуться, смеялась со всеми, усердно налегла на пирожки и посматривала на брата.

– Вов, а ты мне нож хороший сделаешь? – попросила она, – купила, а он не режет. Хоть плачь.

– Угу! – промычал брат с набитым ртом.

– А Вова все может, его на заводе очень ценят, – объяснила Рая моряку. И неожиданно с гордостью выдала, – ему даже квартиру вне очереди дают...

Екатерина Дмитриевна повернулась к сыну, наклонилась над столом и, сузив глаза, сказала:

– Опять! Опять собираешься тикать!? А я? Менэ як жити!? Разве я не пособляю тоби? Роблю чо могу: и курочки на менэ, и порося, и стряпня. Осенью опять же ж у поля пидэмо, собираем семечек. На всю зиму забота: жарить да продавать. Копейка ж будэ. Мало, да?

Вова недовольно посмотрел на молодую жену и смущенно ответил:

– Мам, да мы же не отказываемся помогать. Каждый из четверых в месяц даст с получки – вот и пенсия. Тебе же лучше будет, и от нас отдохнешь, а?

–Мы же хотим самостоятельно жить, – защищала мужа Рая, – у нас на хлебозаводе все девчонки без родителей живут.

–Самостоятельности захотели? – бросила ложку на стол Екатерина Дмитриевна, – а кто тебе ее не дает!? Будь самостоятельной и живи в семье. А вы хотите обрести ее, бросив мать и развалив семью?! А ты, Вовка, помнишь, как Иван в одиннадцать лет спас всех вас от голодной смерти? Война, Голод. Верочки три месяца, лежит и только тихо попискивает, и не надеялась, что жива останется! А ты с Танькой ходил, все лебеду жевал. Забыли, как мороженая картошка была слаще теперешнего меда? А ведь Ивана тогда дед в Сальск к себе звал, на хлеба. Не поехал старшенький, не бросил. Поехал менять вещи на зерно. Два месяца не было сыночка, уже и отчаялась увидеть, а он явился с шестью мешками. Грязный, в лохмотьях, вши по лицу, по рукам бегают. Целый день отмывала, из кудряшек их горстями вытаскивала...

Мог уехать и жить для себя. Остался. Спас нас. Вот самостоятельность!

Она обвела сидящих за столом и опять обратилась к сыну: –А помнишь, уже после войны, как Иван просился пойти учиться, профессию очень хотел получить, а я ему: « Нет, иди коров паси, работай!» Вам же с Танькой надо было семь классов закончить! И шел мой первенец со слезами на глазах коровам хвосты крутить. Вот она самостоятельность! Ответственность! Ну-ка, скажи, когда Иван пошел в школу десят-

ников?

Вова нехотя ответил:

–Когда я поступил в техникум, а Танька заканчивала медицинский и подрабатывала в больнице.

Екатерина Дмитриевна в волнении перекладывала ложку.

–Всех в лиху годину сберегла, всех четверых вырастила... А теперь каждый в своей норе будете жить, да? – она встала и всем стало как-то неловко сидеть. – Таврские мы! Объясни, сын, своей жене-северянке: у нас чужих детей не бывает. Если у Таньки вечный пост, а у Николая – рабочий цех, то их дети должны знать, что есть на земле дом, в котором их всегда накормят. Иван уехал, теперь ты, Вовка, отвечаешь за сестер.

Все сидели притихшие, озадаченные. Женщина печально посмотрела на семью, возвращенную такими титаническими усилиями. Растила одна, без мужа, которого забрали в первый день войны и даже похоронки не прислали. Был человек – и нет. Пропал без вести.

–Да мама, вопрос еще не решен! Это же только предложение и все! – успокаивал он мать. – Никто не собирается тебя бросать. Вот мы с Раей думали ремонт печки делать: обложим ее кафелем, тебе не придется зимой каждую неделю ее белить! Правда?

Рая с готовностью кивнула. Ее зеленоватые глаза виновато ласкали, успокаивали расстроенного мужа и избегали встречи с непримиримым взглядом васильковых глаз свекрови.

Она злилась на свою несдержанность и на упрямую свекровь, из-за которой она пока не может жить так, как хочется ей, но это пока... А сейчас... она лихорадочно искала выход, желая исправить свою оплошность. Секрет! Веркин секрет! Он должен помочь.

– А у Веры ухажер появился, – выдала новость Раиса, – хорошенький такой, ладный.

Вера покраснела, улыбнулась так же, как мать, и подумала: значит, зря она старалась скрыть свои чувства и понравившегося парнишку, когда назначала свидание в глубине сквера. Все равно увидели и передали. Станица! А ведь около памятника Ермаку никого не было!

– Правда? – устало спросила Екатерина Дмитриевна и повернулась к дочери.

Вера смутилась еще больше и кивнула в знак согласия.

– Вот и слава Богу! – довольно сказала мать. – Все идет своим чередом. Васенька был бы доволен.

Лене было жаль и бабушку, и дядю. Ведь сейчас время другое, а помогать можно, наверное, и на расстоянии. Или бабуля говорила о другой помощи?! Одно дело дать деньги или десяток яиц, и другое – вовремя поддержать, посоветовать, удержать от ошибки, что невозможно на расстоянии. А может, без них, без детей, она потеряет смысл жизни? Лена вздрогнула. Это страшно.

Глава 10

– Баба Оля, а что это с вашим Геннадием? Заболел, что ли? – спросил Николай, ставя пустую чашку.

–С чего это? – недовольно буркнула женщина.

–Худой, как скелет. Смотрю, идет по рынку, шатается. Думал: пьяный, так ведь не пьет он, а поначалу и не узнал меня. .

–Что с ним делается! Вчера собирались у брата Тимофея, и Тамара, его жена была, и Генка со своей Нинкой пришел. Посидели. Все в порядке у них, правда? – обратилась она к сыну.

–И.. нелегко парню, – вздохнув, подхватил разговор Вова. – Я что думал: женится – легче будет. Все родная душа под боком, а оно, вишь, ититна сила, что получается...

–А что получается? – сразу же встряла в разговор Лена

–Что, что ... Ничего хорошего. Отделила их мачеха, а зарплата – пшик! Не проживешь. А жена то ли работает, то ли нет.

– Да причем тут это!?! – заволновалась Вера. – Болен он, полечить его надо.

–Вот, вот. Мачеха только этим и занималась! – усмехнулась Ольга.

– Да не так, – с досадой отмахнулась девушка.

И Гена, и Вера были ровесники. Они дети войны. Мла-

денцы Великой Отечественной! Родились накануне страшного времени, засыпали в холодном подвале, просыпались от взрывов, хлеб и картошка – как праздник, а сахар увидели лишь в конце войны. Выжили вопреки всему. А сколько их погибло?! Дети войны! Они похожи на выросшие в засуху колоски, тоненькие, хилые, бесплодные. Кто виноват? Время? Люди? Только ничто не проходит бесследно. Война давно закончилась, а они продолжают сражаться за свою жизнь.

– Да, хватит тебе, – одернула Веру баба Оля. – Давно было. Перерос он уже. Работать надо лучше!

Екатерина Дмитриевна, услышав эти слова, отвернулась, будто бы посмотреть на играющих детей. Отвернулась, чтобы не взорваться, не крикнуть: «Да разве ты мать?!»

Ее Верочка до сих пор плачет во сне, в обмороки падает, к учебе совсем равнодушна, память плохая. Если со старшими она до войны занималась, стихи учила, книжки читала, то с младшенькой – постоянно одна мысль – выживи! Живи! Ее дочке работу не потянуть. Слаба. Самой надо работать за двоих, пока сил хватит, а Верочку беречь. Бог даст, выйдет замуж – окрепнет, еще детишек нарожает... А кто будет беречь сироту?! Тимофей под такой пятой, что без разрешения Томочки рта не может открыть, не то, что защитить сына. А тут жертвовать надо, делиться. Может, этот ключ гаечный мальчишка и поднимает-то через силу...

Лена поняла сердитый взгляд бабы Кати, но думала о своем и ерзала на лавке от волнения. Завтра же надо пойти к

Гене.

–Надо бы поговорить с ним, иттина сила... Может, удасться устроить его к нам на завод. Все -таки приличней зарплата, чем в трамвайном депо, – размышлял вслух Вова.

Дети, насытившись, давно уже играли во дворе, и в тишину влилась тихая спокойная мелодия. Баба Катя негромко пела: « Скакал казак через долину, через широкие поля... » А баба Оля подхватила басом: « Скакал он садиком зеленым, кольцо блестело на руке.»

Матрос сначала внимательно вслушивался в непонятные слова говора, потом заскучал и, наклонившись к поющей девочке, попросил:

–Ты могла бы мне завтра показать город?

Услышав это предложение Лена ахнула про себя. Вот это да! Идти по улице с красавцем матросом и блеснуть знаниями – вот удача! Но ведь она завтра должна идти спасать Гену!

Лена колебалась. Ровно секунду.

Видя ее нерешительность, Володя по-своему понял это колебание, поэтому поторопился объяснить:

–Отпуска почти не осталось, а я ничего и не видел. Вера сказала, что ты знаешь историю города. Да?

Лена кивнула.

–Ну, ладно. Только до обеда.

–Как скажешь.

Алексей широко и чуточку снисходительно улыбнулся, как это делают старшие, взрослые люди, не воспринимаю-

щие всерьез проблем детей. Но девочка этих тонкостей не увидела. Ласковая улыбка моряка обезоружила ее. Щеки зарделись, стыдливый взгляд уткнулся в кружку на столе, и она услышала:

– Утром я зайду за тобой.

Глава 11

Это был великолепный день. Они бродили по городу, и их переполняло ощущение счастья и свободы. Обошли вокруг главной достопримечательности – Собора Рождества Христова. Прохожие оглядывались на красавца матроса, и Лена, счастливая и довольная, увлеченно говорила:

– Бабушка рассказывала, что строили его целый век! Представляешь, сто лет?! Построят – а он возьми и рухни! Опять дойдут до купола, а он ночью и рассыпется! Ни с того ни с сего. Да не один раз, а дважды. Уже отчаялись: без собора казакам нельзя.

– И в чем причина? Почему неожиданно падали стены? – спрашивал Алексей, с улыбкой поддерживая девочку, шаповливо шагающую по бордюру.

– Это смогли понять лишь через девяносто лет! Его строительство казаки заложили в пятом году прошлого века, а в девяносто пятом заметили, что слишком много потрачено песка, цемента. Стали считать.

Лена специально остановилась, лукаво поглядывая на матроса: может, догадается, в чем причина. Но на лице Алексея сияла блаженная улыбка, не омраченная мыслительной деятельностью, поэтому девочка продолжила:

– Оказалось, вес стен храма на миллион пудов больше, чем может выдержать фундамент! Понимаешь, он падал, по-

тому что был слишком тяжелый! А теперь видишь? Он большой, красивый и на веки, как положено у казаков.

– Неужели на века? – иронично заметил Алексей.

– Да, – серьезно ответила девочка. с гордостью глядя на собор – В войну бомбы разрывались рядом – ни одной трещинки! До революции, бабушка говорила, купол украшен был хрустальным крестом. Сиял на солнце, переливался.

– Красивый. Но городок все-таки маленький, – сделал вывод Алексей.

– Да ты что?! – немедленно возразила Лена. Ее патриотические чувства были незаслуженно задеты. – Да у нас уже до революции был открыт первый на юге политехнический институт, институт благородных девиц, Мариинская гимназия, а ремесленных училищ – не счесть! Это была настоящая казачья столица.

– А сейчас? – спросил Алексей и посмотрел вокруг. Лена проследила за его взглядом и будто увидела родительский городок впервые: неухоженный, заброшенный, будто растянутый двумя реками, и лежал, еле дышал, затаился. Уже больше полувека ждет лучших времен.

Даже в страшном сне не может присниться тот геноцид, который устроили большевики на Дону в гражданскую войну. ЦК во главе с Лениным объявил о беспощадной борьбе с верхами казачества «путем поголовного их истребления». За одного убитого красноармейца расстреливали сто казаков. Каждый день трибунальцы с пулеметами ехали по хуторам и

станциям вычищать Дон от казаков. Население таяло. Степь корчилась в муках, выла и стонала. Страх загнал эти воспоминания в самые дальние тайники памяти, и только архивы под семью замками содрогались от нечеловеческой жестокости власти.

Но пока девочка этого не знала. Она гордилась своей Родиной, своим городом, поэтому сказала быстро и задиристо: –И сейчас!

Алексей и не думал спорить. Он с восторгом смотрел на эту голубоглазую курносую девчонку, сыпавшую яркими историческими фактами, деталями. Им интересно вместе, и на лице у Лены все время блуждала улыбка.

–Мы в центре города, на Сенной площади. Вон там памятник атаману Ермаку, покорителю Сибири, – кивнула девочка, облизывая тающее мороженое. – Ему больше ста лет!

–Кому? Атаману или памятнику? – засмеялся он

–Смотри, даже асфальт расплавился! Вот это жара, – не стала уточнять девочка.

–Пойдем, спрячемся.

–А куда?

– Да хоть в кино!

– Здорово, пойдем!

Он взял ее за руку. Руки у обоих были потные, скользкие, но они старались не замечать этой мелочи. Володе нравилось все в этом городе: и водяное мороженое, и хилый, поникший цветник в сквере, и единственная широкая улица, пересека-

ющая центр плато, но больше всего его восхищала эта удивительная девочка, так не похожая на своих родственников. С ней было легко и не стыдно своего незнания.

Глава 12

Через три часа под стук хлопающих сидений с потухшего экрана неслись завершающие нежные, тоскующие звуки вальса. Увиденный фильм произвел сильное впечатление. Молчаливая и сосредоточенная толпа осторожно текла к выходу на улицу. Жара спала.

Володя мрачно молчал. В начале фильма он весело поглядывал на Лену и продолжал держать ее руку, но когда увидел захват чайканшистами советского корабля и сцены пыток матросов, он так сжал спинку сиденья перед собой, что стул жалобно хрустнул, а женщина, сидящая на нем, испуганно оглянулась. Алексей растеряно извинился и спрятал руки под мышки. Так и просидел весь фильм, как каменный. Угрюмый, он шел теперь сзади, чтобы не говорить, не отвечать, не разжимать окаменевших губ.

А Лену охватил восторженный патриотизм. Дитя своего коммунистического времени, она чувствовала лишь романтику в этих страшных событиях, разведенных нежным, красивым вальсом, звучащим рефреном через весь фильм.

– Вот это фильм! – восхищалась девочка, – Сразу понятно, почему так называется «ЧП». Вот это моряки! Какая воля! У меня, наверное, никогда такой не будет! А как хочется быть сильной. Вот это чрезвычайное происшествие.

Алексей внимательно посмотрел на Лену, как на малень-

кого ребенка, и взял за руку.

– Пошли.

–Нет, ты понимаешь, я знаю свои недостатки, а вот, как их исправить, не всегда понимаю.

Матрос шел быстро, и Лена еле успевала за ним. Девочка, занятая своими переживаниями, не чувствовала перемену в его настроении и продолжала рассуждать:

–Вот Райский. Почему он смог побороть себя, а я не могу? Подожди! – она наклонилась поправить застёжку в босоножке. – Помнишь, как здорово он пел под гармошку?

И она запела негромко, кружась рядом: « Через весь океан, сквозь любой ураган возвратятся домой корабли». Но Алеша даже не улыбнулся. Лена остановилась и обиженно заметила:

–Конечно, Тихонов поет лучше, я понимаю. Хорошая песня. Райский был уверен, что победа будет за ним, правда?

–Да, в кино всегда герой побеждает, – ответил серьезно стоявший на тротуаре моряк.

Близился вечер. Мимо спешили люди, в основном молодые. Что удалось сохранить казачьей столице после бурь и расстрелов, так это статус студенческого города. Беззаботные, улыбающиеся лица, игривые взгляды девушек на красивого статного моряка, зажигательная музыка, зовущая раскрепоститься и ни о чем серьезном не задумываться. Зачем? Серьезные проблемы пусть решают лысые дяденьки: они свое оттанцевали. И Лена, покачиваясь в такт, взяла его

руку, приглашая на танец, и вдруг увидела глаза, наполненные такой затаенной болью, такой безмерной, нечеловеческой тоскою, какие видела только однажды у одинокого, выброшенного под забор замерзать щенка.

И Лена, наконец-то, заметила перед собой человека, хлебнувшего детдомовской жизни, и уже два года служившего на флоте, человека, который о море знал гораздо больше, чем показали сейчас в кинотеатре. Ее детский восторг и девичья болтливость столкнулись резко и неожиданно с горьким житейским опытом, и она извиняющим голосом спросила:

– Там что, все неправда, да?

– Ну, почему все? Историй таких было много, о них даже в газетах печатали, как наших моряков тайно держали в плену. Только в кино концы счастливые. Журналисты не пишут о тех, кого оставили в плену погибать. Отец смог вернуться лишь через десять лет из такого плена.

Они стояли и смотрели друг на друга. Из нескольких кафе одновременно плыли популярные мелодии на редкость плодovitого в этот год Арно Бабаджаняна.

Неужели отцу Алексея пришлось пережить этот ад?! Так вот почему не сложилась семья у бабы Оли! Ведь нет войны. Или она все-таки никогда не заканчивалась? Страдают семьи, кричит шепотом в ночи одинокое, беззащитное детство. А их отцы бессменно веками стоят на страже Отечества.

– Какая хорошая песня, – наконец, сказал Алексей и подпел автору:

« Благодарю тебя
за смех и за печаль,
за тихое прощай.
за все тебя благодарю..»

– Угу! Хорошая. А где твой отец сейчас?

–В порту работает, – ответил Алексей и наконец-то улыбнулся, взяв ее за руку. – Пошли?

Лена чувствовала себя маленьким ребенком, как когда-то с Геной. Даже понимая, что завтра Алексей уезжает, она не могла грустить, а хотела узнать, как можно больше о нем.

–Расскажи, как ты в детдоме жил?

–Как? Дрался, нападал или защищался. – и серьезно добавил, – а вечерами тосковал.

–Плакал?

–Понимаешь, там я многое понял. Ты живешь в семье. У тебя есть дом, папа, мама. Это надо ценить.

–Тебе хорошо говорить! – произнесла обиженно Лена и осеклась, смущенно улыбнувшись, пояснила, – еще неизвестно, что лучше: без отца или с отцом, который постоянно пьет и матерится.

–Лена, – Володя серьезно посмотрел на девочку. – Родителей мы не выбираем. Каждому они даются..

Девочка хотела возразить, но протестующее движение Володи заставило ее замолчать. Он продолжал:

–Главное, они не случайны. Надо знать свои корни.

–Зачем?

Добродушный, наивный вопрос. Алексей остановился и терпеливо стал объяснять.

– Чтобы понять себя.

Лену озадачил ответ. Что можно в себе не понимать? Но выглядеть глупой не хотелось, и она лишь вопросительно посмотрела на Алексея.

– Понять, что исправить в себе или чего не делать в будущем.

– И ты понял, чего нельзя делать в будущем?

– Конечно.

– Никогда не бросать детей?!

– Да. Это закон. Но самое главное – сохранять семью, подавляя свое эго. У детей должны быть родные и мама, и папа. Все остальное – вторично. Если бы у меня отец был рядом, скольких ошибок можно было бы избежать! – он глубоко вздохнул, будто каялся и сделал вывод, – Да, родителей надо беречь.

А Лена подумала: «А что нужно мне? Найти родного отца или, наоборот, присмотреться к тому, который рядом? Одно я знаю точно: мои дети никогда не будут знать, что значит жить с отчимом»

Притихшая и серьезная, она, молча, шагала рядом, обдумывая услышанные слова. Так о родителях она еще не думала. Ей казалось, что это они обязаны кормить, одевать ее, воспитывать в какой-то мере, а она должна все впитывать в себя и расти, а если что-нибудь не так, то можно и обидеться,

разыграв вселенскую печаль, как она однажды это сделала, когда Гера, замотавшись, забыла поздравить ее с Днем рождения. Сколько слез в подушку! Сколько безмерной печали! Такую девочку и никто не любит!!! А надо было самой испечь торт, что делала Лена мастерски, и самой поздравить маму с праздником. Да, богата она задним умом!

Алексей перебил ее размышления вопросом:

–Лена, а что такое дом для тебя?

Спросил, как у взрослой, серьезно, внимательно глядясь в лицо девочки. Она сначала растерялась, не зная, что ответить. Дом есть дом. В голове пронеслось: стены, двор, огород, свой угол в большом зале с кроватью и мягкой подушкой, этажерка с книгами, аккордеон, или букет пионов на столе, или тепло полумрака возле горячей печи. Но сказала почему-то другое:

– Дом, наверное, там, где можно спрятаться от всех невзгод и бед, да?

–Молодец. Я тоже так думаю. Дом – это место, где тебя примут таким, какой ты есть. Подскажут, помогут и не осудят.

Он тяжело вздохнул, взял Лену за руку и, как маленькую, бережно повел домой,

Открывая калитку во двор, девочка сказала:

–Баба Оля хорошая, не переживай! Писать мне будешь?

– Конечно. Я рад, что мы познакомились.

–Но ты же еще приедешь?

– Может быть, – ответил он грустно.

– Наверное, баба Оля ему тоже не понравилась, – думала Лена, засыпая с твердым намерением писать матросу письма каждую неделю. Для поддержания духа.

Она лежала на жестком матрасе в резиденции дяди и тети. Спать здесь – награда. Рая в ночной, а дядя спит с Васькой. Колесовы соорудили терраску из некогда холодного, мрачного коридора; утеплили, застеклили, в углу поставили огромный фикус. Красота! Хорошо было бы, если бы не мысли...

А что если ее родной отец будет похож на бабу Олю?! Она -то мечтает увидеть красивого, веселого мужчину, а вдруг он другой! А зачем ей дан отец- пьяница? Исправить его или научиться чему-то у него? Может, и у нее в семье все наладится, и не надо никого искать? Ведь жили же они когда-то дружно. Но тайна притягивает. Нет, надо узнать правду, увидеть, понять и только потом что-то решать.

Уходил еще один день.

Глава 13

Утром Лена так сладко потянулась, что крепкий топчан, сколоченный самим дядей Вовой, крикнул в ответ. Девочка улыбнулась и толкнула створки окна. Вид потрясающий!

Мало того, что терраска расположена на втором этаже, так еще и сам дом построен на левой, высокой стороне улицы. Такая безбрежная ширь и бездонная синева! Протянешь руку – и дотронешься до неба или даже до горизонта. Смотришь в даль, и, кажется, что паришь над раскинувшейся поймой некогда широкой реки Тузловки, над плодородными обширными полями, где сторож нужен был для того, чтобы кормить прошенных и непрошенных гостей арбузами и собирать в туюсок арбузные семечки для селекции.

Наконец-то, Лена свободна, как ветер. Небо голубое-голубое, и полный штиль!

Помочь бабуле разложить на фанерке абрикосы – минутное дело. Сложнее наставить сестру на путь истинный.

–Люда, ты помнишь свое обещание? – спросила тихо Лена, высыпая из фартука подобранные янтарные шарики.

–Ну, помню, помню, – прозвучало недовольно в ответ. – Буду рядом с бабулей. Иди уже, не волнуйся!

–Смотри! Я, может, лишь завтра приду. Никуда не уезжай без меня. А то спасти будет некому. Хорошо?

–Ладно, – протянула сестра и буркнула, – Я и сама больше

не полезу в этот вонючий канал.

Да, нахлебалась она тогда тины вдоволь, пока Ленка добежала, доплыла и выволокла ее, испуганную, на берег. Сережка с Ильей, растерянные и виноватые, уже позже на крачках вылезали следом из воды. А ведь она звала их, кричала, что тонет! Не верили.

Лена услышала бурчание, улыбнулась и погрозила сестре пальцем. Все, можно спокойно идти.

Она шла быстро вперед, не обращая внимания ни на жару, ни на пугающую пустынность, будто вымершей улицы, а стаю злобных бродячих собак, лежащих в пыли посреди улицы, заметила, лишь пройдя мимо, когда огромная рыжая сука подняла голову и лениво зарычала. Обменявшись удивленными взглядами, они равнодушно отвернулись друг от друга. Конец улицы упирался в Триумфальную арку, построенную в честь приезда в город царя Александра II. Она делила Герценовский спуск на две трассы: одна шла вверх, в центр казачьей столицы, другая – вниз, в донские степи. Осталось перебежать двойную дорогу, пересечь трамвайные пути и – дом Ежовых.

Уставшая, Лена подходила к добротному деревянному особняку, где когда-то жила Гера и куда приезжала при каждой возможности, беря с собой старшую дочь. .

Лене тоже нравился просторный светлый дом с широкой верандой во весь фасад, с резными крашеными ставнями, которые ночью обязательно закрывались, чтобы приглушить

шум пробегающего мимо трамвая.

Она остановилась перед забором из зеленого штакетника, оглядела широкий заросший травой двор. Никого. Наверное, отдыхают. Калитку держало накинутое на столб кольцо. Взявшись за него, Лена тут же отдернула руку. Раскаленное железо больно обожгло пальцы. Сняв босоножек, девочка откинула им кольцо и прошла босиком мимо дома к длинному добротному строению, из которого доносился звук струи, бьющей о дно пустого ведра. Здесь под одной крышей разместилось все хозяйство: и летняя кухня, и и хлев, и склад с дровами и углем, и сеновал, и курятник, и поросята с хрюшкой.

У дверей хлева неизменно стояли вилы, которыми орудует деда Тима, доставая для коровы сено. Но самое интересное и диковинное – печь посередине база, где летом готовила еду хозяйка. Лена всегда смотрела на нее, как на рудиментарный атрибут казацкого хозяйства. Но бережливая казачка не торопилась от нее избавляться, не доверяя газовым баллонам.

Тамара Федоровна, жена деда Тимы цедила молоко и, услышав стук шмякнувшейся о камень калитки, вздрогнула, насторожилась и испугалась. Сердце забилось, руки задрожали. Кто это? Покупателям рано, а к Генке всякие шлятся. Одной в доме страшно. Разве думала она, что на старости лет будет жить, как на пороховой бочке?!

Но увидев Лену через открытую дверь кухни, облегченно

выдохнула про себя

– Ну, вот, еще одна нахлебница явилась!

Она отвернулась, загремела пустым ведром, как бы торопясь доделать начатое. Лена остановилась посреди база и хотела уже идти в дом, в комнату Гены, но увидела висевший на двери замок. « Вот это да! – подумала она, – раньше на палочку закрывали, а теперь амбарный повесили!» Вздохнула и решительно двинулась вперед.

–А, Лелечка! – наиграно радостно воскликнула Тамара Федоровна. – Здравствуй, деточка, здравствуй!

Лена недовольно насупилась. Ей не нравилось это чужое имя, которым так настойчиво звала ее Тамара Федоровна.

–Одна приехала? Нет? А где же мама? – сыпала вопросами женщина, не ожидая ответа и не переставая работать.

Она суетилась, переставляя на чистом столе трехлитровые банки с молоком и убирая пустые, сверкающие, выжаренные на солнце.

А Лена, глядя на мамину мачеху, думала, что та совсем не изменилась. Такая же красивая, статная, чернобровая, без единой полоски седины в черных, как смоль, волосах. Коса, как у настоящей казачки, закручена на затылке и закрыта белоснежной косынкой.

.-Вот и хорошо, деточка, что приехала. Мои кровиночки, внученьки, тоже здесь, тоже в гостях у бабушки. Все веселей будет вам вместе, а сейчас спят. Отдыхают. – радостно щелкала она.

У Лены сразу испортилось настроение: толстые неповоротливые близнецы с длинными густыми косами всегда норовили ущипнуть, подколоть, наговорить. Если Лене удавалось доказать свою невиновность, они целовали свою бабуленьку и, смеясь, уверяли, что тупая Лелька не понимает шуток, и наказание все равно было неизбежным. Спят? Ведь полдень уже! На удивленный взгляд Лены объяснила:

—А что же ты хочешь?! Твои ровесницы, а уже этой весной художественную школу закончили с отличием и их сразу пригласили на Одесскую киностудию, мультики рисовать. Работать! Устали, мои ласточки.

От бесконечной гордости она светилась, счастье переполняло ее, и она не удержалась:

—А Генка устроился гайки крутить в депо за копейки. Мои девочки и то больше получают! А он перебивается с хлеба на воду.

Перехватив укоризненный взгляд девочки, она возразила:

—А что, деточка, хватит, вырос уже, женился, пора и самому зарабатывать. Давай и ты бабушке помогай. Надо вон собрать абрикоски под деревьями. Видишь, сколько их уродилось в этом году! Не годится добру пропадать! Хорошие высушим, остальные поросеночку, ему тоже витаминчики нужны. А я пойду курочек напою.

—Баба, а мне можно попить? — наконец, смогла вставить слово Лена.

—А как же, деточка, а как же! В ведерочке, только принес-

ла из колодца. Холодненькая, родниковая.

Лена вошла в просторную летнюю кухню. Новое железное ведро, накрытое крышкой, стояло в углу на свежевыкрашенной табуретке. Девочка сняла с гвоздика кружку и залпом выпила первую, не почувствовав вкуса. Зачерпнув еще родниковой воды, пила медленно, наслаждаясь каждым глотком.

Тамара Федоровна тем временем успела напоить кур, вымыть руки под рукомойником, прибитым к кухонной стенке, выплеснуть воду в траву из таза, что стоял под ним, и заговорила опять так же быстро, как и двигалась:

–А я только что с поймы пришла. Подоила коровку и домой быстренько. Дедушка сейчас молочко принесет. Скоро люди придут, молочко возьмут, а завтра с дедушкой раненько на базар пойдем. Опять же за творожок тоже хорошо платят. Ну, деточка, чего же ты сидишь?! Иди, иди!

–Может, я чуть позже их соберу. Жарко еще.

–А абрикоскам на солнышке, думаешь, не жарко! Совсем привяли, бедные, – сокрушалась хозяйка.

–А Гена скоро придет? – отчаявшись, спросила Лена.

–Конечно, деточка, конечно. Вот соберешь абрикоски, он и придет, – успокаивала женщина лилейным голоском.

Девочка поднялась со стульчика. Просить платок на голову не стала, Сорвала с дерева лист, плеснула на него водой и прилепила к обожженному носу.

Три огромных дерева росли рядом. Ветки каждого свиса-

ли до земли под тяжестью урожая. Абрикосы, крупные, сочные, устлали землю вокруг. Кажется, их давно уже не собирали, и это сладкое оранжевое чудо образовало удивительный фруктовый ковер. Два пустых бака и выварка с корытом стояли около штакетника. «Да тут до вечера спину не разогнуть, – возмущенно подумала Лена, сгребая абрисы в кучку. – Хоть бы Генка быстрее пришел и спас, как всегда». Но его не было, а тара медленно наполнялась, и опять очень хотелось пить.

Глава 14

Деду Тиму она увидела сразу, как только открылась калитка. Высокий, худой и сутулый, он бережно нес эмалированное ведро, закрытое крышкой.

—О, кто к нам приехал! — радостно заулыбался он, и осторожно поставил ношу на табурет двумя руками, огромными, с длинными, толстыми пальцами. Наклонившись, скривился от боли в спине, постоял, отдышался и, придерживая себя за талию, неторопливо разогнулся.

— Вот и молодец, что приехала, — улыбнулся он.

Два года назад Лена впервые назвала его жестким словом «дед», и сама испугалась, услышав звучание вылетевшего дерзкого слова, бьющего, как хлыст. Это было, когда он приехал после полутора лет разлуки, потому что в Новочеркасск никого не впускали и не выпускали после расстрела рабочей демонстрации.

Деда Тима приехал один, обвешанный сумками и авоськами, и сильно постаревший. Те морщины, что покрывали его худое лицо мелкой сеткой, превратились в глубокие борозды, а серые волосы, стали белыми и такими тонкими, бесцветными, что кажется, вот-вот растают.

Гера, счастливая, радостно разбирала подарки, рассказывала о детях, об Иване и все расспрашивала о брате, который окончил училище, и обрадовалась, когда отец, сокрушаясь,

сказал:

– Только вот беда: в армию его не берут. Пошел в депо работать.

– Папа, да это же хорошо!

– Ну, да, – нерешительно согласился он и добавил, – только Томочка говорит, в армии из него сделали бы здорового человека.

Гера решила промолчать.

Вечером пришел Иван. Накрыли на стол. Дедушка снова обо всех рассказывал. Сидели долго, пили чай, словно ждали чего-то. Лене надоело слушать одно и то же, и она ушла читать в соседнюю комнату.

Как ни интересна была книга, а все-таки девочка уловила обрывки очень тихого таинственного разговора, перемежающегося с тягостной тишиной, и отдельные фразы, сказанные громче обычного. Насторожилась... Не поднимая головы, прислушалась к глухому голосу деда, но мало что поняла.

– Да как же выбраться?! Кордон из солдат стоял вокруг города – мышшь не проскочит

Иван наклонился и тихо попросил:

– Пап, ты расскажи, что было! Почему стреляли, из-за чего?

– А что рассказывать?! -вздыхнул мужчина, – у вас, небось, такая же картина была. Есть нечего, магазины пусты, за хлебом очередь с четырех часов утра и только две булки в одни руки. У нас хоть огород есть, а тем, кто в квартирах

– совсем худо. Вот рабочие и вышли к Атаманскому дворцу. Шли, думали: власть их выслушает. Мишка с Никольской утром агитировал, а уже тогда было ясно: нельзя идти. Солдат нагнали в город видимо-невидимо. Танки ночью по Герценовскому спуску грохотали. А он мне все про родную власть рассказывал... Видел я ее в гражданскую!

И тут Лена впервые услышала странный звук, похожий на всхлип. «Не может быть! Дедушка плачет?!» – мелькнула мысль, но девочка не могла поверить своим ушам

. -Полдня стояли. Никого! Ждали. Може, кто из администрации выйдет. Вдруг над ними вертолет. Кто-то как закричит: «Товарищ Микоян, миленький, сюда! К нам!» Толпа радостно подхватила. И тут застрочили пулеметы на танках, которые окружили площадь. Что там началось!! Что началось... Не сразу поняли... Крик, стон, плачь... Люди врассыпную, а им вдогонку тра-та-та-та... Кровищи! Три дня машинами площадь мыли. Опять казаков истребляли! За что?!

Голос затих. Тишина. Только ложка о стенки чашки стучит, ходики тикают, да то ли всхлип, то ли сморкается кто-то

– Ты что там был? – испугалась Гера.

– Нет. В первый день столько солдат было, что не выйти со двора. Застрелят. А потом... Потом вызывали в милицию, проверяли, где был 2 июня тысяча девятьсот шестьдесят второго года и подписку брали, чтобы никому не рассказывать, не писать о расстреле. Все письма вскрывали, читали и зачеркивали все, что касалось июньских событий. Кто избежал

смерти на площади, тот на десять лет угодил в тюрьму.

– А что с Венькой, что? – возбужденно зашептал Иван.

– Дружка твоего машина с солдатами задавила. Симку, Славина, Глеба Ярого... Молодые...

Опять всхлипы, и Лена поняла – плачь. Дед плачет! Она сидела в соседней комнате и возмущалась про себя: «Разве это мужчина! Слабак! Никакой силы воли!»

Лена не видела, что слезы текли и по щекам Ивана, а Гера, переставляла чашки и прерывающимся голосом шептала:

– Вот, она, народная власть! Что же это а?

– Да, хорошая власть, да дуракам досталась. Последних казаков истребляют! – приглушенно, со злостью сказал Иван. – У Веньки трое пацанов осталось... Передашь вот от нас с Герой.

Тимофей Егорович сунул деньги в карман и заплакал, как ребенок. Они долго сидели за столом, пили чай с вареньем и говорили, говорили, а закончили рюмкой, не чокаясь, как на поминках.

С того вечера не уважала она маминого отчима и называла только словом «дед».

– Лена, прекрати сейчас же! Ты не должна так называть дедушку! – возмущалась Гера.

А Лена, насупившись, только пожимала плечами. Слабак, он и есть слабак! Мужчина не должен плакать.

А дедушка, не желая быть причиной ссоры, примиряюще разводил длинными руками и виновато говорил:

– Не надо, Гера! Пусть будет так. Дед так дед!

Этим он еще больше злил максималистку, которая смотрела на белого, как лунь, деда и думала: « Вот поэтому и сына не защитил от своей женушки, и мама убежала из дома девчонкой. Хотел, наверное, и вашим хорошо сделать, и наших не обидеть. А на двух стульях не усидеть!»

Это было давно, а сейчас Лене жаль деда Тиму. Глава 15.

За год дедушка сильно изменился. Похудел, когда-то широкие плечи будто высохли, а руки стали еще длиннее.

Лена встала навстречу, Тимофей Егорович притянул к себе внучку за плечи и уткнулся губами в нежную щеку, потом легонько надавил ей на плечи, усаживая на табуретку.

– Ну, рассказывай, как поживаете, как там мама, отец? Одна приехала?

– Да все хорошо, дед, нормально. Приехала с Людкой.

Она смотрела на его красные, слезящиеся глаза, сутулую спину и думала: « Какие же они разные с Геней! Дед – столб коломенский, сын – еле дотягивает до понятия «средний рост», вытянутое лицо отца с большими ушами и длинным острым носом резко противоположен круглолицему с приплюснутым носом, конопатому сыну. Он так же не похож на деда Тиму, как и я на своего смуглого отца Ваню. Странно! Интересно, а что об этом думает Гена?»

– Гера там как поживает? – спросил дед.

Но ответа услышать не успел. В кухню вошла Тамара Федоровна, недовольно посмотрела на празднично сидящих, загре-

мела посудой и, на ходу вытирая руки о фартук, быстро сказала, глядя на мужа:

–Иди, Тиша, поменяй водичку цыпляткам. Потом, вечером, посидим. Поговорим.

Лена вопросительно посмотрела на деда, ей надо было еще письмо ему передать от мамы, да и опять идти на жару собирать абрикосы тоже не хотелось, но Тимофей покорно встал, с виноватой улыбкой развел руками перед внучкой, мол, ничего не поделаешь, работать надо, и ушел.

Лена с укором смотрела вслед деду, и вдруг услышала шуршащие по гравийной дорожке шаги. Девочка перемахнула через низенький заборчик, отделяющий двор от сада, и, помахав рукой, закричала идущему к дому Геннадию. Он остановился и равнодушно посмотрел на подбежавшую племянницу. Худое небритое лицо, бледные щеки, новые глубокие морщины вокруг рта, а брюки висят так, что даже ремень не может их удержать на поясе, болтаются на бедрах. Кончик приплюснутого курносого носа и тот поник.

– Гена, здравствуй, – говорила Лена, обнимая дядю. – Ты не рад!?

Она вглядывалась в родное лицо и, ничего не понимая, спросила, как в детстве:

– Где же ты был так долго! Я тебя тут жду, жду, а ты все не идешь!

Он улыбнулся через силу, обнял ее за плечи, поцеловал в щечку.

– Ну что ты! Конечно, рад. Пошли в дом. Просто устал.

Они, молча, поднялись по лестнице. Лена, чувствуя подавленность дяди, не спрашивала больше ни о чем, и только растерянно поглядывала по сторонам.

Она заметила, как выглянула из кухни и тут же спряталась Тамара Федоровна, и было странно, что дядя идет в дом, а не в кухню: ведь с работы человек пришел – есть хочет! И шел он как-то странно: не просто подпрыгивал, а заваливался немного на бок, и правую руку засунул в карман, будто придерживал ею что-то. «Наверное, ремень слабый,» – подумала Лена.

Открытая дверь упала в темноту, и на Лену пахнуло каким-то смрадом, чем-то протухшим. Не оглядываясь, Гена быстро прошел из коридора в комнату, бросился навзничь на кровать.

Несколько секунд Лена стояла в нерешительности, потом, дотронувшись до угловатого плеча, тихо спросила:

– Устал?

Он вздрогнул и не ответил.

– Ну, полежи, отдохни,

Огляделась. Все по-прежнему. Старенькая одинокая мебель... Она подошла к тумбочке, наполненной пластинками, и открыла крышку приемника, пальцем прочертила по диску проигрывателя свой вензель. Это ее учитель пения. Когда-то она все лето здесь пела с Бернесом, Утесовым. Домой привезла толстую общую тетрадь с песнями.

А в углу – этажерка с книгами. Лену неприятно удивил густой слой пыли на верхней полке. Книги, старенькие, потрепанные, клееные переклеенные, с обложками и без стояли плотно, как солдатики, на трех полках. Невероятное богатство! Здесь она впервые прочитала книги Дюма, Верна, Рида. Они достались Гене от библиотекарши районной библиотеки. Спасибо ей. И обогревала, и обучала, и прикармливала сироту.

Какой воздух! Затхлый, неживой! Душно. Лена вошла в новую аккуратную комнатку с выходом на деревянную террасу, открыла окно. Около стены стояла раскладушка без матраса со смятым тонким одеялом. Пристройка выглядела ненужной, никчемной, бесполезной.

Задумавшись, Лена не слышала скрипа кровати и шагов мужчины, который подошел к ней тихо сзади и хрипло спросил:

– У тебя рубль есть?

– Да, вот, возьми, – протянула она, обернувшись.

Он взял деньги, сунул в карман и извиняющимся тоном пояснил:

– Понимаешь, зарплата только завтра, а есть хочется сегодня.

Лена понимающе кивнула:

– Да, ладно тебе, все нормально, не волнуйся.

Он заметно повеселел, даже улыбнулся.

– Ну, так пойдем в магазин маслица, картошечки купим.

Пожарим. И Нинка как раз с работы придет. Пировать будем.

Глава 15

Они шли рядом, размахивая руками, и Лена решилась спросить о том, ради чего приехала.

–Ген, скажи, а ты знаешь моего родного отца?

Спросила, а внутри все сжалось, дыхание остановилось, и отпустило только тогда, когда прозвучало:

–Конечно, знаю.

Он ответил так буднично и просто, что девочка остановилась перевести дух. Чувство страха, боли, радости – все перемешалось. Тайна раскрыта?! Отчего же в груди, вместе с ощущением победы, возникло желание закрыться руками, не пустить эту правду, защитить от нее сердечко? Наверное, еще теплилась надежда, что догадка не верна, что она родная дочь, и Лена, недоверчиво посмотрев на дядю, спросила:

–Правда?! И ты можешь меня к нему отвести? А кто он? Где живет?

–А почему бы и нет! Только он в Ростове живет, там же, где и ты жила с Герой.

Он отвечал, не задумываясь и не удивляясь ее вопросам, будто знал, что его об этом когда-нибудь все равно спросят.

–Зовут Григорием, Григорием Стелиным. Только я его давно не видел. А Герка знает о твоих желаниях?

– Нет, конечно! Смотри никому не говори, – и добавила, как заговорщик: это будет нашей тайной, ладно?

–Угу!

–Значит, завтра и поедем! – заявила девочка решительно.

–Завтра? – он задумался. Он всегда восхищался ее решительностью, но завтра... Он так устал и никого не хотел видеть. Но лучше уж поехать к Гришке, чем идти домой, – Ладно, с утра отработаю, ты пока выступишься, зарплату получу и поедем.

Лена, довольная и счастливая, взяла Гену за руку и, касаясь плеча друга, зашагала вверх вдоль Герценовского спуска,

Закупив продукты в магазинчике, они весело спускались к дому. Исчезло равнодушие Геннадия, он приободрился, и между ними установилась прежняя связь, когда один чувствовал и понимал другого без слов. Это было единение душ, которое вызывало чувство восторга и уверенности в жизни: ты не один.

–Обойдемся и без нее, и без ее молока! Да?

–Угу! – кивнул Гена, не глядя на попутчицу.

–А то тараторит, тараторит, не успеваешь понять, чего она хочет. А как ласково говорит... Даже руками себе помогает проявлять эту нежность, – рассуждала девочка.

–Когда это ты успела заметить?

–Да всегда, как с ней встречаюсь. Тарахтит, а сама рукой гладит по голове, а у меня от этого прикосновения холодеет все внутри.

–Угу, и съезживаешься, сворачиваешься, чтоб не достала. Да, в детстве и у меня так же было, потом прошло. А ты го-

лову опускала?

–Да, она сама опускается!

–Тогда она обхватит двумя руками твою голову, поднимет ее и ласково так говорит: «Смотри мне в глаза, деточка! Смотри в глаза, когда с тобой старшие разговаривают!»

Лена подхватила:

–А глаза черные, страшные и не мигают, дрожь пробегает по телу. Ну ее! Расскажи лучше о себе. Как живешь, Ген?

Она мгновенно поняла, не договорив фразу: зря спросила. Он замкнулся, ушел в себя, будто ракушка захлопнула створки.

Раньше Лена чувствовала свою власть над Геннадием, а он улыбался, понимая это. Не противился. Им было легко, свободно. А сейчас Лена с состраданием поглядывала на посеревшее, осунувшееся лицо дяди, на худые, конопатые руки с грязными ногтями и чувствовала отдаленность. Чужой? Нет, скорее, незнакомый, несчастный, тонущий в хаосе жизни. Но как помочь?

–Вот, что делает женитьба! – подумала она, вздыхая, а вслух произнесла, откинув прочь плохие мысли:

–Ну, ладно, не будь букой! Сейчас поужинаешь, и совсем другое дело будет!

Она примиряюще прижалась к его плечу, взяла за руку, но он отдернул ладонь, будто обжегся, остановился, посмотрел на девочку: «Какая она светлая, чистая! Прикастаться к ней – значит запачкать, замарать грязной, в мазуте рукой что-то

белоснежное, радостное». Геннадий спрятал руку в карман и недовольно сказал:

– Да, идем скорее. Есть хочется.

Лена обиженно дернула плечом, но, посмотрев на серое, изможденное лицо друга, передумала сердиться.

Прав дядя Вова: надо бы Гену полечить. Давно пули свистеть перестали, но закончилась ли война? И кто гибнет теперь? Дети войны, как хилые колоски, побитые морозом, так и не оправились от страданий и лишений, так и не смогли занять достойного места под солнцем.

Чтобы вернуть прежнюю непринужденность, девочка улыбнулась и, указывая на дом Самойлихи, мимо которого они проходили, сказала:

– А помнишь, как мы с тобой влетели на велосипеде в эти бревна? Ты ведь тогда меня спас. Смотри, они до сих пор лежат около забора!

Геннадий, молча, кивнул, шагая рядом.

– Как только ты успел сообразить в них въехать, а то бы нас точно раздавил трамвай!

– Еще неизвестно, что лучше. Может, и проскочили бы, – угрюмо возразил спутник.

– Ну, ты даешь! Тогда бы мы вылетели на трассу.

– Ну да. Знаешь, я до сих пор не могу понять, как это получилось, почему тормоза отказали!? Причем оба: и ручной, и задний!

– И что? Думаешь – она?

–Кто его знает! Только у нее зимой снега не выпросишь, а тут купила целый велосипед!

–Ну, во-первых, у тебя был День рождения, во-вторых, она боится соседских пересудов.

–Это ты права. Соседи наперебой хвалили мачеху, которая так любит и заботится о сироте. Она, довольная, улыбалась, а отец такой же счастливый, с гордо поднятой головой выгонял на заре коров в стадо.

–Забудь! – тряхнула головой Лена. – Это уже пройденная тема.

–Знаешь, а я ведь проверял их утром, тормоза действовали, а в обед... И самое интересное, что ее нигде не было: ни в толпе, ни дома. Гера нас в больницу отвозила.

– Ни пойман – не вор, – философски заключила Лена. – Рука до сих пор болит?

– В местах перелома на смену погоды и еще иногда не держит.

– Да тебе досталось! Сколько метров летел через руль! Но ты молодец: не ревел!

Он, довольный похвалой, усмехнулся и прибавил шаг.

Поужинали быстрее, чем готовили. Лена старалась как можно больше подложить в тарелку дяде, но Нинка, его жена, была такой же голодной. А Лена не против: выпила кипятку с вареньем, хлебом и спать.

Постелили на раскладушке, в отстроенной комнатке. Заснуть невозможно! Еще

несколько часов, и – она увидит своего отца! Рядом с Генной она гнала мысли об отце, потому что чувствовала, как нужна дяде, нужно ее участие и сочувствие. Но, оставшись одна, дала полную волю своей радости. Сказка, да и только!

А какая темная вязкая ночь на Дону! Может, потому что здесь степь целуется с небом, и цикады, как истинные музыканты, восхваляют красоту черной царственной ночи?! Родившийся месяц так нежен и так тонок, что Лене захотелось спеть ему колыбельную, как младенцу. Все ее страхи оказались лишними. Гена – настоящий друг. Как быстро он понял ее!

Девочка опять перевернулась, сбросила простыню, подошла к раскрытому окошку. Воинственное жужжание комаров, пытающихся пробиться сквозь марлю, развеселило Лену, и она торжествующе сказала насекомым:

–Ну, вот, комары, комарики! А вы не верили, что я найду его, что моя жизнь измениться.

Она закружилась и, улыбаясь, прыгнула на раскладушку. Та прогнулась, заскрежетала, и к этим звукам прибавился сдавленный стон или смех. Лена не разобрала. Застыла и услышала неразборчивый шепот из соседней комнаты, потом стон со смешком и возней на ложе. Лена улыбнулась опять. Она тоже хотела племянника, маленького, конопатенького.

–Ой, больно! – вдруг громко запротестовала Нинка, и за словами последовал звонкий шлепок. Потом босые ноги

пробежали к двери. Пахнуло чем-то протухшим. Тишина.

– На пей! Тише, тише. Пей же! – уговаривала Нинка мужа, а Лена удивленно, со страхом, который появился неожиданно внизу живота и застыл под ложечкой, слушала какое-то глухое дикое рычание, которое постепенно становилось тише и, наконец, сменилось мирным посапыванием.

Глава 16

Тамара Федоровна не спала. Когда-то длинные узкие пальцы покраснели, раздалились, и не было ни одной ночи без саднящей в них боли, которая становится невыносимой в состоянии покоя. Она повернулась на спину и прислушалась к дыханию внучек. Как же несправедливо все-таки распоряжается жизнь! Родненькая дочь повторяла ее судьбу. Красивая, сильная, кровь с молоком, не то что Герка, глиста, а вот обманул кровиночку, бросил с близнецами. Говорила ведь: не влюбляйся, ищи с достатком, чтобы жить сладко. Молодость. Теперь девочки выросли, уже работают. Гора с плеч! Ей помогать некому было. .

Сиротское детство, бесприютная юность научили изворачиваться, приспособливаться, если надо и кланяться. И когда у Ежовых случилась беда, она по-соседски два долгих изнуряющих года приходила помогать, приласкать. И всегда с улыбкой, с шуткой. Как рабыня всем угождала: и Тимофею, и его матери, и Генке, сыночку, и даже Герке, вертихвостке падчерице. – всех ублажала и страстно помогала Тишеньке забыть смерть жены. Соперниц хватало, но из ее рук еще никогда ничего не уплывало...

- Ты чего не спишь? – шепчет Тихон Егорович спросонья.
- Гена только что домой пришел. И где только шатался?!
- Спи, Томуся! Взрослый уже, армию вон отслужил! –

успокаивал ее полусонный муж, поворачиваясь на другой бок.

– Армию-то он отслужил, – со злостью зашипела женщина. – А каким приехал! Один рев чего стоит! Мороз по коже! Заснуть невозможно.

От досады она села на край постели и подумала: « Сколько изворотливости, сливок, масла понадобилось отнести в военкомат, Вот, она, армия родная! Бывало, шикнешь на него – и он все делает, как велено, а теперь... А сколько надежды было на то, что не вернется! Везет же иным... Ну, почему ни одному заключенному, которых он охранял, не пришла в голову мысль чуть-чуть посильнее толкнуть это щедедушное создание.?!

Она тяжело вздохнула, перекинула через плечо черную прядь волос, опять вздохнула.

– Не переживай ты так, Томуся! – обнял жену Тимофей. – Теперь Нинка о нем позаботится. Спи.

Он уложил жену на подушку, прижался к ней и тут же уснул.

Глава 17

Лена привыкла вставать рано, а тут еще старая раскладушка сложилась, как гамак, под тяжестью тела, и повисла, касаясь пола. Ни повернуться, ни вытянуться! Комары хором звенят над ухом: нашли все-таки лазейку в окне. В животе урчит. Не уснешь. Девочка встала, походила по пустынному двору босиком по росе. Холодно. Хотела взять хоть кусочек хлеба до завтрака, дернула дверь в кухню – закрыто. Заглянула в хлев: баба Тамара доила корову.

–Бабушка, завтракать будем?

–Будем, будем, детка, – не оборачиваясь, ответила женщина.

–Когда? – разочарованно протянула девочка.

–А вот сейчас дедушка накопает картошки, почистим, деточка, сварим и позавтракаем. Как раз и девочки мои проснутся.

–Есть хочется, – ныла Лена.

–А ты подожди, деточка, подожди. Давай, вот молочко в банки сольем. Сейчас люди придут: надо приготовить. Молодец, Пеструха! – она ласково похлопала корову по боку, еще и на базар есть с чем сходить. Все копейка будет.

И хотя Лена редко пила молоко дома, сейчас оно в банке показалось ей таким вкусным, таким сладким, что она отвернулась, чтобы проглотить обильную слюну.

Когда деда Тима принес рассортированную по корзинкам картошку, солнце уже стояло высоко над домом. Почистить картошку – плевое дело, но, когда Лена увидела, то, что отобрали для чистки, обомлела. Это был горох: в пальцах помещался, а срезать кожуру, так и вовсе останется с ногтей.

–Бабуль, давай ее в мундирах сварим, а? – протянула Лена разочарованно.

–В мундирах, деточка, она не такая вкусная.

Это была чистая правда. Вкус той мелочи с маслицем и укропчиком еще долго будет преследовать Лену, и сколько бы раз она ни пыталась повторить эту трапезу дома, ничего не получалось. Тогда картошка таяла во рту быстрее, чем Лена ощущала ее вкус. Опомниться не успела – тарелка пуста, а в животе не очень-то прибавилось. Но вкусно – не передать!

–А еще можно? – нерешительно попросила она, подмигнув деду, и приглашая его присоединиться. Он тоже протянул тарелку хозяйке. Суровый взгляд, брошенный на мужа, миг стер с его лица простодушную улыбку и заставил поставить тарелку на стол. А на внучку смотрели уже другие глаза и нежный голос ворковал:

–Нету, деточка, нету! Все съели. Только вот сестричкам осталось,

–Мгновенно освобождая стол от грязной посуды, добавила:

– Надо было, деточка, еще чистить. Ты же сама не захоте-

ла. Вот поешь абрикосок.

Появилась большая железная чашка с янтарными, набившими оскомину фруктами. Деда Тима виновато улыбнулся, и они вышли из-за стола.

Глава 18

Слоняясь по базу, Лена искала прохладное место. В комнатах Гены ее охватывал необъяснимый страх. Откуда он появлялся, девочка не понимала, но тлетворный запах гнал ее во двор. Наконец, она залезла на тутовое дерево и спряталась в тени листвы. Отсюда ей был виден весь двор, но долго сидеть не пришлось. Пришел Гена.

–Погнали?! – то ли утверждал, то ли спрашивал он, – побежали, что стоишь? Опоздаем на автобус!

–Размышлять, или сомневаться, не было времени. Гена шел быстро в гору, привычно перепрыгивая с камня на камень мощеной дорожки, и Лена еле поспевала за ним вприпрыжку.

На небольшой открытой площадке автовокзала уже стоял распахнутый автобус, охваченный жаром, но посадки еще не было. Успели. Пот струился по лицу, мокрые волосы липли к коже, мелкие, липкие капли пота покрывали все тело.

Они успели купить по мороженому и, плюхнувшись на раскаленное сиденье, сразу же подскочили и рассмеялись.

Ехали молча. Лена не могла говорить. Неужели все это происходит с ней?! Внутри все сжалось от страха и неизвестности. Что-то у нее все так легко получается?! А вдруг он не захочет с ней увидеться?

Гена спал, обдуваемый горячим ветром. Девочка посмат-

ривала на спящего друга и думала: «Да, он очень изменился. Постарел, осунулся. И этот взгляд! Иногда. Злой, голодный, пронизывающий. Страшно. Откуда он?»

Доехали быстро. Гена тотчас же открыл глаза и спросил:

–Поедем или пойдем?

–А сколько идти?

–Все время прямо по Пушкинскому бульвару.

–Конечно, пойдем! Посмотрим,

Ей так хотелось посмотреть этот город теперь уже в другом статусе! А еще не мешало бы собраться с мыслями: уж очень все быстро развивается. Сейчас откроется тайна, которую родители берегли от нее тринадцать лет. А вдруг ее жизнь повернет на сто восемьдесят градусов, и она (о, счастье!) не будет причиной ссор в семье и не услышит больше мата в свой адрес!

Солнце садилось. Цветущий, нарядный бульвар охлаждался множеством фонтанов. Играла музыка, люди прогуливались, сидели на скамеечках в тени деревьев. Липы, огромные, разлапистые, посаженные по обеим сторонам аллеи спасали от жары и ее, и проезжую часть.

Не успела Лена унять дрожь в коленях и руках, как Гена повернул к красивому трехэтажному особняку и стал подниматься по широкой парадной лестнице.

–Гена, постой, – почти закричала девочка.

–Ну что? Да не дрейф ты. Не кусается он.

–А ты что, ходишь сюда, да?

–Иногда, – уклончиво ответил дядя, подойдя к высокой крашеной двери со списком звонков сбоку, и позвонил два раза.

Подняться сил не было. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет или, наоборот, перестанет биться. Но когда дверь открыла молодая женщина среднего роста, несколько полноватая в нарядном халатике, страх сменился разочарованием. Где же он, ее отец?

–А, Гена! Заходи. Что случилось? – приветливо спросила она.

–Здравствуй, Жанна. Вот дочку Гришкину привез. Просит познакомить с отцом.

–Дочку?! – удивленно произнесла она. – Какую дочку? У него одна дочка, Анжела.

Она растерялась, и никак не могла справиться с волнением.

– А где она?

Гена кивнул вниз, где на лестничной площадке стояла, не шевелясь, Лена.

Женщина оглядела девочку с ног до головы, всмотрелась в лицо в поисках подтверждения родства.

А Лену охватил опять страх, что если эта женщина не пустит их и ничего не скажет мужу?!

–Ну, что же, проходите. Теперь припоминаю. Гриша что-то вроде этого говорил, но, очень давно. Забыла уже. Проходите, – еще раз пригласила Жанна гостей без особого энту-

зиазма.

Они прошли длинный коридор коммунальной квартиры и очутились в светлой большой комнате. Лена окинула ее взглядом в поисках отца, но здесь не было даже намека на мужское присутствие. Стены пусты, а из фотографий лишь портреты ребенка разных возрастов.

Это наша дочка. Ей четыре годика, и она гостит у моих родителей. Твой отец в командировке, он ревизор пароходства, а когда вернется – не знаю.

– Жанна, дай водички? Жара... – попросил Гена.

Он вытер рукой рот, а потом пот со лба. Мокрая рубашка прилипла к спине и казалась мятой и грязной.

–. – Вот незадача. Как же узнать? Да и уезжает она скоро. Ей долго нельзя. Мать будет волноваться.

Лена слушала дядю и думала: «Надо же, какая у отца любовь к заморским именам! Одну дочь назвал Стелла, другую Анжелой и жен выбирал с такими же заморскими именами.»

Пожалев понуро сидящую девочку, Жанна неожиданно бодро предложила:

–А пойдем на переговорный пункт?! Пароходство еще работает, дозвонимся и узнаем.

Заказанного телефона долго ждать не пришлось. Жанна вошла в крохотную душную, грязную кабинку с телефоном, где на лоснящейся полочке, как на потрепанном черновике, были написаны имена, номера телефонов и слова-выражения, а напротив аппарата прибита затертая задами деревян-

ная лавка. Дверь не закрыла и разговаривала стоя. Лена сидела рядом, в зале ожидания, и слышала лишь голос женщины.

– К тебе дочь приехала, говорю. Слышишь? Да нет, не Анжела, другая! – раздраженно закричала она. – Какая, какая, твоя, Стелла.

В трубке, наверное, молчали, и она села на скамью, успокоилась. Потом аппарат затрещал. Откуда-то издалека на нее кричали, и отвечала Жанна так же зло и сердито.

– А я откуда знаю! Когда приедешь? Нет, не может ждать. Откуда я знаю, что делать?! – опять сорвалась Жанна на крик. – Твоя дочь, ты и решай!

Лена опустила голову, чтобы Гена не видел ее покрасневшего лица. Опять она причина ссоры взрослых людей. Зачем только все это затеяла?! Скорее всего и этому отцу она не нужна, и в этой семье она не найдет того, что должно быть, по ее мнению, в семье. Но тут ее мысли прервала интересная фраза Жанны:

– А ты успеешь? Ну, хорошо, я привезу ее к тебе, если она согласится подождать.

Жанна положила трубку, вышла из кабинки:

– Ну, вот, как и предполагала, приехать сам не может, но он предложил тебе, Лена, приехать к нему со мной через неделю. Если ты побудешь у Гены до четверга, а рано утром в пятницу мы сядем на теплоход, и к вечеру будем в Волгодонске. Отец к тому времени завершит свои ревизорские де-

ла, и мы вместе на машине вернемся домой в воскресенье.

Лена слушала и не могла поверить: у них своя машина! Плыть на теплоходе! Да это же невозможное счастье! Подождет ли она? Да, конечно, же! Сколько угодно. И путешествие, и знакомство! Невероятно! Пусть теперь кто-нибудь скажет, что это плохо родиться под покровительством Сатурна! Это не про нее. Вот какой подарок получила!

Всю обратную дорогу блуждающая улыбка не сходила с ее лица. Казалась, слова могут разрушить то состояние счастья, которое овладело ею на переговорном пункте. Конечно, она постаралась забыть нотки разлада в семье, конечно, не подумала, что долгое пребывание в Новочеркасске вызовет у мамы подозрение. Неважно. Главное, достичь цели.

Глава 19

Назад к Колесовым Лена бежала вприпрыжку. Подождать недельку – да, пожалуйста! Сегодня же напишет маме, чтоб не волновалась. Как просто, оказалось, достигнуть мечты. Она будет читать, думать о чем-нибудь другом, чтобы не проболтаться, чтобы никто ни о чем не догадался.

Лена влетела к бабушке и плюхнулась на пустую кушетку. Бабуля возилась с опарой, устало двигаясь. С самого утра заболела голова, потом подключилась спина. Иногда боли были такими сильными, что, казалось, терпение вот-вот взорвется диким криком, а она, как всегда, успокаивала свою болячку разговорами, бормотала, обращаясь к радикулиту в спине, ломоте в коленях и сумасшедшему жжению в затылке:

– Ну, бисова сила, недолго вам еще издеваться надо мною. Вот еще три годика и уйду от вас, будете тут одни без меня.

Она определяла себе сроки жизни несколько раз и готовилась к смерти каждые десять лет, чтобы справиться с болезнью, чтобы видеть и знать предел страданий. Как ни странно угроза действовала, и мир на цыпочках возвращался в тело. Так было и сегодня.

Солнце село и мухи, недовольные уходящим днем, жужжали настойчиво и громко, ссорясь с просыпающимися комарами. В тесной, раскаленной жаром кухоньке душно. Но как вкусно пахнет борщом и хлебом! «Наверное, опять бо-

лит нога, – подумала Лена, глядя на осунувшееся, бледное лицо женщины.

– Куды як конь несешся? – ворчит недовольно бабуля,

– Бабушка, а Людка где? – спохватившись, спрашивает Лена.

– С Вовкой гулять ушли. Не бачишь? Обидать, чи шо пришла?

– Угу! Есть хочется сильно-сильно.

– Так чего расселась?! Геть в подвал,– и вдогонку кричит,– Компот здесь.

Это раньше в детстве Лена обижалась на грубость речи бабушки. Но ведь не они главное, а действия. «Уж голодной она точно никогда не оставит, – думала Лена, открывая дверь в подвал.

Это не подвал, а удивительное инженерное сооружение дяди Вовы! Каждая ступенька вниз снижает температуру помещения на несколько градусов. После воздуха, пышущего жаром во дворе, уже на пятой ступеньке подвала в одном сарафанчике долго не прстоишь. Холодно.

Лена выскакивает оттуда с полным ковшом борща и радуется теплу.

За обедом рассказывает смешные истории о дедушке Шукаре. Хорошую книгу Шолохов опять написал, не зря Нобелевскую премию дали в этом году, хотя и за «Тихий Дон» только.!

Екатерина Дмитриевна сдержано смеется. Настроение

вроде бы улучшилось, и Лена спрашивает:

– Бабуль, а правда, что так проходила коллективизация?

– Так хйба ж я ведаю!?! – уклончыво отвечает она, взбывая подушку на кушетке, чтобы прилечь. – Дон вон какой, через каждого перекатило.

– А тебя тоже коснулось? – почти шепотом спрашивает девочка, чтобы не спугнуть ленивого настроения и желания вспоминать.

– Да хйба ж мы бачили, шо таке зробиться!

Екатерина Дмитриевна уложила больную ногу на стульчик, потом легла сама, и Лена чутко уловила то мечтательное состояние, за которым следовал рассказ о прошлом.

Глава 20

– У Крыму жили, как у Христа за пазухой! Таврские мы. Потом турки пришли, дед мой с сыновьями бежал на Кубань. А там земли... хоть убейся, не охватишь! Правда, у отца моего, Дмитрия Башукова, девять детей было, а сына тильки три, а «юртовую землю» давали лишь на казаков по тридцать десятин каждому. Ничего. Все равно хватало с гаком! Всегда робили гарно, с песнями, смехом. Шутковать любили.

Батькив усих любив. Шестеро девок! Усих надобно замуж отдать. Скилько разив гостей не приглашали сести.

– А что это значило?

– Что не хочу замуж. Батькив не торопил: и дома работы хватало: коровы, лошади, свиньи, птица – всего вдоволь, тильки роби.

– А когда же ты вышла замуж?

– Двадцать три годыни исполнилось. и сватов усадили за стол. У моего Васеньки улыбка така, что не пригласить сести никак нельзя. Да и восемнадцатый годок стукнул ему – самое время!

– Бабуль, да он же пацан был, на пять лет моложе тебя!

– Ни, ни, его собирали как раз в армию. Свекор овдовел, ему хозяйка нужна, вот и сосватали. А свадьбу сыграли через три години, как отслужил.

– Ну. А как ты узнала, что вас раскулачивать будут?

Екатерина Дмитриевна поднялась, пробежала пальцами по замотанной шерстяным платком коленке, как бы проверяя, опять легла, молча, на кушетку.

– Ну, бабуль, как спаслись а?

А женщину эти воспоминания, видимо, не радовали: хватила и лиха, и счастья, но внуки должны знать, как она жила.

Глубокой ночью, когда каждый суставчик выворачивался, выкручивался, вопил и скручивался, хотелось не спать, а плакать и рвать брненное тело, тащить из него занозу-болезнь, услышала она слабый стук в окно. Счастье, что кровать, где она лежала пластом который месяц, стояла рядом. Толкнула створки рукой и услышала знакомый шепот Петра, которого когда-то два раза не пригласила сесть, а он так и не женился, все ее ждал, а потом ударился в политику, вступил в партию.

– Уезжай, беги сейчас же! Завтра утром придут забирать всю живность, а вас в Сибирь!

«Прощай!» – зашелестела листьями цветущая сирень и затихла, обволакивая комнату своим ароматом.

Вмиг изменилась жизнь. Так же осторожно постучала Катерина ложкой по стакану, призывая к себе свекра и мужа. Собрались за час. Узлы, двоих детей и недвижимую Катю положили на сено в телегу, запряженную двумя лошадьми, и – в степь, бежать быстрее без оглядки из собственного дома!

Первое время жили в степи, потом прятались по хуторам у родственников, пока не оказались в казачьей столице, где легче затеряться.

Уже в Новочеркасске свекор вылечил любимую сноху, исцелил от ревматизма ваннами с сенной трухой и сеном. А она потом до войны родила еще двоих деток.

Лена задумчиво обмахивала ноги веточкой от мух. Вот она какая, коллективизация! Революция на селе! Без жалости выбрасывала на улицу и детей, и больных, и здоровых. Жестокая и безрассудная! А может, не в революции дело? Просто люди забыли, что они люди.

– Да, бабуль, вон как тебя любили! Красивая ты была.

Екатерина Дмитриевна усмехнулась, и девочка сообразила, что ляпнула не подумав, и сразу добавила:

– Ну, ты и сейчас... только вот все время в платке... жарко ведь!

– Таврские мы! – повторила женщина. – Не гоже красотой похвастаться – Бог отнимет. Кому надо, тот и так увидит.

Глава 21

Вечерело, но света не зажигали: комары налетят. Вышли колупать бесконечные абрикосы и раскладывать их на освободившуюся фанеру.

Единственный куст чайной розы, усыпанный цветами, источал чудный запах. Тишина.

– Ба, а ба! Спой? – просит Лена. – Только самую длинную.

Женщина поправляет больную ногу двумя руками, берет веточку и запекает, обмахиваясь: «Скакал казак через долину...» Эта удивительная баллада о несчастной любви каждый раз вызывала у девочки слезы, и, не дожидаясь этого, она затянула вторую партию. Бабуля, довольная, кивнула, и полилась песня над Тузловкой, как и сто лет назад, ибо жив, неистребим вольный казацкий дух.

Песню прервал звонкий детский смех. Васька прыгал от беспричинной радости, заливисто и громко смеялся, догоняя Люду. Сразу стало шумно, весело. Вспыхнул свет, загремели чашки, ложки.

– Вот и гарно, – вздохнув, подвела итог дню баба Катя, вешая замок на фанерную дверь кухоньки. – Теперь – спать, всем спать, бо изыдять комары.

Около фонаря на столбе их вился целый рой, голодных и злых. Наступало время, когда никакая ветка их не пугала и спастись можно только бегством.

В комнате душно, жарко, зато не надо махать руками. Бабуля ворочается, кряхтит, Васька посапывает, с терраски то и дело доносился залиvistый смех тети Раи и приглушенный счастливый смешок дяди Вовы, а Лена лежит с открытыми глазами.

Вот как поворачивается человек, раскрывается, если поговорить с ним по душам! Может, Лена не присматривалась раньше к ней? Бабушка и бабушка, вдова, вечно в домашних хлопотах, вечно в косынке, в фартуке. Праздничное платье одно и то темное для церкви по воскресеньям. Меняются лишь платки. А на портрете, что висит у нее в спальне, она красавица. Сколько женихов было! А замуж вышла поздно, будто ждала, когда будущий муж подрастет. Выбрала на пять лет моложе! Разве так бывает?! Любить мальчишку! Хотя... может, это сейчас в восемнадцать лет ни то ни се, а тогда казак призывался на службу в войско на три года. Вот отец солдата и выбирал себе работницу вместо сына.

Любовь... Как понять, где она настоящая? Дядя Вова о любви вообще не говорит, Иван с Герой только и делают, что выясняют, кто кого любит. А дед Дмитрий Башуков – романтик каких поискать! Ни одну из дочерей против воли не выдал замуж, и сам пятерых жен пережил, шестая его похоронила в девяносто лет. Вот тебе и любовь...

И Лена вспомнила, как однажды баба Катя, задумавшись, стояла, подперев дверной косяк, и смотрела, как внучка моет ванну. Вдруг на дно упал паучок, перевернулся, постоял

и бросился бежать вверх. Бабуля встрепелулась и скомандовала:

– Геть видсеся!.

Взяла тряпку и села на край ванны, не спуская глаз с паука.

Лена обиделась, выскочила, а потом оглянулась и поразилась: морщинки на лбу разгладились, глаза сияли и с нежностью смотрели на паучка.

– Во, бачиш? Ввирх лизе! Знать живой мой Васечка. Чую, что жив! Може, убог в Америку?! Баче, як бигае!

А паучок доползал до середины, падал и опять старался из всех сил, карабкался вверх. Лена с удивлением посмотрела на бабушку: для нее эта Отечественная война была далекой историей, седая древность. Ей и в голову не приходило, что бабушка до сих пор страдает от одиночества, от неизвестности, до сих пор верит, что ее муж живет где-то на другой стороне планеты. Ведь похоронки же не было! Мало ли кто пропадал без вести, а потом возвращался!?

– Вот это любовь! – вздыхает девочка, – на всю жизнь. – А я думала, что такое может быть только в книгах или в кино.

Она смотрит на окно. Занавески отодвинуты, чтобы свежий ночной воздух заполнял комнату. Видно, как красиво изогнутый месяц перекинул лунную дорожку через подоконник. « Не всегда же мне страдать от безответной любви! Полюбят и меня. Сегодня я счастливая! Столько всего узнала», – мелькнуло в голове.

Лена натянула до подбородка простыню, поерзала еще немного на матрасе, подумала: « Как же жестко спать на полу!» и уснула.

Глава 22

Неделя пролетела незаметно. Наступил долгожданный четверг. Лена понимала, что идет к Ежовым слишком рано, но ждать больше не могла. Лучше весь день гулять по улицам города, пока Гена вернется с работы, чем изнывать от тоски. Поднималась в гору на центральную улицу и корила себя, и оправдывала. Надо же было как-то объяснить Колесовым свое исчезновение на четыре дня. Вот и сказала, что едет на турбазу с Геной. Эта полуправда не насторожила бабулю, потому что каждое производство и трамвайное депо тоже имеет свою базу отдыха на берегу Дона.

К дому Ежовых подошла с заходом солнца. Тамара Федоровна, как всегда, была занята коровой, поросятами и гремела в глубине хлева; дедушка шуршал на сеновале, сестричек не видно. Одним словом, здороваться не с кем. Можно просто посидеть на лавочке у замкнутого дома. Она сорвала веточку тутовника и лениво отмахивалась ею от мух и комаров. Тамара Федоровна равнодушно посматривала на одинокую фигурку девочки, гремела посудой, собирала харчи в сумку мужа, которого отправляла на пойму в ночное, пасти коров: подошла очередь.

Темнело. Опустилась прохлада. Неуютно, одиноко. Лена рьяно уже двумя веточками отгоняла наглых и злых комаров, изредка вставала, бегая за угол, посмотреть, нет ли знакомой

фигуры вдали.

Гены не было. Почему? Что случилось?

Взошла яркая луна, полная, светлая, холодная. Прогулявшись в очередной раз по улице, девочка села, спрятав голые ноги под платье и, обхватив себя руками, спрятала голову в коленях.

Сквозь дрему услышала стук калитки. Пришел!

Они шли рядом. Гена и его жена.

—А ты уже здесь? — небрежно, пьяно протянул дядя и как-то странно на нее посмотрел. С неприязнью, досадой и... отвращением.

Девочка от удивления замерла, онемела, испугалась, а потом обиделась и с укором воскликнула:

—Мы же договорились! Так едем завтра или нет?

Ответа не последовало. Пара, покачиваясь, равнодушно прошла мимо. Вглядевшись внимательнее в покачивающиеся тела, Лена, недоумевая, спросила:

—Вы что, пьяные? Пьяные, да?!

Нинка оглянулась и пальцем прикрыла рот в знак молчания, а Геннадий недовольно крикнул:

—Ну! Подумаешь, выпили чуть-чуть. Чего орать-то?

Лена растерянно смотрела им вслед и не знала, что делать. Поддерживая друг друга, супруги преодолели ступеньки крыльца, но теперь Геннадий никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Замок бился о дверной косяк, а Нинка, пританцовывая, торопила:

– Да быстрее же, ну, не могу больше терпеть!

Геннадий вырвал руку из ее объятий и разозлился:

– Не можешь?! Иди в сад! Видишь: темно, ничего не вижу!

Наконец, замок с грохотом упал, дверь распахнулась, и он грубо незнакомо рывкнул стоявшей около лавочки племяннице:

– Иди в дом, раз пришла.

И опять Лену охватил необъяснимый страх, и запах, при- торный, гниющий, ударил в нос.

В комнате вспыхнул свет, и хозяйка, сунув девочке подушку с одеялом, сказала пьяно, как и Гена, растягивая слова:

–Вон... раскладушка, стели... ложись.

Лена легла, но ни понять что-либо, ни уснуть не могла. Мешало все: и дурной запах, проникающий сквозь щели, и неудобная раскладушка, застеленная тонким одеялом, и эта полная луна, леденящая душу и выхватывающая из мрака очертания мебели.

А тут еще в соседней комнате поднялась возня. Гнусавый смешок Нинки перемежался со сдавленными ее вскриками «ой, больно», «да, перестань, ты!». Лена, по-старушечьи оправдывая возню, подумала: « Молодые играют!» Но отчего-то напряжение внизу живота росло, и холод страха неумолимо разливался по телу.

– Да не бойся ты, – уговаривала девочка сама себя, – это же мамин дом и Гена свой, родной!

Но всхлипы и крики становились все громче. И вдруг ухо уловило тихий стон Гены:

–Крови! Крови хочу!

Это сказано тихо, будто в раздумье. Лена не поверила своим ушам, быть такого не может, чтобы Гена мог так сказать! Но эти слова повторились уже громче. Девочка ахнула, сердце заколотилось. Лена перестала дышать.

– Не ошиблась?! Странно, неужели так тоже можно любить?!

Тихо. Она повернулась на другой бок и, тот час же подскочила, бледнея, услышав прорвавшееся, ничем больше не сдерживаемое, протяжное мычание: «Хочу! Крови хочу!» Нинка уже громко хихикала, ойкала и кричала: «Ой, не кусайся!» Слышалось ерзание, как борьба. Мужчина зычно рычал и метался. Женщина, не стесняясь, в ответ кричала: «Больно! Ой, больно!» И как апогей раздался оглушительный яростный вой:

– Крови...и..и! Крови..и..и..и хочу...у...у..

Ужас охватил девочку. Скорее инстинктивно, вопреки разумным доводам, она схватила платье, сумочку и вылетела из дома. Перепрыгивая через ступеньки, слетела с веранды, пересекла баз и дернула дверь кухни. Закрыто. Перекинув платье через плечо, хватаясь трясущимися руками за перекладину лестницы, полезла на сеновал и спряталась в самый дальний угол. Тихо. Никто не ищет. Зубы стучали, тело колодила мелкая дрожь. Успокоившись, она почувствовала, как

сено колет голые ноги, как светло пальцы, вцепившиеся в лагу. Она подвинула к себе сумочку и поняла, что та расстегнулась и деньги высыпались в сено. Застыла от ужаса, рыдания собрались в комок под сердцем и не давали вздохнуть. Девочка лишь всхлипывала и тряслась. Как же ехать без денег?! Она сидела, затаившись, а слезы бессилия, страха, пережитого ужаса текли и текли... Будто очнувшись, стала шарить в сене. Бумажные нащупала рядом, а мелочь... Будет подарок Тамаре Федоровне.

Уткнувшись лицом в коленки, девочка пыталась понять, что произошло, и что делать дальше. Слезы высохли сразу. Ясно, что придется ехать одной. Она вспомнила всю дорогу к дому отца, сам дом, а вот номер квартиры стерся из памяти или она его не увидела из-за волнения.

–Ничего, – решила она, – там найду. А сейчас – спать...

Постепенно звуки ночи заполнили все вокруг. Сверчки монотонно трезвонили, кот ласково урчал – звал подругу, а в ответ хрюкнул сонный поросенок; закудаhtала встрепенувшаяся курица, потревоженная кошкой,

Лена лежала на сене в позе китайского лучника – воина и боялась закрыть глаза. В голове стучало, а в ушах стоял вой и звенели жуткие слова...

Вдруг ее слух уловил не то стоны, не то всхлипывания и тихий успокаивающий голос шептал: « Спи, спи.»

Все затихало, цепкая лунная дорожка неумолимо расширялась и заполняла сеновал.

Часть 3. Семья родного отца.

Глава 1

Сквозь сон Лена услышала звук льющейся струи. Неугомонная баба Тома начинала свой трудовой день. Значит, уже рассвет. «Что же это все-таки было? – стучало в голове. – Что случилось с Геной? Прав дядя Коля: его надо лечить. Приеду домой – уговорю маму взять Гену к себе».

Отряхнувшись от соломы, Лена спустилась вниз и незаметно выскользнула на улицу. Уже сидя в автобусе, она вспомнила о забытых на комодке сладких пирожках. Гостинцы несла. Целый день берегла. Может, найдут. Жаль, если засохнут.

Девочка быстро нашла и дом, и квартиру, но самое главное то, что ее уже ждали. Жанна ввела ее в квартиру, молча, скинула взглядом.

– Мы поплывем завтра утром, а сейчас надень-ка вот мой халат и сними платье.

– Зачем? – недоуменно спросила девочка.

– Постираю.

А Лена подумала: «Наверное, я грязная. Не сумела даже умыться как следует! Но не рассказывать же ей все, что произошло вечером!»

– Да, оно чистое, – стесняясь, проговорила Лена, – Это у него цвет такой, немного сероватый, но оно мое любимое – сама шила. Ну, почти сама: мама помогала.

Лена развела руками юбку в стороны, как бы показывая красоту клеша,

– Правда, красиво?!

Женщина кивнула и решительно сказала:

– Снимай.

Конечно, ночевка на сеновале не прибавила белизны платью, да и носила его Лена уже неделю. Пришлось снять.

Пока на керосинке грелась вода, Лена рассматривала книги и фотографии на этажерке. Это были методические пособия по русскому языку и литературе. Об отце не спрашивала. Боялась. Вынула тоненькую брошюрку с заголовком «Биография. Мольер».

На кухне зазвенел тазик, девочка подняла голову и посмотрела на Жанну, сосредоточенно помешивающую единственный кипящий наряд, и опять продолжила чтение, устроившись на диване. Где-то она слышала о таком писателе, но даже не могла себе представить, что этот великий драматург страстно любил собственную дочь несколько лет, пока «доброжелатели» не открыли ему правду; что его гроб, окованный цепями, долгое время висел в гроте скалы необитаемого острова. И все-таки краешком глаза она отметила, как тщательно вываривалось платье, потом опять стиралось, два раза полоскалось, потом было залито водой с крахмалом

и кипенно-чистое вывешено в тени, а не на жгучее солнце, как это сделала бы она.

– Ну, что, теперь обедать будем, – дружески сказала Жанна и поставила на стол тарелки. – Иди, не стесняйся!

Суп был невероятно вкусным, а крылышко растаяло во рту незамеченным. Сытый взгляд девочки потеплел, потерял настороженность.

– Понравилась книга? – завела разговор женщина.

– Угу! Очень интересно. Только вот почему же ему не сказали сразу, кем была на самом деле его любимая?

– На этот вопрос позже ответит Шекспир. Мечь и зависть правит миром и людьми.

– Вы учитель?

– Да, окончила Ростовский университет, – старательно намазывая шоколадное масло на печенье, сказала Жанна.

– Хочешь, я расскажу, как мы познакомились с твоим отцом?

Лена кивнула. Женщина села на подоконник, забросив ногу за ногу, и закурила, выпуская дым в открытую форточку. Это неприятно удивило Лену, и Жанна, затянувшись, ответила на немой вопрос гостьи:

– Да, я иногда балуюсь, когда совсем невмоготу. Ну, вот, – начала она рассказ, – Пришел он к нам в институт на осенний бал. Черноволосый красавиц, секретарь райкома комсомола, великолепный оратор и танцор. К концу бала перезнакомился со всеми девчонками курса, и добрая половина из них уже

решила, что он пойдет провожать именно ее. Но пошел он со мною. Да... – протянула она с сожалением и горечью, – Букетный период длился три года, но обаять моих родителей ему так и не удалось. Сватался – ему отказали. Потом исчез на долгие два года. Я окончила университет, уже стала работать, и он появился вновь... Мы поженились.

Жанна затянулась, пустила ровные колечки дыма и добавила:

– Да, любовь была, как у Мольера.

Лена молчала, с интересом ожидая продолжения. Какая удивительная любовь! Оказывается ее отец совсем не ловелас. Это хорошо. Сколько лет ждать счастья! Как в кино.

Но Жанна курила, затягиваясь, и совсем не казалась счастливой, а потом вдруг с ожесточением спросила:

– А что с твоим носом? Почему красный такой?

– Солнце. Каждый год одно и то же. Обгорает до болячки летом, а осенью заживает.

– Хочешь, мы хотя бы красноту уберем? А то пылает, как шар, на лице.

Лена с благодарностью кивнула. За ней никогда так никто не ухаживал: и платье выстирала, и накормила, и даже почит!

Жанна спрыгнула с подоконника, достала с полки красивого нового серванта коробочку, открыла ее и помазала нос, еле прикасаясь, потом потрогала платье.

– Сейчас будем гладить твой наряд. А нос не трогай. Через

час пройдет.

Платье было еще влажное. Утюг шипел, работал и поражал каждой выглаженной дорожкой. Белые ромашки нарядно выделялись на бирюзовом фоне платья.

– Вот это да! У меня так никогда не получалось после стирки! Спасибо огромное! Это просто волшебство!

Жанна покраснела от похвалы, и, довольная принялась делиться секретами стирки светлых вещей, а Лена, слушая хозяйку, вертелась около зеркала, и тут ее взгляд скользнул вверх, и она увидела восторженные глаза, выющуюся челку, красный веснушчатый курносый нос и выгоревшие, как солома, грязные волосы, собранные на затылке черной резинкой.

– А можно мне еще и голову помыть, а? – несмело попросила девочка.

Жанна рассмеялась и налила в тазик уже приготовленную горячую воду

Глава 2

На пристань шли пешком ранним утром. Родной город умылся и радостно сверкал лужами. В воздухе плыл аромат цветов, украшавших Пушкинский бульвар.

«Так вот как начинается новая жизнь! – думала она, – новая, с чистого листа! Вот, оказывается, кто ее отец – секретарь райкома! Бывший, конечно. Но все равно. Она только готовилась вступать в комсомол и смотрела на своего районного секретаря с восхищением. Как он умел поговорить! Как надо любить людей вокруг себя, чтобы тебе верили и доверяли!

Она весело размахивала пустой сумочкой, вдыхала запахи раннего утра и шла навстречу своей мечте.

На барже пассажиров было немного, и каждый из них сразу нашел себе место в тени. Жанна, сняв халатик и взяв книгу, сразу пошла на нос загорать. Лена сначала с интересом бегала от одного борта к другому, потом приуныла в одиночестве, не решаясь мешать малознакомому человеку, а потом догадалась просто сесть рядом и молчать.

Солнце сильно припекало, когда Жанна захлопнула недочитанную книгу и сказала:

– Все, пора скрыться! Прячемся!

В тени было тоже жарко.

–Никогда не думала, что берега Дона такие скучные! Как

в пустыне! Пески, пески, пески... и ни одного дерева.

– Вырубили, – ответила Жанна, открывая опять книгу. – Хочешь, я расскажу тебе историю одного удивительного человека?

Лена кивнула.

– Это был очень талантливый человек. За что бы он ни брался, все выходило лучше, чем у других. Он виртуозно играл на скрипке пассажи самого Паганини. Знаешь кто это?

– Нет.

– Композитор, музыкант-виртуоз. Однажды завистники ему струны подрезали перед концертом, а во время игры они поочередно лопались и ударяли его со страшной силой по лицу, но он продолжал играть, закончив произведение на одной струне. Так вот. Этот человек не только великолепно играл, но и изучал науки, медицину, ставил опыты, экспериментировал. Ему говорили, чтобы он выбрал что-либо одно и достигал в этом вершин, а не разбрасывался. Ведь, он уже взрослый! На что юноша отвечал:

– Я буду вбирать в себя все знания, которые накопило человечество до тридцати лет, а потом все отдам людям.

Когда ему исполнилось тридцать лет, он взял скрипку и уехал к самым бедным и безграмотным людям на планете – в Африку. Там открыл музыкальную школу и учил детей и взрослых играть на скрипке, обучал их грамоте и лечил всех, кто к нему обращался.

– Долго лечил?

– Всю жизнь.

– Это был, наверное, самый одинокий человек на Земле.

– Может быть, – задумчиво сказала Жанна, – Но он прав

в одном.

– В чем?

– Нужно многое уметь и иметь, прежде чем настанет время отдавать.

– То есть нужно усиленно учиться, учиться и учиться!

Да? – засмеялась Лена, повторив надоевший постулат. – Это точно, и никто с этим и не спорит.

– Это ты не споришь, – улыбнулась Жанна.

Ей нравилась эта сдержанная, любознательная и очень самостоятельная девочка.

– Опять назидания, – подумала Лена недовольно. – Отец каждый вечер вбивает и здесь та же история.

Она тоскливо посмотрела на берег, и Жанна сразу уловила перемену в настроении собеседницы. Что сказала не так – не поняла, но тему решила сменить.

– А ты любишь подарки?

Странный вопрос, – размышляла девочка, уткнувшись взглядом в песчаный берег, – Кто же их не любит?

Ничего не ответив, лишь кивнула.

– А тебе отец, ну, отчим, – поправилась Жанна, – дарил что-нибудь?

Лена удивилась, почему это интересует Жанну? Конечно, дарил, а как же! Каждый месяц, как получал зарплату, так

обязательно приносил огромные кульки самых дорогих шоколадных конфет, доносил в любой степени опьянения, хоть ползком. А если забывал в такси, то шофер утром доставлял их в целости и сохранности. Городок маленький, выручка тоже не ахти какая, а клиент, считай, постоянный. Зачем обижать!?

Один раз подарил ей велосипед. Не детский, а настоящий, дамский. Синий, с красными фонариками под седлом и громким звонком. Семилетнему ребенку занесли в дом, как приз.

– Вот, катайся, – радостно сообщил Иван и подмигнул Гере, тоже сияющей от радости, а дочке приказал, – только сначала вытри тряпкой солидол. Красивый?

Он любовался этим велосипедом, как ребенок. Таких подарков у него никогда не было. Его детство перечеркнула война.

Лена кинулась искать тряпку, долго и любовно вытирала смазку, прислонив подарок к стене дома. Когда все было готово, вышли на улицу, и Иван скомандовал:

– Садись!

И видя, как ноги девчушки болтаются в воздухе, пытаюсь достать до педали, рявкнул недовольно:

– Слазь!

Возня с седлом все больше его раздражала. Купи, принеси, еще и возись тут! Наконец, седло опустилось.

– На, и больше не приставай! – буркнул он недовольно.

Лена с удивлением смотрела на отца, понять смену настроения она не могла, но радость исчезла. Что она сделала не так? В чем виновата?

– Сама, – уже кричал он, – сама учись! Я тебе что – слуга?! Я что буду бегать и держать тебя?! Сама! Учись!

И он с силой толкнул велосипед под седло, и Лена, чтобы удержать равновесие, лихорадочно закрутила педалями, поехала. Это было счастье на мгновение. Через минуту она поняла, что ей некуда повернуть, надо остановиться, значит, упасть. Пока она раздумывала, как лучше это сделать, скорость снизилась, и велосипед завалился на бок.

Велосипедистка разбила коленку, локоть и, молча, сидела на обочине дороги, размазывая слезы по щекам. Она знала: родители не выйдут, не пожалеют. Зато прибежали ребята, помогли встать, отряхнули платье и с восхищением рассматривали велосипед, а потом, поддерживая ее, бежали рядом и до вечера учили кататься.

Отец больше не касался подарка. Когда спускали колеса, а силенок не хватало их подкачать, ответ был один: «Сама!» Сначала пыталась сама, потом мальчишки помогали, а когда колесо прокололи, подарок повесили в сарай до весны, пока не приехал Гена. Целый день он возился в корыте с холодной водой, искал прокол, потом заклеил и накачал колеса.

Лена суежилась рядом или сидела на корточках, мгновенно выполняя любой приказ дяди. Иногда она убегала в дом, выносила любимый пирожок с капустой и кормила его, а он,

улыбаясь, жевал и что-то закручивал грязными руками. К вечеру машина стояла, как новенькая. Радости не было предела. Они носились по сельской гравийной дороге или уезжали далеко в степь, где ветер свистел в ушах, где такой простор, что дух захватывало! Хоть на багажнике и твердо и трясло, но зато вдвоем!

А отец приходил опять каждый вечер пьяный и недовольный. Он вроде бы и дарил радость, но тут же ее отнимал, и рана от нанесенной обиды долго не заживала. Но зачем Жанне знать это?

– Конечно, дарил, – ответила Лена, пожав плечами. – Всегда конфеты приносил. Много. Мы с сестрой их делили. Я сладкоежка. Моя порция исчезала быстро, а сестра ела по одной штучке в день. Иногда я ей помогала.

– Забирала, что ли? – смеясь, уточнила Жанна.

– Нет, зачем? Просила. Она же маленькая. Не жадная. Себе одну возьмет и мне даст. А еще, когда мне было семь лет, мне купили велосипед. Гоняли с ребятами по улицам до свиста в ушах.

– Да, мы тоже гоняли. Здорово, правда? Я ведь с родителями на окраине города жила, там мало машин. Ну, а в учебе тебе помогают?

Лена улыбнулась. « Ну, как они могли помочь, когда у них за плечами три класса, четвертый закончили под бомбежками: в город немцы заходили, оба стали кормильцами. Сложение, вычитание и полная безграмотность!

Во втором классе они вместе подписывали рисунок. На дом задали нарисовать какой-нибудь предмет. Лена очень старалась. Чемодан получился ярким, с красными и желтыми полосами, как кино. Должна быть пятерка. А чтобы Вера Яковлевна не сомневалась, подписала: «Чемодан». Вечером решила похвастаться. Иван посмотрел на рисунок и решительно произнес:

– Что ты пишешь?! Чему тебя только в школе учат! Неуч! Неси ручку исправлять ошибки.

И, положив на кухонный стол альбом, жирно, грязно исправил букву «е» на «и».

– Вот как надо, поняла? Грамотей!

Но тут засомневалась Гера, может, надо «у» поставить?

Отец вскочил со стула, раскричался, что его учат все, кому не лень, махнул рукой и ушел в другую комнату.

– А... Разбирайтесь сами!

Лена взяла испачканный лист и заплакала. Рисунка он так и не увидел, и не похвалил.

– Нет, уроки я делаю сама, – серьезно ответила девочка. – Они же работают, им некогда.

– А когда тебе непонятно? – допытывалась Жанна, – что делаешь?

Лена удивилась. Она не задумывалась об этом, поэтому пожал плечами, ответила:

– У ребят спрашиваю или у учителя. Но редко.

– Почему?

– Если неясно, спрашиваю сразу, на уроке.

– А книги? Как ты выбираешь книги? У вас в станице библиотека есть?

– Ну, конечно, есть, – обиделась девочка, – и у нас курортный город. Через Подкумок перейдешь – вот и город, там и детская, и взрослая библиотека.

– Не обижайся! – примирительно сказала Жанна. – Так как ты выбираешь книги?

– Ну, если попадется интересная, ищу книги этого же автора или в конце произведения бывает список литературы по теме. Выписываю и читаю.

– А учитель список книг на летние каникулы дает?

Лена с удивлением посмотрела на Жанну и покачала головой.

– А у тебя есть любимая книга?

«Вот пристала? – подумала Лена. – Как на уроке!» Но вежливость требовала ответа

– Конечно, есть. «Овод»

– О, серьезный герой! – рассмеялась она. – Будешь бороться за равенство, братство и свободу? «Пусть я пташка малая, но все же я счастливая!» Так?!

Лена резко отвернулась и уставилась на выжженные безликие берега.

– Да, не обижайся, – тронула женщина девочку за руку, – не сердись! Мне тоже когда-то нравился Овод...

И опять закурила.

Солнце садилось где-то там впереди, и темная вода в реке будто догоняла его, бежала к нему, но голые берега сжимали, сдавливали, не давали вырваться навстречу заходящему светилу.

Потушив сигарету, Жанна сдержанно сказала:

– Скоро будет наша пристань.

Лена растерялась, покраснела от волнения, суетливо вскочила, подошла к борту, вглядываясь в даль.

– Да не волнуйся ты так, – успокаивала ее Жанна. – Как только подойдем к причалу, он выйдет.

Лена не ответила. Ее сердце учащенно билось, вспотевшие ладошки крепко прижались к перилам. Она не могла говорить. Она готовилась любить незнакомого отца уже только за то, что он не пьяница и не курильщик. Жизненного опыта хватало отторгнуть лишь эти пороки, но девочка еще не знала, что есть недостатки страшнее.

Встречу с отцом она представляла все-таки иначе. Все произошло просто и обыденно.

Глава 3

Баржа причалила. На пристани никого. Испуганный девичий взгляд бегал по деревянной постройке речного вокзала, по прямой пустынной улице, уходящей в гору и опять по безлюдному причалу. Жанна молчала. Бледнея, Лена спускалась по трапу, и вдруг наступила на скрипучую прогнувшуюся доску, испугалась, схватилась за перила и, наклонившись, увидела темноволосого мужчину немного выше сред-

него роста в черных отглаженных брюках и белой рубашке с еле заметной полоской. Он стоял внизу и бесцеремонно ее рассматривал.

– Ты Стелла?

Незнакомец то ли спрашивал, то ли утверждал. Она кивнула и подумала: «Отец! Красивый! Как Григорий Мелихов.»

Мужчина понял сразу, что это она, его дочь, хотя видел ее в последний раз четырехлетним ребенком. Веснушчатый носик, волнистые русые волосы, губы, особенно верхняя, чуть шире нижней – его порода. Но вот удовольствия, радости почему-то не было. Он смотрел на плод неудавшегося семейного прошлого и никаких отцовских чувств не испытывал ни тогда, на перроне вокзала, ни сейчас на причале.

Тогда был молод, хотелось славы, как у отца, карьеры, денег. И получил бы все, если бы Герка не капризничала и слушалась бы его. Голь перекатная! Ни связей, ни доходов – одна красота, да сиротство, а туда же со своей моралью, верностью. Кому это нужно?! Дура ревнивая! Думала, что комнату в центре города ей просто так дали! Ушла, а он и не держал. В это время у него как раз появился шанс жениться на студентке, дочери второго секретаря обкома. Как все закрутилось! Совсем забыл, вычеркнул из памяти неудачный, бесперспективный брак. Со студенткой пришлось, конечно, попотеть, но своего добился, хоть и не сразу. Добился... на свою голову. Женился, но отдельной квартиры так и не по-

лучил.

И вот это прошлое опять спускается к нему в образе до-родной колхозницы с облезлым носом. Интересно, что ей на-до? Если денег – не дам! Иван переписал на свою фамилию, пусть и кормит.

Григорий подошел, суетливо прижался на мгновение су-хими губами к губам девочки. Лена онемела от неожидан-ности. В ее семье не приняты такие нежности, целуют толь-ко в щечку и маленьких детей, как Людку, или приехавших родственников. Но целовать в губы!... Она думала, что это делают лишь влюбленные.

Удивление сменилось растерянностью. Лена покраснела. Григорий улыбнулся и довольно крякнул, отметив про себя, как похожи мать и дочь в момент смущения. Точно, не об-манула... его дочь... А то мало ли найдется претендентов пожить за его счет.

Повернувшись к Жанне, он кивнул ей, здороваясь, взял сумку и радостно произнес:

– Ну, пойдёмте, машина уже готова, починил, сейчас по-едем к маме на хутор.

– Может, сначала покушаем, а? – нерешительно произнес-ла Жанна, но, взглянув на мужа, осеклась. Жесткий, злой взгляд заставил ее замолчать.

– Пожалуйста, не начинай, – сквозь зубы процедил Гри-горий, сдерживая раздражение. – Не будем спорить.

Он взял Лену под руку, тут же улыбнулся, будто маску

сменил, и ласково спросил,

– Ты ведь не очень проголодалась? Потерпишь, пока мы приедем домой?

Мгновенная смена тона, интонации, настроения смутила девочку, обескуражила. Она же в гостях! И хотя Лена, как и Жанна, не ела целый день, кивнула в знак согласия. Ее учили: со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Неудобно знакомиться и сразу спорить.

Григорий, довольный, что нашел союзницу, подхватил ее под руку, прижавшись к плечу.

– Ты не представляешь, как я рад, и сестры обрадовались, когда я им сказал, что привезу тебя на хутор! Соберется вся родня. Я тебя со всеми познакомлю. Это так здорово, что ты решила приехать. А я торопился завершить дела, чтобы успеть к вашему приезду.

Он говорил, говорил... Ласковые звуки нежного баритона обволакивали, притягивали, расслабляли. Ее глаза светились. Она нашла своего отца, вот он, идет рядом, красивый, добрый. Она уже любила этого отутюженного образованного, интеллигентного человека, ревизора донского пароходства. И какой ласковый...

Глава 4

Жанна шла чуть поодаль, хмурая и недовольная. Она не смотрела на мужа, будто знала и так: сейчас он обнимет эту девочку за талию, затем, рассказывая ей о родне, сообщит, как ее все ждут, наклонит к ней голову и на мгновение доверчиво прижмется. Как все до боли знакомо! Как он постоянен в своем оболыщении! Интересно, он хотя бы понимает, что это его дочь?! Где ему понять, когда он и младшую-то видит изредка. Как хочется пить!

Она остановилась, вынула оставшуюся мелочь, посчитала. На бутылку воды должно хватить.

Солнце село, но вечер прохлады не принес. «Какая голая улица, подумала Жанна. – Ни одного деревца, ни одного цветочка. И дома серые, унылые. Как только тут люди живут?! А вот и магазин. Забегаловка какая-то».

– Пойду, воды куплю, – бросила она и повернулась к двери магазина.

– Опять! Ты опять споришь на ровном месте! – раздраженно крикнул Григорий. – Я же сказал тебе, что все есть. Потерпи!

– Нет, – громко, не сдерживаясь, сказала Жанна, – я хочу пить, а потому зайду в магазин и куплю воды. Понятно?!

Григорий стремительно повернулся к Жанне, схватил ее за руку, дернул на себя и прошипел:

– Тебе же говорят, что я все купил. Что тебе еще надо?!

Та злость и жестокость, с которой были произнесены эти приличные слова, поразили девочку сильнее, чем бессмысленная матерная речь.

Жанна вырвала руку.

–Отстань! – закричала она от боли и унижения, но, увидев устремленные на них детские глаза, полные страха, сожаления, она перешла на другую сторону улицы, чтобы прекратить перепалку, но Григорий уже не мог остановиться или не хотел.

Приплясывая, размахивал руками и рассыпал упреки громко, без стеснения, на всю улицу, с готовностью доставая из глубин памяти интимные обиды. Жанна огрызалась так же зло и громко.

Лена шла, опустив голову. Ей было неприятно, стыдно идти рядом. В их станице такого нельзя было допустить. Вмиг ославили бы, осмеяли! Казалось, взаимные упреки никогда не иссякнут, но вид «Волги», стоявшей на обочине, перекрыл словарный понос взрослых людей и направил их мысли в другую сторону.

Повернувшись к девочке, Григорий сделал вид, что опомнился, виновато, нежно улыбнулся, прижался к ней плечом и ласково сказал:

– Ты же все понимаешь? Да? Извини, роднулька, не сдержался.

Распахнул галантно дверцу рядом с водителем, приглашая

сесть. Лена поглядела на него с сочувствием. Ей казалось, что причиной ссоры стали капризы Жанны, и жалела его, что не осталось незамеченным.

Жанна села, свернувшись, на заднем сидении и больше не произнесла ни слова, а Григорий, вдохновленный новым знакомством, рассказывал девочке, что у нее две тетки и дядя, его младший брат. У матушки огромный сад, огород и полно всякой живности. Старшая сестра замужем, у нее двое детей, а вторая живет одна в станице, рядом.

– Тебе понравится у нас, вот увидишь!

– А дедушка есть ?

– Умер.

Лена покраснела, не зная, что надо в таких случаях говорить. Ее пальцы нервно перебирали ремешок сумочки. Несколько минут ехали молча. Наконец, Григорий сжалился над девочкой:

– Умер десять лет назад. Сердце. Он в гражданскую еще воевал, потом коллективизация. Был первым председателем колхоза, – с гордостью добавил он.

Лена внимательно посмотрела на отца, которого так мечтала найти. Сколько времени уже рядом сидит, а она еще и не рассмотрела его. Странно, что она сразу не заметила веснушек. Они почти незаметные, но по всему лицу. Так вот откуда у нее верхняя губа больше нижней!

А Григорий вдохновенно рассказывал:

– Наш колхоз самый богатый. Отцу тогда звание Героя Со-

циалистического Труда дали и вот машину.

Он погладил руль одной рукой и ласково взглянул на приборы.

– Теперь она моя. Ну. Что же это я все о себе, да о себе, А как мама твоя поживает?

– Хорошо. Работает на ткацкой фабрике. Ткачихой, – зашмыгалась Лена. « А что еще говорить? Всего не расскажешь!»

– А как Иван к тебе относится?

Лена опустила глаза. Зачем этот вопрос? Как на него отвечать? Жаловаться? Рассказывать, как иногда невыносимо, и хочется бежать, куда глаза глядят?! Не сейчас.

Григорий зорко следил за мимикой девочки и понимающе улыбнулся, когда услышал:

– Хорошо. Работает, дома частникам строит, – и поспешно добавила, увидев недоверчивую улыбку, – недавно стиральную машину маме купил. Здорово теперь. Руками не надо стирать и время освободилось.

– Для чего? – уже добродушно засмеялся Григорий.

– Для чтения. Книг накопилось, непрочитанных, целая стопка!

– А учишься хорошо?

– Угу.

Лена никак не могла освоиться. Даже во сне не могло такое присниться! Она постоянно вжималась в кресло и время от времени стеснительно одергивала накрахмаленное пла-

ть, еще утром стоявшее колоколом.

Так вот он какой, ее родной отец! Красивый, умный, не пьет и не курит. Все совпало с мечтами. Неужели так бывает?! Даже страшно.

На заднем сидении зашевелилась Жанна.

–И все-таки он чужой, – подумала девочка и спросила, – А где Вы с мамой познакомились?

– Ну, что это? Что? – плаксиво, обиженно протянул Григорий. – Ну что это за «Вы»?

Он обнял одной рукой Лену за плечи и притянул к себе:

– Ты же моя родненька. Да? Давай на «ты»?

Румянец смущения был так невинен и привлекателен, что Григорий не удержался и нежно поцеловал девочку в щечку.

–Вот и хорошо. Договорились? А познакомились в Ростове на танцах., – он мечтательно закатил глаза. – Знаешь, как она удивительно легко танцевала! А походка... Ни с кем не сравнить. Летящая! Бывало, приду на свидание пораньше, спрячусь за кустом и жду, а она идет к фонтану, будто порхает. Ножки и земли не касаются! А поет – соловей!

Он запел песню: « Взял бы я бандуру да сыграл на ней», но запнулся на высокой ноте, и они рассмеялись.

Глава 5

До хутора доехали быстрее, чем хотелось бы. Вернее, Лена и не поняла, что приехали, думала: в поле остановились. По обе стороны дороги тянулась бесконечная палевая сжатая земля. И вдруг, как в сказке, вместо полей появились белоснежные саманные хаты с широкими дворами, укрытыми виноградом. Это было так неожиданно и красиво. Машина поехала медленнее, качаясь и подпрыгивая. Проселочная дорога явно не место для государственной красавицы «Волги». Не успели остановиться, как из дома высыпала толпа людей. Окруженная многочисленной, шумной родней, Лена, стесняясь всеобщего внимания, здоровалась, кивала, улыбалась. Каждый пытался дотронуться до девочки, разглядывал ее и не скрывал удивления и радости. Их повели во двор, где был уже накрыт стол.

Обедали шумно, весело. Двоюродные, троюродные братья, сестры, тети, дяди, бабушка спрашивали о маме, об учебе, о жизни. В этом калейдоскопе девочка не могла запомнить ни лиц, ни имен. Она отвечала сдержанно, односложно и с удовольствием ела. Все было таким вкусным, что поток вопросов быстро иссяк. Вся родня деликатно ела котлеты с салатом, лакомилась фруктами, а помидоры такие сладкие, что Лена не могла не взять второй. Стол ломился... Ешь – не хочу!

Но Жанна только выпила стакан компота и незаметно вышла из комнаты. Григорий сидел рядом с Леной и потому, как он ласково посматривал на нее, как нежно пожимал под столом руку, она чувствовала, что понравилась новым родственникам. Потом черноволосый мальчуган, двоюродный брат, вынес из комнаты баян, развернул меха, и все подхватили: «Когда б имел золотые горы и реки, полные вина...»

Песня неспешно лилась над степью.

–Юрка, ты нас укачал, давай веселую!

Пальцы мальчика забегали по кнопкам, стулья загремели, кто-то зычно залихватски закричал: «И.....и...их!» И пошла пляска с частушками.

Сначала Лена с удовольствием смотрела на танцующих, притопывая сидя, а потом и сама пошла в пляс, передергивая плечами, как это делают только казачки, и, выбивая каблуками траву в такт музыки, как это делала мама. Родственники одобрительно зашумели, а младшая сестра Григория, когда-то нянчившая девочку, тут же поддержала Лену пастушкой, племянница ответила, и пляска стала еще радостнее, еще звонче. Григорий, довольный и счастливый, смеялся и хлопал в ладоши.

«Наша порода, – говорил каждый его взгляд, брошенный на мать, дородную, конопатую женщину, когда-то рыжую и стройную певунью, влюбившую в себя первого председателя колхоза, богатыря- казака, коммуниста. Она сдержано кивала в ответ сыну, соглашаясь с ним. «Наша, наша! – говорил

ее взгляд, – и певунья, и плясунья. Настоящая казачка!»

Незаметно подкралась ночь. Темно стало как-то сразу. Взрослые разошлись по домам, а ребята пригласили Лену прогуляться по хутору. Шли вслепую. Никогда еще Лена не видела такой черной ночи! Было так темно, что рядом идущего человека можно только осязать. Ни на небе ничего светлого, ни на земле... Ноги то и дело проваливались в ямы или натыкались на кочки. От постоянного напряжения болела спина, и девочка только слушала ребят, мечтая быстрее вернуться назад.

Когда шумная ватага ввалилась во двор, Григорий задержал Лену и негромко сказал:

– Погоди немного. Давай постоим здесь. Прохладно. Надо же – ни одной звезды!

Лена обрадовалась: ей надоело шататься в темноте с малознакомыми ребятами.

– Ну, как, понравились родственники? – смеясь, поинтересовался он. – Не стесняйся, ты их покорила. Молодец! Настоящая казачка.

И обняв ее за талию, он крепко поцеловал девочку опять в губы, да так крепко, что от неожиданности Лена сделала шаг назад и чуть не упала. Он еще крепче обнял ее.

– Ну, ну, все хорошо. Пойдем в дом. Там тебе уже все приготовили.

И похвала, и нежность, к которой она не привыкла, и опьяняющее чувство взаимной любви были настолько вели-

ки, так переполняли, что Лена, повинувшись сиюминутному порыву, обняла Григория за шею, поцеловала в щечку и сказала счастливым шепотом:

– Спасибо, папа! Я так рада, что нашла тебя!

Он обрадовался и испугался этого неожиданного чистого и невинного движения души. Такое юное чудо свалилось ему неожиданно в руки, как золотое яичко от курочки-рябы.

– И я... – так же тихо прошептал Григорий и открыл дверь в хату.

Глава 6

Она уснула сразу же и так крепко, что разбудить ее не могли ни громкая перепалка между супругами в соседней комнате, ни капризный плач маленькой сестренки. Разбудил путешественницу петух, который задрал голову и махая крыльями, приветствовал восходящее солнце как раз перед раскрытым окном. Девочка улыбнулась, но глаза открывать не хотелось, чтобы не спугнуть состояние блаженства. Все-таки она правильно сделала, что нашла родного отца. Как он о ней заботится, как нежен! Ее просто обволакивает чувство защищенности! Ее любят! Наконец-то она чувствует, что ее любят! Она впервые ощутила себя маленькой, слабой. Не то, что с отчимом. Отчим. Она ни разу еще не произносила этого слова. Непривычно. С ним Лена всегда все должна делать сама. А чтоб защитить и помочь! Никогда. Ответ будет один: сама, делай сама. С тех пор как однажды она, зареванная, пришла домой и пожаловалась на мальчишек, отобравших у нее говорящую куклу, а Иван больно взял ее за плечо, развернул к двери и, толкнув, крикнул: «Сама, иди и разбирайся сама!», Лена поняла, что надеяться надо только на себя. Это было страшно и обидно, поэтому девочка попыталась разжалобить Ивана:

– Они же большие и дерутся.

– А ты думай, как вернуть куклу и не драться, раз они

сильнее, – буркнул он недовольно и опять уткнулся в книгу.

С тех пор она не просила у него защиты. Но как же ей хотелось, чтобы рядом был он, защитник, человек, который бы оберегал ее и любил. В своей семье она постоянно испытывала острое чувство незащищенности и одиночества. И только когда приезжал Геннадий, все вокруг преображалось: она уверенно и гордо шагала по улице и все время улыбалась. Гена не дарил подарков, но он так радовался их встрече, так внимательно относился к ее капризам, что Лене даже стыдно становилось за свое поведение. Гера качала головой, а брат, на ее предостережения, что им помыкают, только счастливо улыбался.

Гена. И опять, словно наяву, ее душевный покой разорвал вой, полный отчаяния и тоски. Лена зажмурилась от страха, потом резко села, открыла глаза и приказала себе не тревожиться о том, чего сейчас невозможно изменить. Вот придет, тогда и будет видно.

Завтракали во дворе, увитым виноградом. Огромные гроздья непривычно висели над головой и смущали девочку. А когда ей захотелось потрогать это южное богатство (не мираж ли?) Григорий ласково шепнул: « Они зеленые, не рви, не трогай! ». И Лена послушно с восторгом любовалась этим южным изобилием и вздыхала с сожалением, что у них дома не растут ни виноград, ни арбуз, ни дыни, ни персики. За столом сидела лишь мать Григория с годовалым внуком: все ушли в поле.

Григорий, нахмурившись, сопел: опять спустило колесо, опять придется все проверять, прежде чем ехать домой, опять лежать под машиной в жару одному. Он вздохнул и требовательно произнес:

– Жанна, мне нужна помощь!

– Я в машинах все равно ничего не понимаю. А ключи ты можешь положить рядом и не вставать за ними.

– Ну, конечно, как ездить, так вдвоем, а как под машину – так мне одному! – крикнул Григорий, нервно перекладывая вилку с места на место.

– Давайте я помогу, – с готовностью отозвалась Лена, не понимая, как можно ссориться из-за такой ерунды.

– Вот, видишь, видишь! – взвизгнул Григорий, – Вот кто меня любит! Спасибо, родненька!

Он взглянул на девочку с такой нежностью, что Лена засмушалась. Довольный, он отвернулся и, деловито закатав рукава рубашки, сказал:

– Доедай и приходи во двор. Починимся и поедем.

Глава 7

Нинка быстро шла домой мимо сверкающих огнями витрин и гостеприимно распахнутых дверей магазинов. Запахи манили, кружили голову, но она твердо решила сегодня не менять последнюю пятерку, а растянуть ее на неделю. Дома ее ждет борщ, наваристый, с сахарной косточкой, пастернаком, петрушечкой. Пахучий, вкусный! Сейчас придет, подогреет в ковшике,— и будет у них с Геной пир.

Яркая, залитая светом Московская осталась позади. Нина пересекла Сенную и спустилась вниз, к Тузловке, где дорожку освещал лишь свет в окнах. Сумеречно. Женщина пошла быстрее, но холодок страха, сжимал теперь легкие, мешая дыханию. И вдруг мысли прервал протяжный собачий вой. Она вздрогнула, посмотрела вокруг. Никого. Цикады трещат. Сквозь открытое окно слышен звон посуды. Лучи скрывшегося за степью солнца из последних сил пробивают темную завесу ночи. Одна!

Вой повторился. Внутри все сжалось, а глаза шарили в поисках палки или камня. Неужели волкодава выпустили погулять? Нет, не видно. Заборы высокие. Калитки закрыты. Ни души. А может, кого-то ждет беда? Животные предчувствуют. Собака завыла опять, и Нина дрожащими губами тихо сказала, как учила мама:

—На свою голову воешь, не на мою!

Повторила три раза и побежала, спотыкаясь и не оглядываясь.

Уже подходя к калитке, почувствовала что-то неладное. Дом стоял погруженный во тьму, двери настежь, светилось только маленькое окошко во дворе.

Сердце сжалось, перестало стучать, потом забилося, затрепетало, и Нина мелко-мелко задышала, пугливо открыв калитку. Затаив дыхание, она тихо, осторожно, чтобы не скрипнула ступенька, поднялась на крыльцо. Остановилась. Прислушалась. Из комнаты доносилось прерывистое, негромкое рычание. В глубине можно было рассмотреть разбросанные вещи и что-то плавающее в воздухе. «Пух?» – мелькнуло в голове. Она шагнула вглубь и ахнула: в углу кто-то сидел и рвал зубами подушку. Перья летали вокруг, оседали на голову, плечи, выпиравшие колени, а изо рта, набитого перьями, вылетали нечеловеческие жуткие звуки.

В ужасе, прикрыв рот рукой, чтобы не закричать, Нина скатилась вниз и бросилась бежать через двор к светящему огоньку, в кухню. Но, когда она, бледная, трясущими руками отодвинула занавеску, Тамара Федоровна презрительно взглянув, отвернулась, продолжая собирать посуду со стола.

– Что надо, деточка? – недовольно спросила мачеха, наливая в чашку горячей воды. – Мы уже поужинали, только завтра будем готовить.

– Папа, папа! – ничего не слыша и не понимая сказанных слов, прошептала со всхлипом Нина, указывая на дом. – Ге-

на, там Гена!

– Что? Что Гена?– наливаясь краской и пытаясь встать, также тихо спросил Тимофей Егорович, -

– Что? Да говори же ты!– повернувшись, закричала на невестку Тамара Федоровна, отодвигая тарелку, и, не дожидаясь объяснений, побежала к дому, вытирая на ходу замасленные руки.

Мачеха не испугалась, когда увидела обезумевшее, перекошенное лицо пасынка. Наоборот, решительно принялась за дело. Ни умоляющие взгляды мужа, ни робкие возражения Нины не могли поколебать этой уверенности.

– Он сумасшедший! Разве вы не видите?! Его надо срочно лечить.

Скорая помощь приехала быстро. Встречала медицинскую бригаду и всем распоряжалась Тамара Федоровна. Нинка испуганно жалась к стенке дома. Тимофей Егорович сидел, покачиваясь на траве около крыльца, смотрел, как санитары быстро и ловко пеленают его сына, орущего и надрывно всхлипывающего, как мыча, он время от времени протягивает к нему широкую со скрюченными пальцами ладонь.

Глава 8

Ремонт машины затягивался. «Волга» стояла за домом под палящим солнцем, и Лена, подавая очередной инструмент, лежащему под машиной Григорию, старалась спрятаться в падающую тень, но та с каждой минутой становилась все уже и уже. Голову пекло, горел нос, но Лене так хотелось продлить эти минуты счастья быть с отцом, что она старалась не обращать внимания на палящие лучи. Еще день, и они расстанутся. Почти на год. А Григорий продолжал:

– Вот видишь, никто не пришел помогать. Все в доме, в прохладе, один я волнуюсь, – тут он запнулся и добавил, – да вот ты мне помогаешь. Одна ты меня любишь, роднулька!

Говоря эти слова, он в очередной раз выглянул, чтобы заботливо спросить, не надоело ли ей, не устала ли она, и тут же прятался под днище.

Ну, как тут уйдешь?! Как скажешь, что голова болит, щеки пылают, а только что подлеченный нос опять покрылся волдырями?!

А голос из-под машины рассказывал, какой замечательной хозяйкой была Гера, как однажды под Новый год ей, такой красивой, удалось продать тридцать пять гусей.

– Брали – в улет! – с восхищением вспоминал он. – Мороз под сорок, а нам жарко, только успевали взвешивать, да денежки считать! Представляешь?!

– Ты ведь ее любил? – спросила Лена, помолчав.

– Еще как! Целых два дня потом ухаживал за нею. У ребят в райкоме праздник, гулянка до утра, а я за лекарствами бегаю да компрессы ставлю...

– Она что, так сильно застыла на рынке?

– Молодые были, гордые! Гера не стала мамины валенки надевать, а в резиновых, конечно, замерзла. Вот приеду, нужно будет в райком партии идти. Повестку зачем-то прислали. Знаешь, волнуюсь очень. Зачем вызывают? А мама никуда писем не писала? Не знаешь?

Григорий наполовину вылез из-под машины, озабоченно посмотрел на Лену. Жарко. Сразу же спрятался, а сам подумал: «Может это Жанна, взбалмошная бестия, узнала о Лилечке и написала? Если так, можно прикрыться дочерью. Славно все как складывается. Повеселев, сказал Лене тоном, не терпящим возражения:

– Может, мне понадобится твоя помощь. Ты не против?

– Помощь? Какая помощь? Чем я могу тебе помочь?

– А кто их знает. Это я так, на всякий случай, – неестественно рассмеялся он, видя ее смятение. – Но ты же не откажешь? Верно?

– Конечно, нет. Если надо, помогу, – заверила удивленная девочка.

Она была озадачена и подсознательно почувствовала, что отец хочет ее использовать, но отказать... Нет, отказать она не могла. Слишком сладко ощущение собственности, сча-

стья, любви.

– Вот и ладненько, роднулька! Тебя Жанна не обижает? – заботливо поинтересовался он.

– Нет, конечно. Она хорошая.

– Да? Ну, если что, ты мне обязательно скажи. Хорошая-то она, хорошая, а вот видишь, не любит меня. Лежит себе в доме и книжку читает. Кататься всем на машине хочется, а чинить – мне...

Наконец, Григорий захлопнул капот «Волги», брезгливо вытер руки и облегченно вздохнул:

– Ну, вот и все, моя помощница, роднулька моя. Пошли в дом. Ты моя умница, я тебя люблю, – и, потянувшись губами, чмокнул девочку в красную щеку.

Ее глаза сияли от счастья. Вот что значит родной отец. Как же ей повезло! Нет мата, нет перегара, не висит над головой смог едкого дыма от папирос «Беломорканал». Теперь она не одна на свете, у нее есть отец – друг и защитник.

Глава 9

После обеда хутор замер. Даже куры спрятались. Всех сморила жара. Но Лена не могла лежать в тесной с низким потолком комнате. В ней все ликовало и смеялось. Хотелось петь, танцевать, кружиться, раскинув руки и летать. Только не лежать!

Она вышла во двор, села на лавку. Жарко, а мир вокруг наполнен сонным жужжанием, стрекотанием, писком. Горячий воздух будто пеленает, каждое движение через силу. Сквозь спасительные листья винограда видно звенящее небо. Ни облачка.

Скрипнула дверь, и Лена услышала спокойный голос Жанны:

– Ты чего не отдыхаешь?

– Не хочется, – ответила Лена, улыбаясь.

Сейчас рядом с отцом, она воспринималась Леной как настоящая мачеха из сказки, сварливая и капризная. Это чувство неприязни почему-то росло. Жанна почувствовала перемену в отношении и замолчала. Ей хотелось предостеречь девочку, подсказать, что не всегда красивые слова мужчины соответствуют их чувствам, тем более у Григория. И она решила начать с самого больного:

– Знаешь, девочка, ты не обольщайся насчет Григория. Отец он никакой и для Анжелы, а уж о тебе он давно забыл.

Алиментов не платил, заботой не беспокоил.

Лена слушала, не перебивая, слегка наклонив голову, но последние слова вызвали протест. Она отодвинулась, поднимая руку, будто защищаясь. Но Жанна жестко продолжала:

–Я видела бумагу, где он пишет, что отказывается от тебя. Ты ему не дочь!

Лена сидела, не шелохнувшись, как изваяние. Застыла... Казалось, она не поняла сказанного, и Жанна повторила:

–Понимаешь, отка-зы-ва-ется! Отказывается от младенца! А теперь, когда ты выросла, легко любить: не надо ночей не спать, кормить, одевать, учить.

–Хватит, – прошептала Лена побелевшими губами, – хватит! Я Вас поняла.

Она открыла калитку и вышла, только бы больше не продолжать этот разговор. Беззвучные слезы текли по лицу, а она шла вперед, лишь бы не стоять. Страшное слово «отказался» хлестало снова и снова, но вдруг ее осенило: «Он не мог поступить иначе. Он сделал это ради мамы и меня. Не хотел мешать ее счастью с Иваном».

Она остановилась, вытерла слезы и улыбнулась: «Ну, вот. Чего это я расстроилась?! Просто надо было сначала подумать, а потом плакать. Все очень просто!»

Лена повернулась и пошла назад по единственной длинной и широкой улице хутора, но дома вокруг незнакомые. Вдруг ее охватил страх: она не найдет дом, из которого вышла. Теперь, проходя мимо каждого редкого строения, Лена

искала знакомые детали. Память не подвела. Еще издали она увидела лавочку у забора, покрашенную наполовину. Утром подумала, что хозяину или краски не хватило, или времени.

Лена села, прислонясь к штакетнику, задумалась:

– Ну, что теперь делать? Родились претензии и их надо предъявить? Нет, так нельзя. Ведь это было давно, а сейчас он узнал, увидел, так хорошо встретил, опекает, оберегает. Что еще надо?! Пусть прошлое останется в прошлом, – решила она окончательно, без колебаний встала и сразу почувствовала, как горячи ее волосы.

Внутри саманного дома царствовала прохлада. Лена проскользнула в кровать и легла.

В Ростов отправились вечером, по холодку. Прощание с родственниками было быстрым и теплым с обещанием писать письма и приехать на следующее лето.

Глава 10

Машина быстро катила по трассе. Ехали молча. Григорий изредка поглядывал в зеркало то на Жанну, то на рядом сидящую Лену. Обе спокойны и невозмутимо рассматривают бесконечные убранные пшеничные поля, перемежающиеся с лесополосами. Что-то произошло, но что он не понимал. Постепенно степь погрузилась в темноту. Дорогу освещали лишь яркие фары. Жанна спокойно сидела на заднем сидении, и это больше всего нервировало Григория. Не выдержав, он остановил машину и предложил Лене:

– Давай выйдем. Я отойду в сторону, хорошо?

Лена кивнула, не понимая, что это значит. Когда раздался звук льющейся струи, поняла, о чем говорил Григорий и покраснела. Иван так никогда не делал. Чувство стыда охватило девочку, и она села в машину, прикрыв дверцу, но звуки не исчезли, а стали только глуше. Через некоторое время Григорий подошел и взял девочку за руку.

– Надо поговорить.

Лена покорно вышла. Григорий обнял ее, и поцеловал в губы. Крепко и долго. Так долго, что девочка задохнулась от неожиданности и напора. Когда она отдышалась, он строго спросил:

– Что случилось?

Голос прозвучал откуда-то издалека. Лена видела Григо-

рия, как в тумане и ничего не понимала. Что это было?

– Ты меня слышишь? Почему ты молчишь? Тебя Жанна обидела? Да?

Лена покачала головой. Григорий опять взял ее за руку.

– Стелла, родненькая, я очень хочу, чтобы все было хорошо. Ты уже большая, все понимаешь сама. Мне так не хочется ехать домой, так все там надоело. Хорошо бы я уехал с тобой, бегом побежал бы, но я живу сейчас только надеждами, что скоро все это кончится, и я буду свободен.

– Надеждами? – переспросила Лена.

– Да! Мы будем жить с тобой, вдвоем, – он остановил протестующий жест, – Я все продумал. Ты приедешь ко мне через год, поступишь в техникум, будешь учиться, и мы заживем. Правда?

– Да, но это будет через год, – печально сказала Лена.

– Не огорчайся. Время быстро летит. Что же все-таки случилось? Ты так изменилась.

– Знаешь, однажды вечером мы с мамой смотрели снимки, а она и говорит: « Был у меня альбом, гордилась я им. Сколько фотографий дарили и мальчики, и девочки!

– А где теперь они? – спросила я.

– Да попался одному в руки, он сжег все до одной.

Лица в темноте не видно, но Лена слышит учащенное дыхание. Григорий выпустил руку девочки, зашелестел гравий под ногами, но Лена продолжала:

– Это был не ты?

И Григорий закричал в темноту с болью, обидой:

– Да! Да! Да! Это был я, я, – и добавил тише, – последняя буква в алфавите.

– Зачем? – недоумевая, спросила Лена, – это же память!

– Ревновал сильно.

– А как ты жил, когда... – она сглотнула слезу, – отказался от меня?

Послышался сдавленный стон, зубной скрежет и нервный прерывистый голос Григория:

– Плохо! Плохо я жил! Год в больнице пролежал, еще два мотался по санаториям. Лечил туберкулез, свалившийся на меня неизвестно откуда, – и уже спокойнее продолжал, – Мама твоя очень просила подписать бумагу. Замуж она выходила. У семьи должна быть одна фамилия. Вот я и подписал.

– Я так и думала, – спокойно сказала девочка. – Ладно, все хорошо. Поехали.

– Ты меня прощаешь?

У Лены похолодело все внутри при мысли, что они сейчас могут разругаться и расстаться теперь уже навсегда. Обрести и тут же потерять – это жестоко. Да к тому же она простила еще вчера, поняв причину, и ведь решила не говорить на эту тему, но не сдержалась. А теперь вот обидела человека, и Лена поспешно виновато заверила:

– Конечно, ты же не мог иначе.

Послышался облегченный вздох, и девочка вновь почувствовала горячее дыхание рядом:

– Ты моя родненька, одна ты меня любишь и жалеешь.

Глава 11

Утро принесло еще один день общения с отцом. Жанна входила и выходила из комнаты, накрывая на стол, и старалась не замечать сияющих глаз девочки и блуждающей на губах счастливой улыбки. Ей было и жалко эту девочку и страшно. От Гришки можно чего угодно ожидать, а пока ребенок разберется, что к чему, пострадать может и она, и ее Анжела. Когда женщина вышла в очередной раз, Григорий распахнул руки во все стороны и как плохой актер, воскликнул:

– Бери, что хочешь в этой комнате!

Лена удивленно подняла выгоревшие брови.

– Зачем? Мне ничего не нужно.

– Нет, нет, – задыхался он от собственной щедрости, – возьми что-нибудь на память о нашей встрече.

– Ну, хорошо, – сдалась Лена, лишь бы только не обидеть Григория.

Она подошла к этажерке, где наверху стояли фотографии, и вынула тоненькую брошюрку о Мольере и смущенно спросила:

– Можно ее взять?

Испуганно протестующее движение огорчило ее, но не успела Лена положить книгу на место, как Григорий подбежал с нежной улыбкой и ласково произнес:

– Ну, что ты, роднулька! Бери, конечно, бери. Я же сказал, что хочешь – бери

– А она твоя? Может, Жанна будет ругаться?

Жанна стояла, опершись о косяк двери, и курила.

– Ты, ты опять! Смерти моей хочешь?! Мне нельзя дышать дымом, ты это понимаешь?! – закричал Григорий и топнул ногой от переполнявшей его ненависти.

Жанна неторопливо села на подоконник в кухне, выпустив колечки, и оттуда уже крикнула:

– Бери. Она не будет ругаться.

Григорий повернулся к Лене, и ярость на лице тут же сменилась ласковой улыбкой.

– Пойдем лучше по бульвару погуляем, заодно я провожу тебя.

Они спустились и вышли на залитый солнцем бульвар.

– Вот видишь, и защитить меня некому. А как не хочется иногда домой возвращаться... ты не представляешь!

– Где-то я уже слышала это, – подумала Лена, но размышлять было некогда.

Бульвар благоухал цветниками, красовался фонтанами, звучала музыка, бегали дети, на скамьях отдыхали горожане.

Григорий, видя, что девочка отвлекается, взял ее под руку и продолжал:

– Понимаешь, меня в этом доме никто не любит. А Жанна... Она не тот человек, который мне нужен. Да и зачем она нам? Правда?! – он засмеялся. – Ты же ко мне приедешь?

Лена кивнула.

Они шли не спеша. Григорий не обращал внимания ни на мороженщицу, которая предлагала вкуснейшее эскимо, ни на аппараты с газированной холодной водой, (а Лене очень хотелось пить) ни на великолепные витрины с шоколадными конфетами и божественными кусочками торта. Пустая сумочка с записной книжкой болталась на боку, как совершенно бесполезная вещь!

« Конечно, – думала она, – он купил бы все, что бы я ни попросила, но просить...

Лена стеснялась своих меркантильных мыслей и иногда при виде лотка с мороженым краснела и опускала голову, чтобы Григорий не заметил ее желаний. А он и не замечал. Ничего. Шел вперед к автовокзалу, ускоряя шаг.

– Вот и пришли. Ты сама билет купишь? – спросил он заботливо.

Лена опять покраснела.

– Так получилось, – замялась она, – у меня высыпались деньги в сено.

Брови Григория поползли удивленно вверх.

– Деньги... в сено?! К деньгам надо относиться серьезно. Мама этого не умела и тебя не научила. Ну, ладно, пойдем к кассам.

Через некоторое время он посадил Лену на сиденье, как маленького несмышлениша, и только тогда отдал билет с напутствием:

– Смотри, не потеряй. Держи в руках до самого Ново-черкасска, а то мало ли что. Ну, все, родненькая, пиши мне, как договорились на главпочтамт «До востребования», чтобы никто наши письма не читал. Поняла?

Потом почему-то опустил глаза, переступил несколько раз с ноги на ногу и виноватым голосом сказал:

– А вообще, родненькая, если захочешь приехать, ты мне заранее напиши, а то я часто в командировках. Считай, бездомный, – он опять поцеловал Лену в щеку, – Все. Пиши!

Автобус тронулся, он усердно замахал рукой, а Лена только смотрела сквозь стекло на бегущую стройную фигуру отца и не могла пошевелить пальцами, чтобы ответить и вытереть слезы, катящиеся по щекам.

О чем она плакала? Ведь тайна раскрыта, отец найден, ласковый, непьющий. Все, как мечтала! Что же не так? Неуютно, беспокойно, и радости нет. Может, не отца она искала?

Потом она откинулась на сиденье и закрыла глаза. Все, от нее отказались во второй раз! Она окончит школу и поступит не в техникум, а в институт, будет учиться в городе, где родилась, Только жить ей нужно самой, как учил отец, самой получать специальность и верить в себя, и надеяться только на себя, как Эльбрус. И это навсегда.

Глава 12

Пролетело лето. Беды будто утонули, будто растворились в повседневной, монотонной суете дня. В доме все спокойно, тихо, уютно.

Лена шла по осеннему парку, подбрасывая носком сапожка ворох скрученных шелестящих листьев. Хорошо! Легко дышится. Какая тихая осень на Кавказе! Клены пронизаны нежным, ласковым солнцем и засыпают медленно, нехотя; прощаясь, впитывают его тепло каждым листочком.

Сегодня очень удачный день! В музыкальной школе экстерном сдала экзамен по специальности, и ее хвалили. Молодец! А ей нравилось быть занятой: от этого настроение только улучшалось.

Поездка к отцу вспоминалась теперь, как сказочное путешествие, далекое и прекрасное, а тайну, она спрятала так глубоко, что вспоминала о ней все реже и реже. Ей казалось: ворота закрылись в волшебное царство детства. Она повзрослела.

К дому подходила уже в сумерках. Ясень желто-красными листьями приветливо освещал дорожку. Краем глаза заметила в почтовом ящике что-то белое. Вот это да! Письмо? Открыла калитку и достала конверт, необычный, с печатями, из Ростова на имя мамы.

Вечером, после работы, Иван, прочитав бумагу, поданную

ему дочкой, свернул ее и сказал, вытирая руки:

–Опять дележ наследства! Не показывай пока матери. Только в себя стала приходиться.

Он тяжело вздохнул и лег на диван.

–Ты есть будешь? – спросила удивленная Лена.

Обычно отец отдыхал после ужина.

–Позже, – буркнул он, и неожиданно громко произнес. – Гришка звонил, выражал маме сочувствие и просил, чтобы ты хотя бы изредка писала.

Лена замерла, потом вошла в спальню и села напротив, а Иван спокойно продолжал:

– Когда все Ежовы сбрасывались на лечение, он незаметно смылся.

В сумерках Лена видела лишь очертания лежащей фигуры. Значит, он все знал и молчал!

Она еще посидела в ожидании продолжения разговора, но Иван молчал. Лена встала и вышла в кухню, а вслед неслись наставления:

– А ты, давай, учись! Зачем тебе среднее образование? Высшее! Получай высшее!

3.01.2020